

ISSN 2520-2219

СОФРИЯ

ЭЛЕКТРОННЫЙ НАУЧНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ ЖУРНАЛ

2025 № 2

Учредители:
БГУ, Фундаментальная библиотека БГУ, ОО «Камея-клуб»

Руководитель проекта:
доктор филологических наук, профессор, председатель Совета ОО «Камея-клуб»,
член Союза писателей Беларуси *И. В. Казакова*

Редакционная коллегия:
д-р филол. наук, профессор *И. В. Казакова* – председатель (Беларусь);
д-р ист. наук, профессор *С. Н. Ходин* – заместитель председателя (Беларусь);
д-р юрид. наук *В. Н. Бибило* (Беларусь);
канд. хим. наук *Е. И. Василевская* (Беларусь);
д-р хим. наук *Т. Н. Воробьева* (Беларусь);
канд. филол. наук *О. А. Горбач* (Беларусь);
д-р филол. наук *А. Н. Гордей* (Беларусь);
д-р ист. наук *А. В. Гурко* (Беларусь);
д-р экон. наук *Е. Л. Давыденко* (Беларусь);
д-р юрид. наук *Т. И. Довнар* (Беларусь);
д-р филол. наук *Л. Р. Дускаева* (Россия);
д-р филос. наук *Р. Иманжусип* (Казахстан);
д-р ист. наук *И. И. Калачева* (Беларусь);
д-р социол. наук *Е. А. Кечина* (Беларусь);
канд. пед. наук *В. В. Колотова* (Россия);
д-р биол. наук *Л. В. Комлюк* (Беларусь);
д-р социол. наук *И. В. Котляров* (Беларусь);
д-р ист. наук *А. Г. Кохановский* (Беларусь);
д-р хим. наук *Н. В. Логинова* (Беларусь);
д-р биол. наук *Н. П. Максимова* (Беларусь);
канд. экон. наук *О. Ф. Малашенкова* (Беларусь);
д-р культурологии *В. Ф. Мартынов* (Беларусь);
канд. пед. наук *С. Ю. Пащенко* (Украина);
д-р филос. наук *Т. Г. Румянцева* (Беларусь);
канд. филол. наук *А. А. Скоропадская* (Россия);
д-р культурологии *В. П. Скороходов* (Беларусь);
д-р культурологии *А. И. Смолик* (Беларусь);
д-р. филол. наук *Тао Юань* (Китай);
д-р ист. наук *С. Н. Ходин* (Беларусь);
д-р экон. наук *Хуан Чжэн* (Китай);
канд. филол. наук *Чжан Хуншань* (Китай);
канд. филол. наук *Чэнь Ваньлэй* (Китай);
д-р филол. наук *Н. Г. Шаймердинова* (Казахстан);
д-р социол. наук *Б. А. Швагждиене* (Литва);
д-р гуманитар. наук *Р. Юрковский* (Польша);
д-р филол. наук *О. В. Яковлева* (Украина);
д-р филол. наук *Я. С. Яскевич* (Беларусь).

Редакция журнала:
Главный редактор *И. В. Казакова*
Заместитель главного редактора *В. Г. Кулаженко*
Ответственный редактор *Г. А. Фофанова*
Второй редактор *Ван Хуэй* (Китай)
Литературный редактор *А. Н. Метлицкая*
Технический редактор *О. Е. Гопащенко*
Ответственный секретарь *К. С. Полянская*

Журнал основан в 2016 г. Периодичность издания – 2 раза в год.
На русском, белорусском и английском языках. ISSN 2520-2219
Включен в библиографическую базу данных научных публикаций
«Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ)
Включен в базу данных научной информации CNKI
(China National Knowledge Infrastructure)

Содержание статей не всегда совпадает с точкой зрения редакции.
Ответственность за точность и правильность информации,
содержащейся в статьях, несут авторы публикаций.
Статьи на английском языке представлены в авторской редакции

Рецензенты номера:
доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской
и мировой литературы филологического факультета
Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины
В. С. Новак;
доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры этнологии,
музеологии и истории искусств исторического факультета БГУ
Т. А. Новгородский;
кандидат географических наук, доцент, заведующий кафедрой физической географии мира
и образовательных технологий факультета географии и геоинформатики БГУ
А. А. Карпищенко.

И. В. Казакова

УДК 398.8(476.4)

Кафедра теоретического и белорусского литературоведения, филологический факультет, Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь

ФОЛЬКЛОР ХОТИМЩИНЫ

В статье раскрывается роль фольклора, сохранения и продолжения лучших традиций белорусского народа, анализируется фольклорное наследие Хотимщины – восточного региона Беларуси.

Ключевые слова: фольклор; народные традиции; обрядовые и внеобрядовые песни; региональная специфика.

Образец цитирования: Казакова, И. В. Фольклор Хотимщины / И. В. Казакова // София: электрон. науч.-просветит. журн. – 2025. – № 2. – С. 3–9.

I. Kazakova

Department of Theoretical and Belarusian Literary Studies, Faculty of Philology, Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

THE FOLKLOR OF HOTIMSHINA

The article reveals the role of folklore, preservation and continuation of the best traditions of the Belarusian people, analyzes the folklore heritage of Hotsimshchyna – the eastern region of Belarus.

Keywords: folklore; folk traditions; ritual and non-ritual songs; regional specifics.

For citation: Kazakova, I. The Folklor of Hotimshina. Sophia. 2025;2:3–9. Russian.

Автор:

Ирина Валерьевна

Казакова – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теоретического и белорусского литературоведения филологического факультета БГУ.

Author:

Irina Kazakova – Doctor of Science (Philology), Professor, Professor of the Department of Theoretical and Belarusian Literary Studies of the Faculty of Philology of BSU.

<https://orcid.org/0009-0004-0578-7313>
irina_sml@bk.ru

Преемственность поколений нигде не отражается так полно и естественно, как в фольклоре. В последнее время всё больше набирает силу научное и культурно-просветительское течение, в котором народное творчество видится в трёх измерениях – прошлом, настоящем и будущем. Большое значение имеет фольклор для создания целостного образа мира, восприятия себя во Вселенной, осмысления своего места на Земле. Глубокое и всестороннее изучение фольклора даёт возможность исследовать истоки национального самосознания, что поможет нам более объективно оценивать историю и правильно ориентироваться в современных этнических процессах. Изучение богатого фольклорного наследия нашего народа способствует формированию патриотизма, чувства гордости за свой народ, его историю и культуру. Каждый регион нашей страны имеет свою фольклорную специфику, особенности сохранения и развития народного наследия.

Хотимский район занимает примерно три процента территории Могилёвской области – это самая восточная часть Беларуси на границе с Россией. Хотимщина расположена на берегах реки Беседь с её притоками. Природа края очень красива и разнообразна. Большие лесные массивы занимают четвертую часть района, есть тут и реки, и озёра, также на территории района имеются и природные заказники.

Хотимский район Могилёвской области имеет очень богатое фольклорное наследие. Благодаря рачителям-собираателям фольклора многое из ценнейшего духовного наследия наших предков сохранилось и является достоянием сегодняшних и будущих поколений белорусов.

О важности сохранения памятников фольклора и этнографии учёные начали задумываться относительно недавно – в конце XVIII века. Как раз в это время (в 1786 году) в Беларуси была проведена первая этнографическая экспедиция под руководством Андрея Казимировича Мейера, результатом которой стала его работа «Описание Кричевского графства, или бывшего староства». Потом, в XIX веке, изучение Беларуси стало осуществляться планомерно и более-менее качественно. К сожалению, Хотимщина не была широко представлена в списке регионов, фольклорно-этнографическая особенность которых была бы официально засвидетельствована, поэтому и фундаментальное изучение её устного наследия началось только во второй половине следующего, XX века.

Одними из первых записали песни и некоторые обряды в Забелышинском приходе Климовичского уезда внештатные корреспонденты «Могилевских губернских новостей». Затем, систематизированные под руководством редактора газеты И. В. Рубановского, эти материалы вошли в первый том уникального «Опыта описания Могилевской губернии...» (1882).

В четвёртом выпуске монументального издания Е. Р. Романова «Белорусский сборник» (1891) на страницах 196, 197 находим записанное в местечке Забелышино интересное предание о происхождении озера. Содержание его наследует лучшие традиции древних апокрифов, в которых Бог и святые апостолы наделяются чертами реальных, известных многим людей.

Евдоким Романович Романов, опубликовавший более 10 тысяч фольклорных произведений, не обошёл вниманием и такой утилитарный, тогда ещё практический жанр, как заговоры. Климовичский уезд (в том числе, конечно, и нынешняя Хотимщина)

также дал ему несколько десятков «сильных», как утверждали респонденты, по степени своего воздействия «наговоров». Народные заговоры – один из самых древнейших фольклорных жанров.

Согласно свидетельству исследователей фольклора (З. Я. Можейко, Т. Б. Варфоломеева), значительную научную ценность имеют песенные записи, сделанные в 1908 году в деревнях и местечках тогдашнего Климовичского уезда И. Зубовым. К сожалению, они не опубликованы. Тем не менее важным является уже сам факт их существования, того, что ценные духовные приобретения навечно остались в истории нашей культуры.

XX столетие как бы подвело итог тому, что было накоплено человечеством за долгие века его существования. Для устного народного творчества белорусов таким «итогом» стало издание многотомной серии «Беларуская народная творчасць», осуществлённое Институтом искусствоведения, этнографии и фольклора Академии наук Беларуси. Широко представлен в этом уникальном издании и фольклор Хотимщины. Вот некоторые образцы песен, записанных в этом районе в 1968 году участниками фольклорно-этнографической экспедиции:

– Ой, вясна, вясна,
Што ты нам прынясла?
– Дзевачкам – па яечку,
Хлопцам – па скулечку.
Дзеўкам – па булцы,
Хлопцам – па скулцы.
Ой, вясна, вясна,
Цёплае лецечка,
Абрасла трава,
Як авечачка.

(Записал А. С. Федосик в д. Тростино от М. Е. Новиковой, 75 лет.)

Так пели на зазывание весны девушки. Парни же пели наоборот:

Хлопцам – па булцы,
Дзеўкам – па скулцы.

Во время праздничного застолья, посвящённого рождению ребёнка, популярной была такая песня:

Я ў піру была, я ў бяседушке,
Я ў бяседушке, у суседушкі.
Я не мёд піла, а гарэлачку.
Я піла молада з поўнага вядра,
З поўнага вядра цераз край да дна.
Я піла, піла, напівалася,
Цёмным лесам ішла – не баялася,
Чыстым полем ішла – не шаталася,
А к двору падышла – пашацілася,
За вярмелюшку я схапілася.
– А вярмель мой, вярмель,
ты вярмелюшка,

*Падзяржы мяне, бабу п'яну,
бабу хмельную.*

(Записала М. С. Шушкевич в д. Забелышин от Анны Казаковой, 48 лет.)

Не может не впечатлить слушателя, не разбудить в нём сыновних чувств одна из баллад, записанная в том же Забелышине Л. Н. Соловей от Матроны Новиковой, 1897 год рождения, и Анастасии Смирновой, 1903 год рождения. Действительно мудрый народ умел дойти до сердца своих неосмотрительных детей:

*Гоман, гоман на вуліцы,
А пайду ж я паслухаю.*

*А сын матку з двара гоніць:
– Ідзі, маці, далоў з двара.*

*А ты ўжо мне надаела,
Надаела, надакучыла.*

*Надаела, надакучыла,
Дзяцей маіх памучыла.*

*Дзяцей маіх памучыла,
Жану маю ізжурыла.*

*А пайшла маці, заплакала,
Ідзець поле і другое.*

*На трэцяе стала усхадзіць,
А ці не стогніць дарожачка.*

*А ці не стогніць дарожачка,
То сын матку даганяіць.*

*– Вярнісь, вярнісь, мая мамачка,
Вярнісь, вярнісь, мая родная.*

*У мяне ўжо бяда здзеілася:
Конь вараны на ногі ўпаў.*

*Конь вараны на ногі ўпаў,
Жана млада ў пасцель лягла.*

*Жана млада ў пасцель лягла,
Дзеці малыя забалелі.*

*Стала маці, падумала,
Яна дворачку вярнулася.*

*К двору стала падыходзіць,
Конь вараны на стайні зарзаў.*

*Дзеці малыя заскакалі,
Жана млада з пасцелі ўстала.*

Сегодня почти все знают белорусскую шуточную песню «Ой, хотела ж меня мать...». На Хотимщине существует свой вариант этой песни, ничем не хуже в плане художественных достоинств того, что исполняют в концертных залах. Записан он в 1968 году В. И. Скидан в д. Тростино от Р. П. Захаренко:

*Ой, хацела ж мяне маць
За каваля замуж даць.*

*Ой, дуду маю дуду,
Дуду-дуду.
За каваля не пайду,
Каваль будзе куці-куці,
А мне скажа мехам дуці.
Ой, хацела ж мяне маць
За рымара замуж даць.
Рымар будзе шыці-шыці,
А мне скажа дратву віці.
Ой, хацела ж мяне маць
За п'яніцу замуж даць.
Бо п'яніца будзе піці,
Мяне младу будзе біці.
Ой, хацела ж мяне маць
За мельніка замуж даць.
Мельнік меле і шатруе,
Абярнецца – пацалуе.
А ў мельніка хата чорна,
А ў хаце стаяць жорна.
Жорна будуць пытляваць,
А я буду цалаваць.*

В 1996 году вышел сборник «Традыцыйны фальклор Магілёўскага Падняпроўя» (сост. Т. Б. Варфоломеева), где также помещены произведения, которые были записаны на Хотимщине. Например, рождественская песня, записанная в д. Тростино, жатвенная песня, записанная в деревнях Варваровка и Узлоги, свадебная песня, записанная в деревнях Николаевка, Тростино, Янополье и других. В д. Липовка (Хотимский район) были записаны интересные купальские поверья от Фёклы Осиповны Романенко, например:

«Купальская ноч такая, што калдуюць многа. Можна здзелаць, штоб ваўком быць, і свіннёю, і кім хочаш, ці катом пабяжыш. Расказвалі, адна дзеўка сядзела з хлопцам уночы і бачыць – капна сена на вуліцы бягіць. А няма ні каня, ні чалавека, ні калёс. Эта на Івана ведзьмы ператвараюцца так і бегаюць, урэд дзелаюць. Вот у нас раньшэ агароды палоскамі былі, дык яны, кажучь, бегалі да, к прымеру, з маёй паласы зямлі схваціць і сабе нясець. Эта што б мне беднасць была, а ёй багацтва».

В 1999 году появилась книга «Песні Беларускага Падняпроўя», в которой З. Я. Можейко и Т. Б. Варфоломеева на самом высоком художественно-научном уровне представили записи более трехсот замечательных образцов песенного творчества региона. Достойное место среди них заняли песни талантливых исполнительниц из деревень Хотимщины: Беседовичи, Липовка, Варваровка, Енаполье, Василёвка...

Вот, для примера, одна из этих песен, так называемая «постовая» (пелась во время поста):

*А дарогаю шурокаю,
А дуброваю зялёнаю.*

*А туды ж бегла сіротачка.
А стреўсь з ёй сам Госпад Бог:
– Ты куды бягіш, сіротачка?
– Я бягу ж, бягу на круту гару,
На крутой гарэ каплічачка,
А ў каплічычкі мая мамычка,
А расчашы мне русу косычку.
– А ніхай чэшыць люта мачыха.
– Люта мачыха чэшыць – валосся рвець,
Абуваіць – праклінаіць.*

(Записала Т. И. Кухаренок в 1993 году в д. Беседовичи
от М. Г. Чибусовой, 1915 года рождения)

Легенды и предания о происхождении деревень Хотимского района разместил А. М. Ненадовец в книге «Магілёўшчына ў легендах і паданнях» (Минск: Беларусь, 2002).

И в начале XXI века жители многих деревень Хотимщины продолжают сохранять традиции предков. Жители д. Горня до сих пор не забывают о празднике своей знаковой иконы. Раньше почти каждая деревня Могилёвщины имела икону-защитницу. В Горне – это икона Святой Великомученицы Варвары. К празднику сельчане готовятся заранее – накрывают праздничный стол и ждут дорогих гостей.

Как утверждают жители Хотимщины, например, 75-летняя Екатерина Мироновна Лауценко, песня «Касіў Ясь канюшыну» вышла именно из этой местности, из д. Роскошь. Сначала песня была спета на областном конкурсе. Председатель жюри Г. Р. Ширма дал ей высокую оценку и, собственно, вывел на широкую сцену, так как потом деревенские певуны исполняли её и в Минске, и в Москве. Спустя некоторое время живая народная песня была замечена «Песнярами» и вышла на большую сцену.

Екатерина Мироновна знала и продолжение «Яся...»:

*Ясь жаніўся на Яніне,
Працавітай жа дзяўчыне.
І цяпер Яніна з Ясем
Працай славяцца ў калгасе.

Косіць Яська канюшыну
Не касою, а машынай.
На Яніну Яська гляне –
Жне Яніна на камбайне.

Давай, Яська, пасядзім,
Пра жыццё пагутарым.
Любка мамка ты наша,
Не паедзем із калгаса.

Як нам добра тут жыць.
Сваім калгасам даражыць.
Ясь знайшоў свой пакос.
Прыязджайце ў наш калхоз.*

Хотимский район интересен тем, что многие фольклорные произведения, обычаи и обряды сохраняются там не только в памяти местных жителей, но бытуют и сегодня.

Фольклорному наследию Хотимщины посвящена монография автора настоящей статьи (Казакова И. В. «Фальклорная спадчына Магілёўшчыны (Хоцімскі раён)», Минск, 2012). В книге представлены записи фольклорных произведений, сделанные в конце XX – начале XXI века.

Народное творчество, сохранённое в разных регионах Беларуси, предоставляет богатый материал для всестороннего исследования специфики этноса, белорусской народной культуры, её исторических истоков, развития и современного состояния.

Хотимский район Могилёвской области имеет свою специфику. Одной из особенностей этой местности является широкое бытование древнейших фольклорных жанров, например, таких как заговоры, которые органично входят в структуру, к примеру, семейных обрядов, а также существуют самостоятельно. Сохранились также, особенно в обрядовых контекстах, древние приметы и поверья. Примечательно, что для Хотимщины вообще характерна высокая степень сохранности семейных обрядов и поэзии, которая их сопровождает, родинных и свадебных песен.

Некоторые ритуалы, входящие в состав семейных обрядов, также являются специфическими для этого региона и первоначальным смыслом связаны с языческим мировоззрением, с самыми древними представлениями. Очень чётко, именно в обрядах семейного цикла, отразились и закрепились архаичные верования и ритуалы, связанные с представлением о круговороте жизненных форм, сконцентрированные вокруг универсального мирового представления – через смерть к новому рождению. Преломление этого основного тезиса древнего мировоззрения в фольклоре очень важно для глубокого и всестороннего изучения белорусской культуры.

Сохранились на Хотимщине и календарные обряды и праздники. Наиболее ценным является сохранение и возрождение таких малоизвестных календарных праздников, как «Аўсень» и «Мікольшчына».

Богат этот регион и на песни. Надо отметить, что наиболее здесь сохранились песни внеобрядовые: семейно-бытовые, любовные, шуточные и другие. Остаются востребованными и развиваются дальше частушки.

Также очень важным моментом является то, что жители почти каждой деревни знают историю её происхождения, легенды и предания, связанные с родными местами. В этой местности люди не только сохранили в памяти памятники исконной культуры, но и, как свидетельствуют собранные материалы, народные обычаи и обряды являются неотъемлемой частью их жизни, продолжают существовать и сегодня. Хотимский район можно действительно рассматривать как уникальное место, где хранится большое количество памятников народной культуры, многие из которых насчитывают не одно столетие, а то и тысячелетие своего бытования.

Недаром говорят, что народ остаётся народом, пока сберегается его память, духовная память всех поколений, которая отражена в обычаях, обрядах, песнях, легендах, преданиях и многих других сокровищах народного творчества.

Т. А. Морозова

УДК 398.332.29(476.2)

Кафедра теоретического и белорусского литературоведения, филологический факультет, Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь

ОБРЯД «ПРОВОДЫ РУСАЛКИ» НА ЛОЕВЩИНЕ КАК САМОБЫТНОЕ ЯВЛЕНИЕ БЕЛОРУССКОЙ РУСАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ

Статья подготовлена по результатам фольклорной экспедиции в Лоевский район Гомельской области в 1993 году и посвящена изучению уникального обряда «Проводы русалки», известного в этой местности в конце XX века. Анализируются образ русалки, все этапы обряда и сопровождающие его песни. В результате складывается общая картина бытования обряда «Проводы русалки» в регионе Гомельско-Брянско-Черниговского пограничья.

Ключевые слова: белорусская русальная обрядность; русалка; обряд «Проводы русалки»; Лоевщина; Восточное Полесье.

Образец цитирования: Морозова, Т. А. Обряд «Проводы русалки» на Лоевщине как самобытное явление белорусской русальной обрядности / Т. А. Морозова // София: электрон. науч.-просветит. журн. – 2025. – № 2. – С. 10–15.

T. Morozova

Department of Theoretical and Belarusian Literary Studies, Faculty of Philology, Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

THE RITUAL OF «FAREWELL TO THE MERMAID» IN THE LOEV REGION AS A DISTINCTIVE PHENOMENON OF BELARUSIAN MERMAID CEREMONIALITY

The article was prepared based on the results of the author's folklore expedition to the Loev district of the Gomel region in 1993 and is devoted to the study of the unique rite of «Farewell to the mermaid», which was practiced in this area at the end of the last twentieth century. The image of the mermaid, all stages of the rite and the accompanying songs are analyzed. As a result, a general picture of the existence of the rite of «Farewell to the mermaid» in the Gomel-Bryansk-Chernigov borderland is created.

Keywords: Belarusian mermaid rites; mermaid; rite of «Farewell to the mermaid»; Loev region; Eastern Polesie.

For citation: Morozova, T. The Ritual of «Farewell to the Mermaid» in the Loev Region as A Distinctive Phenomenon of Belarusian Mermaid Ceremoniality. Sophia. 2025;2:10–15. Russian.

Автор:

Татьяна Анатольевна Морозова – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой теоретического и белорусского литературоведения филологического факультета БГУ.
morota2012@yandex.ru

Author:

Tatyana Morozova – PhD in Philology, docent, head of the Department of Theoretical and Belarusian Literary Studies of the Faculty of Philology of BSU.

В белорусской обрядности существует как отдельная единица народной культуры фольклорно-этнографический комплекс Русальной недели. Он занимает особое положение в календаре, предопределённое принадлежностью к переходному периоду (от весны к лету), что обусловило особенности его содержания и семантики. В ходе фольклорной экспедиции в Лоевский район Гомельской области (1993 г.) студенткой первого курса белорусско-русского отделения филологического факультета Белорусского государственного университета Татьяной Ивахненко (ныне Морозова) были записаны местный обряд «Проводы русалки» и пять песен, в том числе четыре неизвестных по другим изданиям текста и новый вариант песни «Проведу русалку». Среди них особый интерес представляет хороводная песня «Ах, моя русалочка», в которой представлен самобытный образ белорусской русалки.

Эпицентром бытования обряда «Проводы русалки» является русско-белорусско-украинское пограничье. Песенное творчество о русалке наиболее распространено у белорусов, известно украинцам, встречается в сопредельных с Беларусью регионах у русских. В целом белорусский русальный обряд является локальным явлением. Его ядро – Лоевский и Брагинский районы Гомельской области, периферия – Ветковский, Гомельский, Речицкий, Наровлянский, Лельчицкий и Петриковский районы, которые окружают ядро с северо-востока и запада. Поверья о русалках охватывают гораздо большую территорию, не ограничиваясь Беларусью и регионом Гомельско-Брянско-Черниговского пограничья. Они известны и на Новогрудчине (достаточно вспомнить произведения Адама Мицкевича «Свितязянка», «Рыбка», «Пан Тадеуш», основанные на этих поверьях), и в Минской области, о чем свидетельствуют фольклорные записи XIX века (П. В. Шейн, Е. Р. Романов, М. В. Довнар-Запольский), и на Смоленщине, Брянщине, Рязанщине, и в Поволжье, а также практически на всей территории Украины, где заметны существенные семантические различия в образе русалки. Следует отметить, что сведения об обрядах проводов русалки здесь отсутствуют, за исключением Поволжья в России. Например, у русских русалка представлена как «заложённый покойник» («заложёнными покойниками» считались умершие неестественной смертью, преждевременно, утонувшие или некрещёные дети) и характеризуется демоническими чертами. У украинцев демоническая сущность русалки ослабевает по мере приближения к границам Беларуси, где уже отчётливо видна неоднозначность этого образа. Белорусская русалка в обряде – существо созидательное, хотя в поверьях и некоторых песнях можно найти подтверждение её негативной роли. Изучение акциональных символов (или ритуальных действий) обрядов проводов русалки, основанное на осмыслении этих действий информаторами Лоевского района Гомельской

области, доказывает преобладание созидательного начала в образе русалки, вследствие чего сами обряды трактуются как торжественное сопровождение вестницы хорошего урожая – русалки – в ржаное поле.

В зависимости от местности ареала белорусский образ русалки представлялся по-разному. Это могла быть переодетая девушка или соломенная кукла-русалка (чучело). Сами обряды проводов отличались деталями, которые издревле имели магическое значение. Например, в Наровлянском районе русалку провожали в понедельник Русальной недели, а в Брагинском – в воскресенье. Неизменным оставалось лишь время русальных празднований – вторая неделя после Семика (Троицы). Общей идеей Русальной (Граной – по-белорусски) недели были проводы весны и переход к летним обрядам. Различалось и время в течение суток, когда русалку проводили в рожь: в полночь (Лельчицкий, Ветковский, Хойникский районы) и в полдень (Лоевский, Брагинский районы). Инвариантная схема обряда «Проводы русалки» включает в себя следующие звенья:

- 1) русалку ловят на кладбище (присутствует в Наровлянском, Брагинском и Лоевском районах);
- 2) отводят в хоровод на горе (Ветковский и Лоевский районы);
- 3) русалку проводят по главной улице деревни (Добрушский и Лоевский районы);
- 4) по дороге в рожь:
 - прыгают через костёр, сжигая на нём венок русалки (Лельчицкий район) или соломенную куклу-русалку (Гомельский район);
 - русалку моют в реке и гадают на воде, пуская венки (Лоевский район);
- 5) русалку проводят в рожь (присутствует по всему ареалу);
- 6) наряд русалки разрывают на части, которые несут на грядки (присутствует по всему ареалу).

В таком неизменном виде обряд сохранился только в центральной части ареала – в Лоевском районе. Этот уникальный обряд ещё в начале 90-х годов XX века совершали в деревнях Димамерки и Щитцы, а также в самом городском посёлке Лоев (здесь, однако, совершались не все звенья обряда). Например, в Лоеве Русальная неделя отмечалась приходом русалки в рожь определённого хозяина. Хозяин знал, что русалку поведут этим вечером, и готовил котёл с дёгтем. За русалкой гонялись, ловили, привязывали к дереву или столбу и обмазывали дёгтем, чтобы она не гуляла во ржи и не топтала её.

Число звеньев в периферийных районах распространения обряда проводов русалки вариативно (от трех до пяти), что напрямую связано с местными природными особенностями. Так, наличие реки недалеко от деревни обуславливает присутствие такого звена, как речное омовение русалки перед тем, как вести её в рожь. В холмистых районах русалку обязательно заводили в хоровод на холме, а затем вели через всю деревню в рожь. В отдельных районах наблюдается утрата некоторых свойств обряда. Например, в Речицком районе (деревня Заспа) обряд «Проводы русалки» утратил сакральный смысл, связанный с её проводами в рожь, в результате чего его структура разрушилась, уступив место различным театральным-драматизированным игровым действиям.

Только на Лоевщине, в деревне Димамерки, «Проводы русалки» объединяют три культа – культ растительности, культ плодородия и культ предков, которые связаны

многогранным образом русалки. При этом через все звенья обряда проходит идея счастливого замужества. В воскресенье, ближе к вечеру, девушки идут в поле или лес собирать цветы для венков. Здесь важен как выбор цветов, так и время плетения венков. Например, венки, которые нужно будет повесить на кресты на кладбищах, девушки плетут перед самым закатом и оставляют на могилах на всю ночь. Для таких венков используют только ромашки. Как известно, белый цвет символизирует чистоту, дневной свет. Однако на Лоевщине (как и в некоторых других регионах Беларуси) этот цвет связан со смертью (к примеру, на похоронах у женщин должны быть повязаны на голове белые платки). Поэтому такие венки в виде замкнутого цветочного круга символизируют связь жизни – смерти – жизни в новом качестве.

Для себя девушки плетут венки из васильков, активное цветение которых приходится на время колошения ржи. Васильки впитали в себя цвет неба. И они до сих пор считаются девичьими цветами у жителей Димамерок. В общеславянской традиции засеянное поле является символом женского плодородия, а синий цвет символизирует верность и постоянство – согласно народной морали, качества, необходимые будущим жёнам и матерям.

Для самой красивой девушки с длинными волосами, которую выбирают на роль русалки, девушки плетут большой венок из разных цветов. Красный клевер, розовые кувшинки, оранжевая кашка, белые ромашки, жёлтые одуванчики, синие васильки, переплетённые листьями папоротника, – обязательно полевые цветы идут на венок русалки, который вбирает в себя основные цвета радуги и вместе с одеждой русалки символизирует наивысший расцвет природы. Одежда русалки обладает плодородной силой и изготавливается из веток берёзы и осины. Интересно, что из оппозиции «лиственные деревья – хвойные» выбираются только лиственные. Объяснение этому довольно простое: с одной стороны, на территории Лоевщины хвойные деревья почти отсутствуют (если не брать во внимание централизованные лесопосадки); с другой стороны, садовые, культурные деревья вторичны, а берёза, осина, дуб, клён – первичны (как и полевые цветы по сравнению с садовыми). Берёза считалась священным деревом в славянской мифологии и до сих пор почитается как женский символ. Осина, напротив, имеет отрицательную семантику, что объясняется двумя особенностями – дрожанием листьев даже в тихую безветренную погоду и красноватым оттенком сердцевины. Осины ассоциируются с ведьмами, нечистой силой и даже с дьяволом. Понятно, почему для одежды русалки выбираются деревья с разносторонней семантикой: в народном сознании это подчёркивает амбивалентность самого образа, его отрицательные и положительные качества.

Венок и одежда русалки, как и венки девушек, плетутся с самого утра, пока солнце не высушит росу. Считалось, что именно в это время зелень полна жизненных соков, которые способны защитить от негативных сил в течение дня. По мере увядания цветов защитная энергия будет уменьшаться. Девушку, выбранную на роль русалки, раздевают до рубашки (а если волосы очень длинные, то и вовсе донага), одевают в тканое платье и обвивают гирляндами цветов. Следует отметить, что распускание косы, обнажение девушки, выбранной на роль русалки, не призвано походить внешне на этих мифических существ. Известно, что все участники обряда должны распустить косы, а потому это действие является общим сакральным моментом русального ритуала. После необходимых приготовлений девушки с венками в руках отправляются на кладбище, распевая русальные песни. Такие походы не всегда заканчиваются

хорошо: иногда кто-то из испугавшихся заболевает. Обычно парни устраивают какие-то «фокусы», чтобы напугать девушек: перетягивают верёвку через улицу, гоняются за девушками с крапивой. Таким образом пытаются перенести забавы русалок в реальную жизнь. Девушки оставляют венки на кладбище (на крестах своих близких) и возвращаются домой.

На следующий день в полдень жители деревни собираются на кладбище – это так называемые Русальные Деды, которые отмечают во вторую неделю после Троицы. Вскоре среди деревьев и крестов появляется русалка: её длинные волосы распущены, на голове венок из живых цветов, а сама она одета в зелёную одежду из берёзовых и осиновых веток, переплетённых ромашками и васильками. Она олицетворяет духов предков, напоминает о том, что их нужно не забывать и почитать. Представление о русалках как о духах предков делает их добрыми демоническими существами. Однако фигура русалки кажется магической и нереальной, поэтому девушки в страхе разбегаются, а парни начинают ловить русалку. Поймать русалку – значит подчинить её созидательной силе, после чего на протяжении всего обряда она становится пассивной, «ведомой» волею участников обряда. Появляясь на кладбище, она выступает как некое звено между миром живых и миром мёртвых. *«Однако люди испытывают к ней страх, как будто она что-то им плохое сделает. Но это уже русалка Граной недели. И она уже не водяная, а та, что живёт на деревьях и в поле. Она грустно ходит между могилами, но люди верят, что она за ними гонится»* (записано в 1993 году в деревне Димамерки во время фольклорной экспедиции от Бересневой Валентины Владимировны, 1945 года рождения, местной. Перевод с диалекта наш. – Т. М.). Девушки, отдельно от женщин, начинают водить хороводы-танки вокруг песчаных насыпей. Около горки заранее располагаются родители, которые сажают на неё одного ребёнка (своего рода защитная магия от нападения русалок). Когда дети садятся на такие горки, родители их хорошо видят, и они не потеряются. Хоровод-танок называется *кривым*, потому что исполняется по кривой линии вокруг трёх участников или горок из песка. Во время движения такой танец создавал фигуру, похожую на две слившиеся восьмёрки.

После того, как русалку поймали, её ведут в центр кривого танка и оставляют на холме, а девушки начинают водить вокруг неё хороводы. Русалка здесь выступает предвестницей хорошего замужества: именно с ней девушки и парни связывают свои мечты о счастье в будущей семье. Женщины постарше в таких танцах не участвуют: они собираются отдельно и поют свои женские песни.

Затем русалку ведут через всю деревню в рожь два русала (или рушала – парни, которым поручили сопровождать русалку), а за ними идут молодые люди, женщины, мужчины, старики, дети (этот момент сохранил коллективный характер архаичного праздника). Таким образом из деревни выводится всё плохое – русалка здесь якобы притягивает к себе негативные силы.

Шествие выходит за пределы деревни и останавливается у реки. Девушки омывают русалку речной водой. В это же время некоторые девушки гадают, пуская венки по реке. Если один венок встретится с другим, значит девушка выйдет замуж: *«Вот мы, подруги, собрали венки с кладбища и побежали в реку. И вот так: бросим два венка, и чьи венки встретятся, та и выйдет замуж. Может, это совпадение, но моя подруга их бросила, и они поплыли, уплыли далеко-далеко. А я их бросила: один поплыл, а другой в траву, а потом постоял и догнал тот венок. Та самая подруга вышла замуж,*

а я – через две недели» (записано в 1993 году во время фольклорной экспедиции в деревне Димамерки от Жупан Марфы, 1922 года рождения, местной. Перевод с диалекта наш. – Т. М.). Весь путь от реки до ржи сопровождается песнями, приуроченными к этому моменту обряда – проводам русалки в рожь. Музыка и шутки стихают, и только мелодия песни русалки разносится над окрестностями: над полем, над дорогой, над узкой полоской леса, поднимаясь всё выше и выше, прямо в бескрайнюю синеву неба. Чем ближе ржаное поле, тем торжественнее звучат слова песни русалки, тем яснее нюансы мелодии:

*Правяду русалку да бору,
Ой, рана-не-рана, да бору.
А сама вярнуся дадому,
Ой, рана-не-рана, дадому.*

*Правяду русалку да й грушкі,
Ой, рана-не-рана, да й грушкі.
А сама вярнуся к падружкі,
Ой, рана-не-рана, к падружкі.*

*Правяду русалку ў шчырай бор,
Ой, рана-не-рана, ў шчырай бор.
А сама вярнуся ў таткаў двор,
Ой, рана-не-рана, ў таткаў двор.*

(Записано также от Жупан Марфы, текст оригинальный. – Т. М.).

Все смотрят на русалку, а она, с тоской оглянувшись, вдруг сбрасывает с себя всю зелень и устремляется через рожь в лес. В это время каждый из присутствующих хватает веточку или цветочек из одежды русалки и быстро возвращается в деревню. Участники обряда бегут в огороды и бросают эти веточки и цветочки в огурцы (*чтобы хорошо росли*), в капусту (*чтобы кочан был крепким и густым*), в картофель. Одежда русалки имеет магическую плодоносную силу. Разрывание одежды и венка русалки символизирует окончание весны, приход нового сельскохозяйственного сезона для крестьянина и новый этап в природе.

После этого праздник продолжается: люди собираются в центре деревни и танцуют и поют до полуночи. Девушки и женщины водят танки, сидят на деревянных чурбанах и поют русальские песни, в отдельных из них воспеваются магическая сила одежды русалки.

Так в деревне Димамерки проходит обряд «Проводы русалки», органично сочетающий разные обрядовые действия, распространённые по всему ареалу его бытования. Сам обряд, помимо основных целей (культ растительности и урожая, забота о счастливом браке), выполняет и воспитательные задачи: учит молодёжь не нарушать вековые традиции, уважать предков; учит матерей заботиться о своих детях – и в будни, и в праздники, оберегать их; содействует укреплению веры в мир предков, установлению и поддержанию магической связи с ним, а также учит уважать труд, ценить хлеб и прилагать все силы для получения нового урожая.

Душа народа не умирает, и доказательством является замечательный обряд проводов русалки, который до недавнего времени бытовал на Лоевщине. И в этом феномен нематериального духовного наследия, которое, несмотря на невзгоды, народ умеет сохранить для потомков.

О. В. Приемко

УДК 398.83(476.7)+392.51(=161.3)

Кафедра теоретического и белорусского литературоведения, филологический факультет, Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь

ЛОКАЛЬНО-РЕГИОНАЛЬНАЯ ПАРАДИГМА БЕЛОРУССКОГО ФОЛЬКЛОРА: СВАДЕБНЫЕ ПЕСНИ ПИНЩИНЫ

В статье на примере свадебной обрядности Пинщины рассматриваются вариативные формы презентации регионального и общенационального в традиционной местной культуре. Отмечено, что если объектом исследования становится национальная традиция, то на первый план выдвигаются её конкретные локально-региональные формы как наиболее показательные в этническом плане. Исследование способствует формированию территориальных программ изучения локально-регионального в синхронии живого фольклорного процесса.

Ключевые слова: фольклор; белорусский фольклор; свадебный обряд; свадебная песня; локально-региональная парадигма; Пинщина.

Образец цитирования: Приемко, О. В. Локально-региональная парадигма белорусского фольклора: свадебные песни Пинщины / О. В. Приемко // София: электрон. науч.-просветит. журн. – 2025. – № 2. – С. 16–22.

O. Priemko

Department of Theoretical and Belarusian Literary Studies, Faculty of Philology, Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

LOCAL-REGIONAL PARADIGM OF BELARUSIAN FOLKLORE: WEDDING SONGS OF PINSHINA

Using wedding rituals from the Pinsk region as an example, this article examines the varied forms of representing regional and national aspects in traditional local culture. It is noted that when national tradition is the object of study, its specific local and regional forms are highlighted as the most representative of ethnicity. This study contributes to the development of regional programs for studying local and regional aspects within the context of living folklore.

Keywords: folklore; Belarusian folklore; wedding ceremony; wedding song; local-regional paradigm; Pinsk region.

For citation: Priemko, O. Local-Regional Paradigm of Belarusian Folklore: Wedding Songs of Pinshina. Sophia. 2025;2:16–22. Russian.

Автор:**Ольга Викторовна**

Приемко – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теоретического и белорусского литературоведения филологического факультета БГУ.

taikoza@mail.ru

Author:

Olga Priemko – Associate Professor of the Department of Theoretical and Belarusian Literary Studies, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor; Philological Faculty of BSU.

Свадебная обрядность белорусов во всей совокупности региональных и локальных форм – явление сложное, многоплановое. Собираателями XIX – XX веков накоплен богатый фактический материал, позволивший учёным выявить типологические моменты обряда в разных регионах. При этом обращалось внимание и на местные особенности функционирования того или иного этапа свадьбы, фиксировались песни, относящиеся к определённым эпизодам обряда. Но поэзия свадебного обряда чаще всего рассматривалась недифференцированно. Более того, если и появлялись публикации, в которых эстетический анализ поэтического текста занимал главное место, то исследование опять-таки ориентировалось на поиск, выделение и изучение национальных черт свадебной лирики белорусов. Необходимо учитывать, что национальное имеет конкретное региональное воплощение, а региональное, в свою очередь, реализуется как локальное. Поэтому полное представление о состоянии поэтической традиции белорусов можно получить, изучая локально-региональную парадигму (греч. *paradeigma* – образец, пример) свадебной поэзии, которая проявляется в жанрово-специфической композиции поэтических текстов, формульных способах и приёмах создания образов. Как вполне обоснованно заметил Н. Костомаров, «народная песня только тогда для нас получает вполне ясный смысл, когда нам становится известным: в каких местностях, при каких условиях жизни и народного быта она является, сохраняется, расходится, видоизменяется и исчезает» [10, с. 536]. Мы обратились к рассмотрению культурной традиции одного из регионов Беларуси – Западного Полесья, даже, конкретнее, одного микрорегиона – Пинского Полесья, исследовав исторически разнотадимальные свадебные песни (*Исследование проведено в рамках научно-исследовательской работы «Локально-региональные парадигмы белорусского обрядового фольклора: западнополесские кустовые и свадебные песни», которая выполнялась в соответствии с Государственной комплексной программой научных исследований (ГПНИ) «История белорусской нации, государственности и культуры» в 2006–2010 гг. Результаты исследования были представлены в ряде публикаций (монографии, учебно-методические пособия, статьи в разных научных изданиях)*).

Интерес к пинскому региону не случаен. По мнению некоторых учёных, Пинщина является едва ли не ядром славянской парадигмы, поэтому изучение свадебных песен пинчуков позволяет выявить архаичные и даже праславянские элементы обрядовой культуры. Для анализа использованы опубликованные в разное время данные о пинском свадебном фольклоре, размещённые в специальных изданиях, журналах, газетах XIX–XX веков; материалы, сохранившиеся в архивах Национальной академии наук Беларуси, Российской академии наук (Санкт-Петербургское отделение), Института русской литературы (Пушкинский дом), Русского географического общества и архиве учебно-научной лаборатории белорусского фольклора Белорусского государственного университета, а также собственные записи автора.

Публикации пинского свадебного поэтического материала XIX века имеют такой существенный недостаток, как неполнота. Это объясняется тем, что в то время не существовало чётко разработанной методики собирания регионального материала, а собирательская деятельность велась любителями-энтузиастами и в большинстве случаев носила бессистемный характер. Если первые публикации свадебного фольклора центральной части Беларуси появились уже в начале XIX века, то свадебные песни Пинщины были обнаружены лишь в его середине. Сборником «Простонародные

песни пинского люда», изданным в Ковно в 1851 году, известный этнограф и фольклорист Ромуальд Зенкевич положил начало собиранию и изучению свадебного поэтического фольклора пинчуков [21]. В сборник вошло 219 фольклорных единиц, 70 из которых – свадебные песни, записанные в деревнях по рекам Пине, Припяти и Цне. Р. Зенкевич также включил в него описание некоторых игр и обрядов, в том числе свадебного. Сборник получил неоднозначную оценку учёных-фольклористов. Например, Е. Ф. Карский определил качество записей, сделанных исследователем, как неудовлетворительное, справедливо поставив в упрёк, что текстовый материал дан не на языке оригинала, а в переводе на польский язык. Однако Е. Карский подчеркнул, что всё-таки «по содержанию песни истинно белорусские» [8, с. 220]. Известный белорусский фольклорист Н. С. Гилевич считал, что при переводе Р. Зенкевич ещё и редактировал произведения, искажая и нарушая смысловые связи свадебной песни [3, с. 22]. К этим справедливым замечаниям можно добавить, что Р. Зенкевич, к сожалению, не конкретизировал географию собранного материала, в сборнике также отсутствует паспортизация фольклорных текстов. Несомненным же достоинством сборника Р. Зенкевича является то, что в сносках параллельно с польскими кальками приведены оригиналы произведений. Это позволило «услышать чистый голос» белорусской песни, которую фольклорист с глубоким уважением и симпатией называл «правдивым отражением души и сердца трудового народа» [21, с. 23]. Польские переводы песен пинчуков Р. Зенкевич размещал и в некоторых периодических изданиях («Радегаст» А. Киркора (1843), журнал Ю. Крашевского (1847)). Кроме того, им была написана отдельная статья под названием «Аб урочышчах і звычаях пінскага люду, а таксама аб характары яго песень», в которой Р. Зенкевич дал общую характеристику народных песен Пинщины [22].

Какую бы политическую оценку ни давали открытию в 1867 г. в Вильно отделения Русского географического общества, нельзя отрицать значения этого факта для интенсификации собирательской работы, что сказалось на количестве публикаций белорусского фольклора, в том числе свадебного. Фольклорно-этнографические исследования, проводимые на Пинщине, находили своё отражение на страницах местных губернских ведомостей. Публикации песен в местной печати отличались языковой точностью записей. И в этом нет ничего удивительного, ведь записи делались белорусами, хорошо знавшими родной язык и фиксировавшими его фонетические и лексические особенности.

Сведения о свадебной песенной поэзии пинчуков появились также в изданиях местных статистических комитетов: «Памятных книжках», «Трудах», «Сводах», «Записках» и других. Так, в «Памятную книжку Виленского генерал-губернаторства на 1868 год» офицер В. Быковский включил свадебные песни и описание свадебного обряда Пинского уезда. Судя по всему, офицер, которому это вменялось в обязанность, не очень ответственно подошёл к выполнению задачи по сбору материала, поскольку представленное им описание является сокращённым вариантом статьи Р. Зенкевича, помещённой в сборнике «Простонародные песни пинского люда», хотя В. Быковский уточнил место записи опубликованных им произведений – северо-восточная часть Пинского уезда.

Строго документированный пинский свадебный материал впервые появился в науке лишь спустя десять лет после публикации В. Быковского. Экспедиция Русского географического общества, возглавляемая П. П. Чубинским, записала свадебный

обряд и около 50 свадебных песен в деревне Плотница на Пинщине. Отчёт о работе этой экспедиции вошёл в IV том «Трудов этнографическо-статистической экспедиции в Западно-Русский край» в 1877 году. Методика, разработанная П. Чубинским, основывалась на объективном взгляде на явления народной жизни и ориентировала собирателей на точную запись. Однако выводы исследователя об особенностях песен пинчуков порой были недостаточно обоснованы. Анализируя говор жителей Пинщины, П. Чубинский не рассматривал его как систему, поэтому исследователь «услышал» в нём больше малорусских (украинских) особенностей, чем белорусских [19, с. 644]. Конечно, украинский элемент проявляет себя. И особенно выразительно в фонетике песен. Это естественно в таком этническом регионе, как Пинщина, занимающем пограничное положение с Украиной. Но лексика и сюжетные ситуации произведений, как вполне справедливо отметил известный белорусский фольклорист И. К. Тищенко, «красамоўна сведчаць, што яны (песні)... маюць бяспрэчна беларускае паходжанне» [20, с. 144].

В 1890 году вышел из печати фольклорно-этнографический сборник «Пинчуки», материал для которого пинский священник Д. Г. Булгаковский собирал в 1870-х гг. Сборник содержит песни, описания обрядов, загадки, пословицы, поверья и словарь местного говора. Некоторые особенности поэтики песенного фольклора Пинщины рассматриваются в специальном разделе «Общие замечания о песнях пинчуков», где приводятся параллели из русской свадебной поэзии и из обрядового фольклора других регионов Беларуси. Д. Булгаковский в лучших традициях науки XIX в. с любовью говорил о народной песне, называя её «зеркалом народной жизни, в котором отражаются понятия и чувствования народа при разных обстоятельствах жизни его; здесь он виден бывает во всех состояниях» [2, с. 6].

Большинство авторов ограничивалось только собиранием материала и публикацией его с самыми элементарными примечаниями, без каких-либо научных комментариев. Первым научным изданием свадебных песен пинчуков можно считать книгу известного историка, этнографа и фольклориста М. В. Довнара-Запольского «Песни пинчуков», опубликованную в Киеве в 1895 году. Автор сам собирал материал для этой книги. Он побывал в деревнях Поречье, Озаричи, Краглевицы, Телеханы, Святая Воля, Доброславка и многих других, беседовал с исполнителями, записывал песни, сохраняя особенности местного произношения. В качестве предисловия к книге М. Довнар-Запольский поместил довольно большую и содержательную вступительную статью, в которой ввёл в научный оборот сведения о внеобрядовых связях пинского свадебного фольклора. Исследователь акцентировал внимание на особенностях бытования песен на Пинщине, отмечая, что «пинчуки чётко выделяют песни обрядовые, с прикреплением их к тем или другим обрядам» [5, с. IV]. Специфика культурной традиции Пинщины определяется даже поведенческими особенностями: для пинчуков-мужчин петь считалось неприличным. Учёный провёл лингвогеографическое исследование, определяя границы пинского говора и выделяя его фонетические особенности. В частности, он обратил внимание на функционирование следующих фонетических структур: особый твёрдый [э], употребление [у] вместо ударного [о], мягкий [ц], отсутствие «дзеканья» и «цеканья» и так далее. Особый интерес представляет фактический материал, собранный М. Довнаром-Запольским. Учёный записал 292 свадебные песни (с точным указанием места записи) и полностью зафиксировал свадебный обряд в Доброславской и Телеханской волостях Пинского уезда.

Записи и научные комментарии, сделанные М. Довнар-Запольским, а также другие материалы, собранные в XIX – XX веках, представляют собой хорошую фактологическую базу для проведения сравнительно-исторического и типологического анализа свадебной поэзии пинского региона, что позволяет проследить историю бытования разных жанров свадебного фольклора, зафиксировать степень изменения или устойчивости отдельных обрядовых деталей и поэтических элементов, определить характер связи между этими структурными компонентами.

Сбор материалов продолжался и во второй половине XX века: архивы пополнялись разнообразными свадебными песнями, бытующими на Пинщине. Однако издания сборников по пинскому свадебному фольклору были довольно редкими [1; 12; 13]. Общая фактологическая база настоящего исследования составила 1175 произведений, из них 218 собрано автором в деревнях Озаричи, Соколовка, Клетная, Лыща, Колодеевичи, Пинковичи Пинского района во время полевых экспедиций. Учитывая преимущественно описательный характер материала, бессистемность изложения, отсутствие целенаправленного его изучения, одной из первых задач, предвещающих исследование, мы посчитали систематизацию накопленного материала и его критический анализ. Кроме того, оказалось необходимо дать хотя бы краткую характеристику этнического состава населения Пинщины, определить границы территории пинчуков, провести картографирование.

Ареал пинской свадебной обрядности подразумевает распространение в чётких географических границах инвариантного свадебного обряда и сопровождающей его поэзии. Термин «пинский» географическими науками используется для обозначения конкретных территорий: «пинская возвышенность», «пинские болота» [9]. В фольклоре и этнографии такое определение также существует. Для описания поселений и анализа типов построек полешуков археолог Д. А. Мачинский использовал термины «пинский» и «туровский», указывая на различия в материальной культуре двух соседних регионов [11]. Историк А. С. Грушевский для определения локуса этнографических явлений и исторических событий использовал термин «Пинское Полесье», конкретизируя это понятие перечнем населённых пунктов, входящих в пинский ареал [4, с. 16]. О правомерности употребления термина «пинский» заявляли А. Киркор, Д. Шендрик, Э. Эйхвальд [7], однако ни один из исследователей не конкретизировал географию этого понятия. Лишь М. Довнар-Запольский, анализируя язык свадебных песен, указал конкретные границы пинского диалекта и, соответственно, границы пинского свадебного комплекса [5, с. VI]. Исходя из лексического материала, М. Довнар-Запольский на карте очертил восточный рубеж пинского говора, ограниченный Лахвинской, Лунинской, Плотницкой, Радчицкой волостями и деревней Бережное. Кроме того, фольклорист оговорил границы западной части Пинщины, заключающие деревни Поречье, Озаричи, Краглевицы, Телеханы, Святая Воля, и обозначил крайнюю географическую точку северной области пинчуков – деревня Выгоношты [5, с. VI]. Данные, позволившие исследователю выделить границы пинского ареала, подтверждаются материалами, приведёнными в «Слоўніку беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча» [17].

Первые сведения о населении Пинщины встречаются у древнегреческого историка Геродота (около 485 – около 425 гг. до н. э.), который в своих сказаниях о Древней Скифии рассказывает о «вовколаках Невров». Как известно, многие исследователи считают, что «геродотовы Невры» жили к северу от Днестра у реки Пины [16]. Как

отмечают учёные, древнегреческому мыслителю Птолемею (около 90 – около 160 гг. н. э.) были известны Пенгиты (*Pienqitae*) – жители реки Пины («gitaе» означает «жители»; «pien» указывает на реку Пину и пинские болота). Река Пина упоминается также как место проживания древнейшего племени Будинов (Вудинов), где возникло древнеславянское племя дреговичей – обитателей огромного болота. Учёными было высказано предположение, что речь идёт о пинских болотах и, следовательно, пинчуки являются потомками дреговичей [6]. С течением времени население Припятского Полесья, по мнению учёных, смешивалось с тюркскими народностями, с ятвягами (литовцами) и германцами [15, с. 173]. Вследствие этого по физическому строению, языку и одежде пинчуки отличаются от жителей других регионов Полесья. Антропологический анализ населения Пинщины, проведённый исследователями XIX века и подтверждённый группой современных учёных [18, с. 157], позволил сделать вывод об особенностях пинской этнотерриториальной группы: «Пинчук среднего роста, широкоплеч, плотного сложения, с широким круглым лицом, более скуластым, с небольшим толстым носом. Цвет волос преобладает светло-русый». Это отличает пинчуков от населения, например, Восточного Полесья – «народа более крупного, высокого роста, хорошо сложенного, с черными волосами» [18, с. 157].

Таким образом, говоря о пинчуках, мы имеем в виду жителей западной части Полесья. Это одна из наиболее заметных территориальных групп Полесья, имеющая присущие только ей физические характеристики, говор, обычаи, песни и занимающая обширную территорию, ограниченную деревнями:

- на востоке – Бобрик, Богдановка, Лунин, Стахово, Дубой;
- на западе – Семеховичи, Кончицы, Поречье, Озаричи;
- на севере – Выгоношты, Бобрик, посёлок городского типа Телеханы;
- на юге – Радчицк, Городная, Свирицевичи, Кухче, Нобель.

Этнографические границы Пинщины не совпадают с современными административными рамками, более узкими и имеющими чётко очерченные границы. Поскольку этнографические границы превалируют над административными, в настоящее исследование были включены широкие аналогии и сопоставления в пределах исследуемого региона. За счёт этого повышается научно-практическое значение работы. Свадебная поэзия Пинщины таким образом включается не только в полесский комплекс и другие регионы Беларуси, но и в общеславянский ареал [14].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Беларускі фальклор у сучасных запісах : традыцыйныя жанры : Брэсцкая вобласць / склад. В. А. Захарава ; пад рэд., прадм. Р. Р. Шырмы. – Мінск : Выд-ва Бел. дзярж. ун-та, 1973. – 301 с.
2. Булгаковский, Д. Г. Пинчуки : этнографический сборник : песни, загадки, пословицы, обыряды, приметы, предрассудки, поверья, суеверия и местный словарь / Д. Г. Булгаковский // Записки Императорского Русского географического общества по Отделению этнографии. Т. 13, вып. 3. – СПб., 1890. – 200 с.
3. Гілевіч, Н. С. Наша родная песня : навукова-папулярны нарыс / Н. С. Гілевіч. – Мінск : Нар. асвета, 1968. – 212 с.
4. Грушевский, А. С. Очерк истории Турово-Пинского княжества X – XIII вв. // Пинское Полесье : исторические очерки / А. С. Грушевский. – Киев, 1901. – 482 с.
5. Довнар-Запольский, М. В. Белорусское Полесье. Сборник этнографических материалов / М. В. Довнар-Запольский. – Вып. 1: Песни пинчуков. Университетские известия за 1895. – Киев : Типография Императорского Университета, 1896.

6. *Довнар-Запольский, М. В.* Очерк истории Кривичской и Дреговичской земель до конца XII столетия / М. В. Довнар-Запольский. – Киев, 1891. – 170 с.
7. Живописная Россия : Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении / под общ ред. П. П. Семенова. – Т. 3, ч. 2: Белорусское Полесье. – СПб. ; М., 1882. – С. 235 – 490.
8. *Карский, Е. Ф.* Белорусы / Е. Ф. Карский. – Т. 3: Очерки словесности белорусского племени. – М., 1916. – 560 с.
9. Карта почв // Атлас Белорусской Советской Социалистической Республики. – Минск : Акад. наук БССР ; М. : Главное управление геодезии и картографии СССР, 1958. – 140 с.
10. *Костомаров, Н. И.* Великорусская народная песенная поэзия / Н. И. Костомаров // Вестник Европы. Кн. 6, 1872. – С. 537–587.
11. *Мачинский, Д. А.* «Дунай» русского фольклора на фоне восточнославянской истории и мифологии / Д. А. Мачинский // Русский Север : Проблемы этнографии и фольклора. – Л. : Наука, 1981. – С. 110–171.
12. Палескае вяселле / уклад. і рэд. В. А. Захаравай. – Мінск : Універсітэцкае, 1984. – 303 с.
13. *Пашкова, Г. Т.* Етнокультурні зв'язки українців та білорусів Полісся: на матеріалах весільної обрядовості / Г. Т. Пашкова. – Київ : Наукова думка, 1978. – 117 с.
14. *Прыемка, В. В.* Лакальна-рэгіянальныя асаблівасці беларускіх вясельных песень: Піншчына / В. В. Прыемка. – Мінск : Рэсп. ін-т выш. шк., 2010. – 115 с.
15. Россия. Полное географическое описание нашего отечества : настольная и дорожная книга для русских людей / под общ. ред. В. П. Семенова. – Т. IX: Верхнее Поднепровье и Белоруссия. – СПб., 1905. – 619 с.
16. *Рыбаков, Б. А.* Геродотова Скифия : историко-географический анализ / Б. А. Рыбаков. – М. : Наука, 1979. – 247 с.
17. Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча: У 5 т. / рэдкал. Ю. Ф. Мацкевіч [і інш.]. – Мінск : Навука і тэхніка, 1979–1986.
18. *Тегако, Л. И.* Антропология Белорусского Полесья / Л. И. Тегако, А. И. Микулич, И. И. Саливон; под ред. Т. И. Алексеевой. – Минск : Наука и техника, 1978. – 157 с.
19. Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-Русский край, снаряженной Императорским русским географическим обществом. Юго-Западный отдел : Материалы и исследования, собранные П. П. Чубинским. Т. 4: Обряды: родины, крестины, свадьба, похороны. – СПб., 1877. – 713 с.
20. *Цішчанка, І. К.* Да народных вытокаў: збіранне і вывучэнне беларускага фальклору ў 50–60-я гады XIX ст. / І. К. Цішчанка. – Мінск : Навука і тэхніка, 1986. – 246 с.
21. *Piosenki gminne ludu Pińskiego / zbierał i przekładał R. Zieńkiewicz.* – Kowno, 1851. – 415 s.
22. *Zieńkiewicz, R.* O uroczyskach i zwyczajach ludu Pińskiego oraz o charakterze jego pieśni / R. Zieńkiewicz // Biblioteka Warszawska. – Warszawa, 1852. T. 1.

Sun Mengyuan¹, Zhang Hongshan²

УДК 39(510)

¹⁻² School of Design, Hainan Vocational University of Science and Technology, Haikou, China

RESEARCH ON THE PROTECTION AND INHERITANCE PATH OF LI ETHNIC FOLK CULTURE

Li ethnicity culture, as an important part of China's ethnic minority culture, carries rich historical memory and unique ethnic characteristics. With the rapid development of the social economy and the continuous advancement of the modernization process, the folk culture of the Li ethnic group is facing problems such as difficulty in inheritance and cultural loss, making the protection and inheritance work particularly actual. This paper takes the folk culture of the Li ethnic group as the research object, systematically analyzes its cultural connotation, characteristics and value, and discusses the achievements and existing problems in the current process of protection and inheritance.

Keywords: Hainan Li nationality folk songs; music culture; artistic characteristics; inheritance and protection; national music.

For citation: Sun Mengyuan & Zhang Hongshan. Research on the Protection and Inheritance Path of Li Ethnic Folk Culture. Sophia. 2025;2:23–29. English.

Сунь Менюань¹, Чжан Хуншань²

¹⁻² Институт дизайна Хайнаньского научно-технического профессионального университета, Хайнань, Китай

ИССЛЕДОВАНИЕ ПО ВОПРОСАМ ЗАЩИТЫ И НАСЛЕДОВАНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ ЛИ

Культура национальности Ли, являясь важной частью культуры этнических меньшинств Китая, обладает богатой исторической памятью и уникальными этническими характеристиками. С быстрым развитием социальной экономики и непрерывным развитием процесса модернизации фольклор этнической группы Ли сталкивается с такими проблемами, как трудности наследования и культурные потери, что делает защиту и наследование особенно актуальными. В настоящей статье в качестве объекта исследования рассматривается фольклор этнической группы Ли, систематически анализируются ее культурная коннотация, характеристики и ценность, а также обсуждаются достижения и существующие проблемы в нынешнем процессе охраны и наследования.

Ключевые слова: фольклорные песни национальности Ли; музыкальная культура; художественные особенности; наследование и защита; национальная музыка.

Образец цитирования: Сунь Менюань. Исследование по вопросам защиты и наследования этнической народной культуры Ли / Сунь Менюань, Чжан Хуншань // София: электрон. науч.-просветит. журн. – 2025. – № 2. – С. 23–29.

Authors:

¹ **Sun Mengyuan** – Lecturer at the School of Design, Hainan Vocational University of Science and Technology.
Sunm@hvust.edu.cn

Авторы:

Сунь Менюань – преподаватель Института дизайна Хайнаньского научно-технического профессионального университета.

² **Zhang Hongshan** – Ph. D. Associate Professor at the School of Design, Hainan Vocational University of Science and Technology.
zms3003@hvust.edu.cn

Чжан Хуншань – кандидат филологических наук, доцент Института дизайна Хайнаньского научно-технического профессионального университета.

The Li people are one of the important ethnic minorities in southern China. They mainly live in the central and southern part of Hainan Province. The folk culture here has a long history. The Li culture has a unique ethnic style and regional characteristics. Their culture covers many fields such as language, clothing, food, festivals, weddings and funerals, religious beliefs, and folk art. This is an inseparable part of the diverse culture of the Chinese nation. With the continuous acceleration of modernization and the rapid impact of globalization and urbanization, the traditional folk culture of the Li ethnic group has faced unprecedented challenges. The social and economic structure has changed, the younger generation's cognition of their own ethnic culture has gradually weakened, some traditional customs are in crisis of extinction, the impact of foreign cultures has continued to intensify, the Li ethnic folk culture is facing an identity dilemma in the process of inheritance and is gradually approaching the fringes. According to the “Hainan Statistical Yearbook 2024”, there are about 1.6 million Li people in Hainan Province. Accounting for 13 percent of the province's total population, about 70 percent of them live in rural areas where the folk culture is still relatively well-preserved.

1. ORIGIN AND DEVELOPMENT OF THE LI PEOPLE

The Li people are one of the oldest ethnic minorities in southern China. They mainly live in the central and southern part of Hainan Province. Archaeological and ethnological studies suggest that the origin of the Li people can be traced back to the ancient Baiyue people. They are the result of the integration and development of the descendants of the Baiyue who moved southward with the local indigenous people. The ancestors of the Li people have a long history on Hainan Island, dating back to the late Neolithic Age. At that time, there was

already a relatively stable agricultural production and settled life. Historical documents describe the story of the Han Dynasty. Ancient books such as “Records of the Grand Historian” and “History of the Han Dynasty” mention the “Luoyue” and “Li people” of Hainan Island, who were the ancestors of the Li people. In the Tang and Song dynasties, the Central Plains culture gradually spread and economic exchanges became frequent. The social structure of the Li people began to take shape and the culture began to take shape. The Yuanhe County Atlas of the Tang Dynasty records that “there are Li people in Qiongzhou”. At that time, the Li people were officially recorded as an independent ethnic group. In the Song Dynasty, the settlements of the Li people gradually expanded and became larger. The Li people gradually formed the current distribution pattern of living in places such as Wuzhishan, Baisha, Changjiang and Dongfang, as recorded in “A Brief History of China’s Ethnic Minorities”, the Li people have undergone several migrations in history and split into different dialects such as Ha dialect, Qi dialect, Run dialect, Mei dialect and Jia MAO dialect. Each branch has its own unique language, clothing, customs and religious beliefs. The Li people in the Ha dialect area specialize in brocade weaving techniques, while the Li people in the Mei dialect area preserve traditional boatshaped house architecture. The Overview of China’s Autonomous areas of Ethnic Minorities records that the Li population was about 1.6 million in 2020, accounting for 0.8 % of the total population of ethnic minorities in the country. More than 95 % of them live in Hainan Province, where the geographical environment has shaped the way of life of the Li people. The Li people have long relied on farming, gathering and hunting for a living. Rice farming is their core economic source. On this land, the Li people have created exquisite handicrafts, such as Li brocade, bone hairpins and bamboo weaving, which are both practical and culturally rich. The Li language belongs to the Zhuang-Dong language family and is closely related to Zhuang, Buyi and other languages. The Li language is divided into several dialects, and there are several differences among the dialects. Overall, there is still a high degree of intercommunication. The Li people’s traditional music, dance, festival celebrations and other folk activities have distinct characteristics, such as the ‘March 3rd’ festival and the ‘Ancestral Worship Ceremony’, which reflect their unique cultural features. The Li people believe in nature and their ancestors, and their customs are often closely combined with religious ceremonies, forming a unique culture. In recent years, the state has increasingly emphasized minority cultures, and the Li traditions have been protected and continued, such as Li brocade, which has become a national intangible cultural heritage and a symbol of this ethnic culture. The government promotes education, healthcare and infrastructure in the Li region. These measures ensure the sustainable development of the Li culture. The origin and development of the Li people have gone through a long process. The geographical environment, historical changes and cultural exchanges are all influencing it. The Li people are an important part of China’s ethnic minorities, and their cultural traditions and ways of life are of

2. DISTRIBUTION AND POPULATION STATUS OF THE LI ETHNIC GROUP

The Li people are one of China’s ethnic minorities and live in the central and southern part of Hainan Province. They are the original indigenous people of Hainan Island. The Li people are centered around Wuzhishan and scattered in Sanya, Dongfang, Changjiang, Baisha, Qiongzong, Lingshui and other places, which constitute their settlements. According to the China Ethnic Statistical Yearbook and data from the National Bureau of Statistics, by 2023, The population of the Li people is about 1.7 million, which accounts for 5 percent of

Hainan's total population. The majority of the Li people live in the mountainous areas of central and southern Hainan Island. The natural conditions in these areas are relatively closed, and the traditional Li way of life is well preserved here, which provides an important basis for the continuation of Li folk culture. The Li people mainly live in autonomous counties and ethnic townships, such as Baisha Li Autonomous County, Changjiang Li Autonomous County, Qiongzong Li and Miao Autonomous County, Lingshui Li Autonomous County in Hainan Province. These regions enjoy ethnic autonomy in administration and maintain strong independence and integrity in cultural inheritance. In non-autonomous areas such as Sanya City, Dongfang City and Ledong Li Autonomous County, there are also a number of Li people living. Their cultural heritage is less dense and less complete. The Li people mainly live in the tropical rainforest climate zone, which is mainly hilly and mountainous, with complex terrain and relatively inconvenient transportation. Such an environment restricts their communication with the outside world, but helps preserve their cultural traditions better. The Li people mainly live in the hinterland of Hainan Island. Wuzhishan, Limu Mountain and other places, where the mountains and waters remain in their original form and the scenery is unique, laid the foundation for the life, beliefs and art of the Li people. Regarding the population, there are more young people in the Li ethnic group and fewer elderly people and children, which is related to the common "hollowing out" in rural areas. The process of urbanization has accelerated, many Li youth have entered cities for employment or education, and some people from traditional villages have gradually left, which has brought new challenges to the inheritance of Li culture. The population growth of the Li ethnic group has remained stable in recent years. However, factors such as the level of education, medical resources and economic development have led to the need for further improvement in the overall quality of the Li population, and the language usage of the Li people is of great significance. The Li language is the native language of the Li people, belonging to the Sino-Tibetan language family and the Zhuang-Dong language branch. It is still widely used within the Li people. With urbanization, some young people are gradually turning to Mandarin, which poses a certain threat to the inheritance of the Li language. In order to protect and inherit the Li language, the government and all sectors of society have increased investment in Li language education in recent years. Bilingual education courses are offered and Li language teaching is promoted in some areas where the Li people live. The aim is to enhance the identity and mastery of the Li language among the Li youth. The Li people live in specific areas and maintain distinct ethnic characteristics. Their population size, residential distribution and language usage are all closely related to the inheritance of folk culture. In the process of protecting Li culture, we need to pay close attention to these characteristics of population distribution. With the continuous development of modern society, we need to explore more appropriate ways of cultural inheritance.

3. THE CONTENT AND CHARACTERISTICS OF LI ETHNIC FOLK CULTURE

Folk culture is formed by a nation or region over a long period of time. It comes from social life, from production practice, from religious beliefs, from language habits, and from art forms. This culture has distinct local characteristics and ethnic features. It is the accumulation of collective wisdom of a nation and an essential part of the nation's culture. It records the history of the nation. The Li ethnic group, a minority in southern China, sustenance their values and embodies their way of life. Their folk culture is characterized by distinct regional and ethnic traits, which are manifested in areas such as language, clothing,

food, festivals, wedding and funeral customs, religious beliefs and folk art. Scholars divide folk culture into four main categories: material folk, spiritual folk, social folk and language folk. Material folk includes food, clothing, housing and transportation, covering production tools. It includes architectural styles, spiritual customs include religious beliefs, myths and legends, folk art, and social customs involve family structure, marriage system, and social etiquette. The folk culture of the Li people follows the same classification. The traditional clothing of the Li people is mainly made of cotton and linen. The men's clothing is a short jacket with a front opening and wide-leg trousers, and the women often wear tube skirts and jackets. The colors of the clothes are mainly black, blue and red, with geometric patterns and natural patterns on them. These patterns reflect the Li people's worship of nature and their aesthetic concepts, as written in "The Annals of the Li People in Hainan", the Li people have a wide variety of traditional costumes, and the styles of clothes of different branches are quite distinct. The Ha dialect, the Qi dialect, and the Run dialect each have their own characteristics. In terms of diet, the Li people mainly eat rice, along with mountain crops and livestock farming, forming a special diet structure. The Li people's traditional foods such as bamboo tube rice and five-color rice not only have local characteristics but also contain many cultural meanings. The Li people are good at making glutinous rice wine and coconut wine, which they drink daily and are indispensable during festivals. The Li people believe in nature and ancestors. They believe that mountains, water, flowers, grass and trees have a spirit, so they often offer sacrifices to pray for a good year. The Li people have passed down many long-standing myths, legends and folk tales. Stories like "The Legend of Wuzhishan" and "The Origin of Limu Mountain" are the emotional support of the Li people and the manifestation of their cultural identity. In terms of social customs, the Li family structure is dominated by the patrilineal family, the marriage system is stable, the matching of social status is emphasized, the wedding ceremony is grand and solemn, the social etiquette of the Li people is standardized, and the hospitality and respect for the elderly and the young are rich in traditional cultural colors. In terms of language customs, the Li people have their own language – Li, which belongs to the Zhuang-Dong branch of the Sino-Tibetan language family. It is divided into several dialects such as Ha dialect, Qi dialect and Run dialect. Li language is the medium of communication among the Li people and also an important carrier for the inheritance of their ethnic culture. In recent years, the state has paid increasing attention to the protection of minority languages, and the use and inheritance of the Li language have also received attention. Some schools have begun to incorporate the Li language into the classroom, allowing this language to continue. The traditional culture of the Li people is rich and colorful, with a long history and a unique ethnic flavor. We study the definition and classification of folk culture. This provides a clearer view of the characteristics of Li culture, which lays the foundation and points the way for the protection and inheritance of Li culture.

4. MAIN FEATURES OF LI FOLK CULTURE

The folk culture of the Li ethnic group is an important part of the cultures of China's ethnic minorities. It has distinct ethnic characteristics and regional features. This culture has a complex structure. The Li ethnic group is the indigenous ethnic group of Hainan Island. During the long historical development, their folk culture has absorbed elements from the Han culture of Central Plains, the Baiyue culture of Lingnan and the cultures of surrounding ethnic minorities. Ultimately, a unique cultural system has been formed, which has maintained the

independence of Li folk culture, as well as the characteristics of inclusiveness and openness. The ancestors of the Li people drew inspiration from the natural environment and formed a unique system of natural beliefs. Mountains, rivers, animals and plants were all objects of their worship. For example, the common worship of the “Dragon mother” in the traditional beliefs of the Li people shows people ‘reverence and dependence on the power of nature’. The Li people still retain a diverse totem culture. The images of animals such as cows, birds and fish frequently appear in their costumes, utensils and ritual activities. These totems are not only symbols of artistic appreciation, but also important signs of ethnic identity. The Li people have a unique language family and writing system. Li is their native language, belonging to the Zhuang-Dong language family. Li is divided into five dialect areas, including Ha dialect, Qi dialect, Run dialect, Meifu dialect and Kamo dialect. Li carries the historical memory of the Li people and plays an important role in folk literature, ballads and proverbs. The Li people do not have a systematic writing system. The cultural information is passed down through word of mouth and mind. The Li people have a rich variety of festivals and rituals, and traditional festivals are abundant, such as March 3rd, June 6th, and the Spring Festival. The typical example is the March 3rd festival, which is the day when the Li people offer sacrifices to their ancestors. They pray for a bountiful harvest. The festival presents ethnic costumes, songs and dances, and food culture. The Li people preserve ancient rituals, including ancestral worship, marriage, and funeral, which demonstrate religious beliefs and carry social ethics and moral norms. The Li people's handicraft culture is quite exquisite. The Li brocade, weaving and dyeing, and embroidery are particularly notable. Li brocade is a skill that Li women are skilled in, and its unique patterns, colors and weaving methods have made it world-famous. Research shows that Li brocade has more than a hundred patterns, each with a special cultural meaning. For example, the frog pattern represents fertility, the human figure pattern symbolizes ancestor worship, and Li handicrafts such as pottery, bamboo weaving, and wood carving have strong ethnic characteristics. These handicrafts reflect the wisdom and creativity of the Li people, who uphold the concepts of ecology and sustainable development. The production and lifestyle of the Li people are closely related to the natural environment. For a long time, they have adhered to the principle of eating from the mountains and from the water, and the concept of harmonious coexistence between man and nature is deeply rooted in their lives. When working in the fields, the Li people are accustomed to using traditional methods of crop rotation and intercropping to cultivate the land and not depleting its fertility. When hunting and picking wild fruits in the mountains, they usually follow the seasons and take as much as they should. These simple yet profound truths are not only applied to agricultural work, but also incorporated into their folk songs, stories and festival customs. Everyone understands the importance of mutual assistance and cooperation in life. The basic units of Li society are families and villages, and they value collectivism and the values of mutual assistance and cooperation. Villagers support each other in their daily lives and participate in public affairs together, forming a close social network. The marriage system, kinship and power structure of the Li people carry a strong sense of collectivity, such as the “walking marriage” system, a special form of marriage in the Li society that balances individual freedom and group interests, and the eighth is the unique way of passing on language and literature. The folk literature of the Li people, including myths, legends, ballads, stories, etc., mainly relies on oral transmission and is passed down from generation to generation. The Five Finger Mountain Legend and the Flood Myth are classics of Li folk literature. They not only have literary value, but

also carry profound historical culture and national spirit. The ninth point is the localization of education and knowledge transmission. Li education is centered around families and villages. They attach importance to the teaching of practical experience and life skills. In traditional agricultural production, The elders themselves demonstrate and explain, and they pass on knowledge of planting, breeding, construction, etc. to the next generation. The Li people also have a unique form of education called “song education”. They pass on history, morality and common sense of life through singing, which is vivid, interesting and easy to remember and spread. Modern media play a role in traditional culture, the modernization process continues to accelerate, Li folk culture faces new tests and opportunities, television and the Internet are increasingly widely spread, Li culture spreads further, young people begin to pay attention, The introduction of foreign cultures has led to the gradual decline of some traditional customs, and some may even die out. In modern society, how to protect and pass on Li folk culture has become an issue that needs to be addressed. Li folk culture has many characteristics, including nature worship, language and writing, festivals and ceremonies, handicrafts, ecological concepts, collective consciousness, literary inheritance, educational methods, etc. These characteristics make Li culture stand out.

CONCLUSION

Li folk culture is an important part of China's minority culture. It has a long history and unique value. This culture not only promotes Li people to identify themselves, but also enriches the diversity of Chinese culture. Li folk culture is the accumulation of the life of the indigenous people of Hainan Island, including language, clothing, food, festivals, religious beliefs and folk art, etc. Forming a complete and rich cultural system, Li folk culture has profound historical value, and the Li people are among the earliest inhabitants of Hainan Island. The culture of this ethnic group has lasted for thousands of years.

REFERENCES

1. *Zhang Zhihong*. Analysis of Cultural Representation, Spatial Distribution and Influencing Factors of Li Language Village Place Names in Hainan Island / Zhang Zhihong, Zhang Zhengsheng, Zhang Nianjie // *Geographical Research*. – 2020. – Vol. 10. – P. 809–824.
2. *Wang Mingying*. Strategies for Translating Hainan Li Ethnic Folklore Culture into English / Wang Mingying, Fan Xuan // *Cultural Industry*. – 2023. – Vol. 12. – P. 78–80.
3. *Han Chenchen*. Research on the Impact of Community Participation of Rural Tourism Residents on Cultural Conservation Behavior / Han Chenchen // *Journal of Shandong Agricultural University (Social Sciences Edition)*. – 2025. – Vol. 27. – P. 94–105.
4. *Cao Liang*. Hainan Li ethnic folk songs and local society / Cao Liang, Zhang Rui // *China Ethnic Expo*. – 2017. – Vol. 04. – P. 21–24.
5. *Yang Fan*. A brief analysis of the artistic characteristics of Hainan Li folk songs / Yang Fan // *Art Education*. – 2017. – Vol. 13. – P. 76–77.

Zhang Hongshan¹, Guo Wei²

УДК 398.8(=582.11)

¹⁻²School of Design, Hainan Vocational University of Science and Technology, Haikou, China

ANALYSIS OF HAINAN LI NATIONALITY FOLK SONGS

Article dedicates to present historical memory, life emotions and cultural identity of the Li people. This article takes Hainan Li folk songs as the research object and conducts in-depth analysis from four aspects: its origin, development, artistic characteristics, and inheritance and protection. First, article sorts out the historical origins of Li folk songs, explores its functions and roles in Li society, and reveals its close connection with the natural environment, production labor and religious beliefs. Secondly, through a review of the development history of Li folk songs, analyzing their expression forms and evolution laws in different periods, reflecting the uniqueness and diversity of Li music culture. The third part focuses on the artistic characteristics of Li folk songs, including its unique musical structure, melody style, rhythm characteristics, and cultural connotation contained in the lyrics, demonstrating the important position of Li folk songs in the national music system.

Keywords: Hainan Li nationality folk songs; music culture; artistic characteristics; inheritance and protection; national music.

For citation: Zhang Hongshan & Guo Wei. Analysis of Hainan Li Nationality Folk Songs. Sophia. 2025;2:30–34. English.

Чжан Хуншань¹, Го Вэй²¹⁻²Институт дизайна Хайнаньского научно-технического профессионального университета, Хайнань, Китай

АНАЛИЗ НАРОДНЫХ ПЕСЕН ЛИ НАЦИОНАЛЬНОСТИ ХАЙНАНЬ

В статье рассматриваются историческая память, жизненные эмоции и культурная самобытность национальности Ли в регионе Хайнань. В этой статье берутся народные песни национальности Ли в качестве объекта исследования и проводится углубленный анализ по четырём аспектам: происхождение, развитие, художественные характеристики, наследство и защита. В статье разбираются исторические истоки народных песен Ли, исследуются их функции и роли в обществе Ли, раскрывается их тесная связь с природной средой, производственным трудом и религиозными убеждениями. С помощью обзора истории развития народных песен Ли, анализа их форм выражения и эволюционных законов в различные периоды описываются уникальность и разнообразие музыкальной культуры Ли. Третья часть статьи посвящена художественным характеристикам народных песен Ли, включая их уникальную музыкальную структуру, мелодический стиль, ритм-характеристики и культурную коннотацию, содержащуюся в текстах. Этим подчёркивается важное место народных песен Ли в национальной музыкальной системе.

Ключевые слова: фольклорные песни национальности Ли; музыкальная культура; художественные характеристики; наследование и защита; национальная музыка.

Образец цитирования: Чжан Хуншань. Анализ народных песен Ли национальности Хайнань / Чжан Хуншань, Го Вэй // София: электрон. науч.-просветит. журн. – 2025. – № 2. – С. 30–34.

Authors:

¹ **Zhang Hongshan** – Ph. D. Associate Professor at the School of Design, Hainan Vocational University of Science and Technology.

<https://orcid.org/0009-0005-0395-0890>
zms3003@hvust.edu.cn

Авторы:

Чжан Хуншань – кандидат филологических наук, доцент Института дизайна Хайнаньского научно-технического профессионального университета.

² **Guo Wei** – Lecturer at the School of Design, Hainan Vocational University of Science and Technology.

Го Вэй – преподаватель Института дизайна Хайнаньского научно-технического профессионального университета.

1. THE ORIGIN AND DEVELOPMENT OF HAINAN LI FOLK SONGS

As an important part of the music culture of Chinese ethnic minority, Hainan Li folk songs carry the historical memory, cultural identity and spiritual pursuit of the Li people. The Li people are the earliest residents of Hainan Island, and their history can be traced back to more than 3,000 years ago. For thousands of years, the Li people have created a rich and colorful national culture through their interactions with the natural environment. Among them, folk songs, as the most direct and vivid artistic expression form, have become an important carrier of Li people's culture. According to relevant research, Li folk songs not only have unique melody forms and musical structures, but also contain profound national emotions and cultural connotations. For example, in the article "Tourism Development of Hainan Li Folk Music Resources", Liu Houyu pointed out that Li folk music is colorful, diverse in forms and unique, and is an important part of the precious cultural heritage of ethnic minorities in my country and has high artistic value and academic value.

The origin of Li folk songs is closely related to the Li people's living environment. Hainan Island is located in the tropical region, with a humid and hot climate and a complex geographical environment. The Li people have long regarded hunting, picking, fishing and farming as their main lifestyles. This way of survival determines that the content of Li folk songs is mostly related to themes such as nature, labor, love, and marriage. For example, during the farming season, the Li people would pray for a good harvest through singing; in marriage and love occasions, young men and women would express their love through singing.

The formation and development of Li folk songs were also influenced by surrounding ethnic groups and foreign cultures. Hainan Island has been a multiethnic area since ancient times, and there are close cultural exchanges between the Li people and other ethnic groups such as the Han people and Miao people. This kind of cultural exchange has promoted the enrichment and development of Li folk songs to a certain extent. For example, some Li folk songs incorporate the melody structure of Han folk songs, or draw on the singing methods of other ethnic groups. In “Analysis of the Evolution Laws of the Historical Development of the Li folk songs in Hainan”, Zhang Rui proposed that the evolution process of Li folk songs reflects the historical development and advancement of the Li people’s society, and its cultural connotation continues to evolve with the changes of the times.

It is worth noting that there are also significant differences in Li folk songs between different regions and branches. The terrain inside Hainan Island is complex, and the Li people are mainly distributed in the mountainous areas in the south and central areas. Each branch has formed its own unique musical style due to geographical environment, economic activities and language differences. For example, the folk songs of Li people from Bai sha, Chang jiang, Dong fang and other places have their own characteristics in rhythm, tone and lyrics.

Overall, the Li folk songs have a deep historical origin, and their formation and development are deeply influenced by the Li people’s social structure, production methods, religious beliefs and cultural traditions. These factors have shaped the uniqueness of Li folk songs, making them an important part of the treasure house of Chinese music culture. At the same time, Li folk songs are also an important window for studying the history, folk customs and social life of the Li people.

Li folk songs are not only an important entertainment method for the Li people in their daily lives, but also a tool for them to express emotions, convey knowledge and inherit culture. Since the Li people do not have a written system of their own nation, folk songs play a crucial role in the cultural heritage of the Li people. With the development of modern society, the inheritance of Li folk songs faces many challenges. On the one hand, the younger generation’s interest in traditional folk songs has gradually weakened, resulting in some folk songs being on the verge of being lost; on the other hand, the cultural impact in the process of modernization has also squeezed the living space of Li folk songs.

According to relevant statistics, there are currently thousands of Li folk songs circulating in Hainan, but less than 30 % of them are still widely sung in the contemporary era, and most of the rest are in danger. This phenomenon not only affects the integrity of the Li ethnic culture, but also poses a threat to the diversity of the ethnic minority music culture in our country. Therefore, the study of Li folk songs has important practical significance. From the perspective of cultural heritage, Li folk songs are an important part of Li culture. In-depth research on them will help reveal the internal logic and development context of Li culture and provide theoretical support for the protection and inheritance of Li culture. From the perspective of academic research, Li folk songs have unique musical forms and cultural characteristics. Systematic analysis and summary can not only enrich the theoretical system of Chinese ethnic minority music research, but also provide a new research perspective for related disciplines such as musicology, ethnology, and sociology. Again, from the perspective of social practice, the protection and inheritance of Li folk songs is of great significance to promoting the development of local cultural industries, enhancing national pride, and enhancing cultural confidence.

2. THE ARTISTIC CHARACTERISTICS OF HAINAN LI FOLK SONGS

Li folk songs, as an important part of Li culture, not only carry the life experience, emotional expression and value concepts of the Li people, but also are one of the most representative art forms in the music culture of Chinese ethnic minority.

From the perspective of musicology, analyze the artistic characteristics of Li folk songs. The melody structure of Li folk songs is mostly short and small, and usually uses the pentagonal scale, with natural tone fluctuations and rich ethnic characteristics. The lyrics of the Li folk songs are mostly based on Li language, with simple language and sincere emotions. They are often themed on daily life, love stories, natural landscapes, etc., showing the Li people's love for life and awe for nature.

When analyzing the musical structure of Li folk songs, it can be found that its melody development is often based on the pentagonal scale, the interval relationship is relatively simple, mainly composed of third, fourth and fifth degrees, and there are very few semi-tones or changing notes. This feature is closely related to the living environment and cultural background of the Li people. Since the Li people mainly live in the mountainous areas of Hainan Island, their music creation is deeply influenced by the natural environment. The melody lines are mostly undulating, and the rhythm is free and elastic, showing an aesthetic most demanding experience of harmonious coexistence with nature.

The rhythm structure of Li folk songs also shows certain regularity and stability. Most Li folk songs adopt a four-beat or two-beat rhythm type. The rhythm type is relatively fixed but not rigid. Appropriate adjustments can be made according to the singer's emotions and content needs.

The Li folk songs involve a large number of labor scenes such as hunting, farming, and fishing, such as "tea picking tunes" and "fire-flying dance songs". These songs vividly depict the scenes of the Li people working in the fields and show their hardworking and simple attitude towards life. The folk songs of the Li people also contain many contents about love and marriage, such as "love songs" and "marriage songs". These songs express the love and marriage concepts between young men and women of the Li people through delicate emotional descriptions. The worship of ancestors, gods and nature often appears in songs, such as "ancestors worship songs" and "rain prayers", etc. These songs not only express the respect of the Li people for their ancestors and awe of nature, but also reflect their profound understanding of life and nature. Li folk songs are an important part of Li culture, and many songs record the historical events, heroes and national spirit of the Li ethnic group. For example, songs such as "Hero's Praise" and "Ancestors' Legends" convey the historical stories and heroic deeds of the Li people to future generations through singing, so that the Li people's culture can be continued and developed.

3. THE INHERITANCE AND PROTECTION OF HAINAN LI FOLK SONGS

As an important part of the Li ethnic culture, Hainan Li folk songs carry the historical memory, life wisdom and aesthetic interests of the Li people. However, with the rapid development of social economy and the acceleration of modernization, the inheritance of the Li nationality songs faces many challenges.

In terms of the main body of inheritance, the main inheritors of Li folk songs are currently older Li elders, who often teach folk songs through intergenerational transmission within the family or collective activities in villages. However, because these inheritors are generally older and most live in remote mountainous areas.

From the perspective of inheritance methods, the traditional oral and heart-to-heart teaching model is difficult to fully pay attention to in the modern education system. Although some universities and research institutions have begun to pay attention to the protection and inheritance of Li folk songs in recent years, they are still in the initial stage as a whole, lacking a systematic teaching system and professional talent support.

Overall, the current status of inheritance of Li folk songs is not optimistic. Although the government and all sectors of society have begun to pay attention to this issue and have taken some preliminary measures, there are still obvious shortcomings in the inheritance subject, inheritance method, education system and protection mechanism. To achieve the effective inheritance of Li folk songs, it is necessary to cooperate with multiple parties to establish a more complete inheritance system and protection mechanism to ensure that this precious cultural heritage can bring new vitality in the new era.

CONCLUSION

This study focuses on the current status of the inheritance of Li folk songs and their challenges. With the acceleration of the modernization process, the inheritance of Li folk songs faces many difficulties, such as the weakening of the younger generation's interest in traditional music, the gap in inheritors, and the single inheritance method.

However, the current inheritance of Li folk songs mainly relies on word of mouth, lack of a systematic teaching system and modern communication means, resulting in the gradual loss of some folk songs. Since the Li people do not have a written system of their own ethnic groups, it is difficult to record and organize folk songs, which further aggravates the difficulty of inheritance.

REFERENCES

1. *Cai Huaming*. Exploration of the inheritance of the Li folk songs in Hainan / Cai Huaming // Journal of Qiongzhou University. – 2013. – Vol. 20. – P. 17–18.
2. *Gao Mingxi*. A brief analysis of the connotation and aesthetics of the Li people's music culture / Gao Mingxi // Peony. – 2016. – Vol. 12. – P. 76–77.
3. *Zhang Rui*. An analysis of the evolutionary laws of the historical development of the Li folk song culture in Hainan / Zhang Rui // Music Creation. – 2017. – Vol. 03. – P. 137–139.
4. *Cao Liang*. Hainan Li ethnic folk songs and local society / Cao Liang, Zhang Rui // China Ethnic Expo. – 2017. – Vol. 04. – P. 21–24.
5. *Yang Fan*. A brief analysis of the artistic characteristics of Hainan Li folk songs / Yang Fan // Art Education. – 2017. – Vol. 13. – P. 76–77.

Zhang Yi¹, Guo Wei²

УДК 008(510)+745.52(=582.11)

¹⁻²School of Design, Hainan Vocational University of Science and Technology, Haikou, China

RESEARCH ON THE PROTECTION OF INTANGIBLE CULTURAL HERITAGE OF HAINAN LI BROCADE

Hainan Li brocade, as an important part of traditional craftsmanship of China's ethnic minorities, possesses profound historical and cultural heritage as well as unique artistic value. With the rapid development of society, Li brocade is facing multiple predicaments such as broken generations in inheritance, loss of skills, and shrinking market. Therefore, conducting systematic research on the protection and inheritance of the intangible cultural heritage of Hainan Li Brocade holds significant practical significance and cultural value.

Keywords: Hainan Li Brocade; Intangible Cultural Heritage; Protection Status Quo; Inheritance and Innovation.

For citation: Zhang Yi & Guo Wei. Research on The Protection of Intangible Cultural Heritage of Hainan Li Brocade. Sophia. 2025;2:35–40. English.

Чжан И¹, Го Вэй²¹⁻²Институт дизайна Хайнаньского научно-технического профессионального университета, Хайнань, Китай

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ВОПРОСАМ ЗАЩИТЫ НЕМАТЕРИАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ: ПАРЧА ХАЙНАНЬ ЛИ

Парча Хайнань Ли, являясь важной частью традиционных ремёсел этнических меньшинств Китая, обладает глубоким историческим и культурным наследием, а также уникальной художественной ценностью. С быстрым развитием общества искусство парчи Хайнань Ли сталкивается с многочисленными трудностями, такими как разрыв связей между поколениями, утрата секретов создания и сокращение рынка. Поэтому проведение систематических исследований по вопросам охраны нематериального культурного наследия парчи Хайнань Ли имеет большое практическое и культурное значение.

Ключевые слова: парча Хайнань Ли; нематериальное культурное наследие; статус-кво в области защиты; наследие и инновации.

Образец цитирования: Чжан И. Исследования по вопросам защиты нематериального культурного наследия: парча Хайнань Ли / Чжан И, Го Вэй // София: электрон. науч.-просветит. журн. – 2025. – № 2. – С. 35–40.

Authors:

¹ **Zhang Yi** – Professor at the School of Design, Hainan Vocational University of Science and Technology.
zy123@hvust.edu.cn

Авторы:

Чжан И – кандидат филологических наук, доцент Института дизайна Хайнаньского научно-технического профессионального университета.

² **Guo Wei** – Lecturer at the School of Design, Hainan Vocational University of Science and Technology.

Го Вэй – преподаватель Института дизайна Хайнаньского научно-технического профессионального университета.

Hainan Li brocade, as one of the traditional skills passed down from generation to generation by the Li people in China, not only features a unique artistic style and craftsmanship, but also contains profound ethnic cultural connotations. It is an important representative of intangible cultural heritage in the Hainan region. Li brocade is renowned for its exquisite patterns, rich colors and complex weaving techniques, and is hailed as “a living fossil of Chinese textile art”. According to relevant research, Li brocade has a broad mass base in the ethnic minority areas of Hainan. Its production techniques still retain a relatively complete traditional process to this day, reflecting the unique understanding of the Li people towards nature, life and beliefs.

1. THE HISTORICAL ORIGIN AND DEVELOPMENT OF LI BROCADE

Li brocade is a traditional textile technique created and passed down by the Li people in Hainan over a long period of production and life. Its history can be traced back to ancient times and it is an important part of Li culture. Li brocade not only possesses extremely high artistic and practical value, but also carries rich ethnic cultural information. It is one of the most representative items in Hainan’s intangible cultural heritage.

According to relevant research findings, the weaving techniques of Li brocade can be traced back to as early as the Han Dynasty or even earlier periods. During that time, the ancestors of the Li ethnic group had already mastered the fundamental spinning, dyeing, weaving, and embroidery techniques, and gradually developed a unique set of weaving craftsmanship.

The production process of Li brocade mainly encompasses steps such as cotton harvesting, spinning, dyeing, and weaving. Each of these processes embodies the wisdom and accumulated experience of the Li people. The patterns on Li brocade often draw inspiration

from natural flora and fauna, geometric shapes, and scenes from daily life. These patterns not only reflect the Li people's profound reverence and love for nature but also mirror their aesthetic values and religious beliefs.

In terms of color coordination, Li brocade is fastidious. Typically, colors such as red, blue, black, white, and yellow are used as the primary hues. The colors are vivid and rich in gradation, creating a striking visual impact.

Within the social context of the Li ethnic group, Li brocade not only serves as a crucial material for daily apparel but also assumes significant ceremonial functions. It is frequently employed in various occasions such as weddings, festivals, and sacrificial rituals, symbolizing auspiciousness, happiness, and the pursuit of all things good.

Over the course of history, the weaving techniques of Li brocade have witnessed continuous evolution and innovation. Particularly in modern and contemporary times, as the state has intensified its efforts in the protection of intangible cultural heritage, the inheritance and development of Li brocade have drawn unprecedented attention.

In recent years, the local government of Hainan, along with various sectors of society, has pro-actively implemented measures to safeguard and inherit the craftsmanship of Li brocade. These initiatives include the establishment of Li brocade inheritance and learning institutions, the organization of Li brocade skill training programs, and the hosting of Li brocade cultural festivals. Through these endeavors, the social awareness and influence of Li brocade have been effectively enhanced.

2. THE CULTURAL CONNOTATIONS AND ARTISTIC CHARACTERISTICS OF LI BROCADE

In terms of cultural connotations, the patterns of Li brocade predominantly take natural elements and life scenes as their themes, mirroring the ancient Li people's reverence for nature and their profound affection for life.

For example, patterns frequently seen in Li brocade, such as the "human-shaped pattern", "bird pattern", and "frog pattern", are closely intertwined with the Li ethnic group's totem beliefs. Based on relevant research, the "human-shaped pattern" in Li brocade can be traced back to the Neolithic period. It represents a symbolic expression of life and reproduction by the Li ancestors (Wang Yiying, 2024).

The "dragon quilt" pattern in Li brocade is an especially significant symbol within Li culture. It is regarded as a symbol of auspiciousness and power. As per the research of Hainan Normal University, in ancient times, the Li "dragon quilt" was mainly utilized in sacrificial and wedding ceremonies, imbued with a strong religious flavor and ritual functions (Wang Wenjing, 2024).

The artistic characteristics of Li brocade are primarily manifested in its distinctive weaving techniques and diverse color combinations.

The weaving process of Li brocade encompasses multiple stages, such as spinning, dyeing, and weaving. Among these, the "Kung dyeing" technique stands out as particularly notable. This technique involves selectively applying dyes to specific areas of the fabric, thereby creating patterns with distinct contrasts. Such an approach showcases the remarkable craftsmanship of Li artisans.

Based on research conducted by Qingdao University, the "Kung dyeing" technique employed in Li brocade not only generates a powerful visual impact but also significantly enhances the fabric's durability and aesthetic quality (Song Jing, 2024).

The use of colors in Li brocade is also highly characteristic. Frequently utilized colors include red, blue, black, and white. These colors are sourced from natural plant dyes and are imbued with specific cultural implications. For example, red symbolizes enthusiasm and vitality; blue represents wisdom and tranquility; black and white serve to distinguish the primary and secondary elements within the patterns (Li Fengmiao, 2024).

Regarding the pattern design of Li brocade, the composition of its motifs adheres to the principles of symmetry and balance, placing significant emphasis on the overall harmonious aesthetic. The commonly seen pattern types include geometric patterns, patterns of animals and plants, and human - figure patterns. Each of these patterns is imbued with its own distinct cultural connotations.

For example, the “sun motif” symbolizes illumination and hope; the “fish motif” represents prosperity and bountiful harvests; and the “frog motif” embodies the Li people’s wishes for fertility and procreation. Based on relevant research, the “sun motif” within Li brocade appears with the highest frequency in traditional Li ethnic clothing, accounting for more than 35 % of all patterns (Luo Xuan et al., 2023).

Moreover, the pattern design of Li brocade is significantly influenced by the social structure and lifestyle of the Li ethnic group. For instance, patterns on women’s clothing predominantly feature floral and avian elements, while those on men’s clothing lean more towards animal – themed and geometric patterns. This effectively reflects the disparities in gender roles (Shen Jialei et al., 2025).

The manufacturing process of Li brocade is a testament to the collective wisdom and labor achievements of the Li ethnic group. Its technological process is intricate and elaborate. From the selection of raw materials to the completion of the final product, every stage necessitates rigorous screening and processing.

For example, during the dyeing phase, Li women typically employ natural plant dyes such as *Caesalpinia sappan*, *Indigofera tinctoria*, and *Gardenia jasminoides* Ellis. These natural dyes not only meet environmental protection requirements but also yield vivid and enduring colors.

Based on research, the dyeing techniques of Li brocade can be categorized into three types: single-color dyeing, multi-color dyeing, and gradient dyeing. Among these, the multi-color dyeing technique is especially complex. It often requires multiple rounds of repeated dyeing to attain the ideal color outcome (Chen Kexin, 2024).

The weaving process of Li brocade also calls for exceptional skills and patience. Generally, it is personally overseen by seasoned and experienced artisans to guarantee that each piece holds unique artistic significance. Viewed from an aesthetic standpoint, Li brocade not only holds practical value but also boasts extremely high artistic appreciation worth. The pattern design of Li brocade is characterized by rich layering and a strong sense of rhythm. The color combinations are harmonious and unified, presenting an overall simple yet elegant style.

The aesthetic philosophy of Li brocade is profoundly influenced by the traditional culture of the Li ethnic group, underscoring the integration of natural harmony and humanistic concern. For example, the “human-shaped pattern” in Li brocade is not merely a decorative motif. Instead, it represents a direct manifestation of the human form by the ancient Li people, thereby embodying their respect for life and pursuit of aesthetics (Zhang Jun, 2025).

The manufacturing process of Li brocade is, in itself, a form of artistic creation. Each female weaver interprets the core essence of Li culture in her own unique way. Hainan Li brocade, as an important intangible cultural heritage, is rich in cultural connotations and

has distinct artistic features. It has a profound historical accumulation and unique aesthetic value. It is not only the crystallization of the wisdom of the Li people but also an important part of the diverse culture of the Chinese nation. Through indepth research on the cultural connotations and artistic features of Li brocade, we can not only better understand and protect this precious cultural heritage but also provide important inspiration and materials for contemporary cultural innovation.

3. PROBLEMS AND SUGGESTIONS FOR THE INTANGIBLE CULTURAL HERITAGE OF LI BROCADE IN HAI-NAN

At present, as a national - level intangible cultural heritage, Hainan Li brocade has achieved certain accomplishments in the aspects of protection and inheritance. However, it still confronts numerous problems and challenges.

The issue of a severely aging inheritor cohort is particularly prominent, accompanied by a notable shortage of successors. Based on the research of Wang Qiujiào (2024) regarding the inheritance model of Hainan's intangible-cultural-heritage Li brocade craftsmanship, most of the inheritors currently active in the frontline of Li brocade production are middleaged and elderly individuals. The age structure reveals a clear discontinuity trend.

A significant number of senior inheritors are gradually withdrawing from the production frontline due to health concerns. Meanwhile, the younger generation shows limited enthusiasm for traditional craftsmanship. This is mainly attributed to the absence of systematic training and insufficient economic incentives, thus causing disruptions in the inheritance chain.

Furthermore, some inheritors have not received official recognition or been incorporated into the local protection framework. As a result, their craftsmanship has not been adequately acknowledged and supported, which has further exacerbated the challenges in the inheritance process.

The inheritance of Li brocade craftsmanship predominantly relies on oral instruction and hands-on learning, lacking a comprehensive and systematic teaching framework as well as standardized teaching materials. As Li Fengmiao (2024) expounded in her research, the dissemination of Li brocade craftsmanship typically hinges on the transmission of experience within family units or between masters and apprentices.

This approach, while effectively maintaining the authenticity of the craftsmanship, nonetheless circumscribes the scope of its dissemination and the efficiency of learning. In the absence of a unified teaching syllabus and curriculum design, there exist substantial disparities in craftsmanship among different regions and various inheritors. This situation poses a significant obstacle to the establishment of standardized technical criteria.

Moreover, this informal mode of inheritance has also resulted in a delay in the systematic collation and digital documentation of the craftsmanship, thereby impeding the holistic conservation and promotion of Li brocade culture.

Thirdly, the conflict between market mechanisms and cultural conservation has become increasingly conspicuous.

On one hand, with the burgeoning development of the cultural tourism industry, Li brocade products have gradually made their way into the market and emerged as popular elements in tourist souvenirs and cultural and creative products. Nevertheless, the market's demand for Li brocade pre-dominantly centers on exterior design and commercial packaging, overlooking the profound cultural connotations and technical values underlying these products. For example, to cut costs, some merchants resort to machine-made fabrics or imitations

instead of traditional hand - woven Li brocade. This practice not only leads to a deterioration in product quality but also gives rise to the phenomenon of “fake intangible cultural heritage”.

On the other hand, due to the absence of effective brand construction and market guidance, numerous Li brocade products struggle to establish stable sales channels. As a result, the income of inheritors remains limited, further dampening their enthusiasm for engaging in the inheritance of this traditional craftsmanship.

In the course of safeguarding the intangible cultural heritage of Hainan Li brocade, a multitude of issues have emerged, encompassing the fragmentation of the inheritor succession, the monotony of inheritance models, the clash between market imperatives and cultural preservation, inadequate policy backing, limited digital advancement, and feeble international outreach.

These challenges are intricately interwoven, imposing constraints on the sustainable development of Li brocade culture. Looking ahead, it is essential to adopt a multi-faceted approach that encompasses institutional safeguards, talent cultivation, technological innovation, and cultural dissemination strategies. By doing so, we can establish a more comprehensive and effective protective framework, thereby ensuring the enduring transmission of this invaluable cultural heritage.

CONCLUSION

This paper delves into the current protection status, existing problems and future development directions of Hainan Li brocade as an intangible cultural heritage, with the aim of providing theoretical support and practical paths for the inheritance and innovation of Li brocade techniques. As a traditional handicraft passed down from generation to generation among the Li people in Hainan, Li brocade carries rich ethnic cultural connotations and unique artistic value, and is an important part of the excellent traditional culture of the Chinese nation. However, against the backdrop of the rapid development of modern society, the inheritance and development of Li brocade are facing many challenges, and systematic research and scientific protection strategies are urgently needed.

REFERENCES

1. *Li Fengmiao*. Exploration of the artistic characteristics of Hainan Lijin pattern and its application practice in clothing / Li Fengmiao // Quanzhou Normal University. – 2024.
2. *Wang Yiyi*ng. Research on graphic design of Li Jin pattern decoration based on the perspective of graphic language / Wang Yiyi // Wuhan Textile University. – 2024.
3. *Cao Liang*. Hainan Li ethnic folk songs and local society / Cao Liang, Zhang Rui // China Ethnic Expo. – 2017. – Vol. 04. – P. 21–24.
4. *Song Jing*. Research and innovative design of Hainan Li nationality brocade art / Song Jing // Qingdao University. – 2024.

Л. В. Алейнік¹, Гао Жуй²

УДК 821.161.3.09

¹⁻²Кафедра тэарэтычнага і беларускага літаратуразнаўства, філалагічны факультэт, Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Рэспубліка Беларусь

ВОБРАЗ ЛІСЫ-ПЯРЭВАРАТНЯ Ў ТВОРЧАСЦІ ПУ СУН-ЛІНА

У артыкуле разглядаюцца навелы кітайскага пісьменніка Пу Сун-ліна, якія ўвайшлі ў зборнік «Аповеды Ляа Чжэя пра незвычайнае». Даследуюцца адметнасці літаратурнага ўвасаблення фальклорна-міфалагічнага вобраза лісы-пярэваратня, аналізуюцца асаблівасці мастацкага стылю аўтара. Вызначаны тэматычна-праблемныя аспекты твораў, выяўлены каштоўнасці сэнсу і сацыякультурныя патэрны, адлюстраваныя пісьменнікам.

Ключавыя словы: фальклорна-міфалагічны вобраз; мастацкая літаратура; ліса-пярэваратень; матыў; сюжэт.

Узор цытавання: Алейнік, Л. В. Вобраз лісы-пярэваратня ў творчасці Пу Сун-ліна / Л. В. Алейнік // Софія: электрон. науч.-просветит. журн. – 2025. – № 2. – С. 41–47.

Lada Aleinik¹, Gao Rui²

¹⁻²Department of Theoretical and Belarusian Literary Studies, Faculty of Philology, Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

THE IMAGE OF THE WEREWOLF FOX IN THE WORK OF PU SUNG-LIN

The article examines the short stories of the Chinese writer Pu Song-ling, which were included in the collection «Liao Zhai's Stories of the Unusual». The features of the literary embodiment of the folklore and mythological image of the werewolf fox are studied, the features of the author's artistic style are analyzed. The thematic and problematic aspects of the works are determined, the value meanings and socio-cultural patterns reflected by the writer are revealed.

Keywords: folklore and mythological image; fiction; werewolf fox; motif; plot.

For citation: Aleinik L. & Gao Rui. The Image of the Werewolf Fox in the Work of Pu Sung-lin. Sophia. 2025;2:41–47. Belarusian.

Авторы:

¹Лада Віктараўна

Алейнік – кандыдат філалагічных навук, дацэнт, дацэнт кафедры тэарэтычнага і беларускага літаратуразнаўства філалагічнага факультэта БДУ.

<https://0000-0002-4279-3067>
lada_oleinik@mail.ru

Authors:

Lada Aleinik – PhD in Philology Associate Professor of the Department of Theoretical and Belarusian Literary Studies of the Faculty of Philology of BSU.

² Гао Жуй – магістрант кафедры тэарэтычнага і беларускага літаратуразнаўства філалагічнага факультэта БДУ. gaor70702@gmail.com

Gao Rui – Master's student at the Department of Theoretical and Belarusian Literary Studies of the Faculty of Philology of BSU.

Міфалогія – адна з першых спроб чалавека зразумець і растлумачыць рэчаіснасць. Яна закладвала асновы філасофіі, навукі і рэлігіі, шукала адказы на пытанні пра ўтварэнне Сусвету, сэнс чалавечага існавання, сутнасць добра і зла. Вывучэнне міфаў дапамагае рэканструяваць мінулае, адрозніваць сімвалічнае ад літаральнага, інтэрпрэтаваць алегорыі, больш глыбока разумець сучасны свет праз прызму старажытных вобразаў і ідэй. Міфалагічныя сюжэты і іх персанажы прапаноўваюць не рацыянальныя, але глыбока эмацыянальныя адказы на складаныя пытанні быцця, утрымліваюць псіхалагічныя патэрны, якія садзейнічаюць сучаснікам у вырашэнні шматлікіх супярэчнасцей і выклікаў часу.

Шырока распаўсюджаныя ў сусветнай міфалогіі вобразы жывёл-пярэваратняў выконваюць некалькі асноўных мастацкіх функцый: адлюстроўваюць дуальнасць чалавечай прыроды, выяўляюць унутраныя канфлікты асобы, з'яўляюцца метафарами сацыяльных з'яў. Нягледзячы на тое, што змест і сімволіка фальклорных персанажаў напрума залежаць ад культурна-гістарычнага кантэксту і нацыянальных традыцый пэўнага этнасу, большасць міфалагічных вобразаў з'яўляюцца архетыповымі, надзеленымі ўніверсальнымі якасцямі. Безумоўна, нават у межах пэўнай нацыянальнай міфалогіі некаторыя вобразы могуць валодаць амбівалентнасцю, аднак іх агульная сэнсавая ўстойлівасць застаецца вельмі трывалай. Напрыклад, перэваратні, якія прымаюць воблік ваўка (лікантропы, вервольфы, ваўкалакі), сімвалізуюць, як правіла, агрэсію і лютасць, перэварачень-мядзведзь увасабляе фізічную сілу і магутнасць духу, кот найчасцей выяўляе прадчувальнасць і мудрасць, малпы з'яўляюцца алегорыяй пільнасці і ўвішнасці і г. д.

У кітайскай міфалогіі адным з самых старажытных і распаўсюджаных з'яўляецца вобраз лісы-пярэваратня. Пра звышнатуральныя магчымасці ліс гаворка ідзе яшчэ ў «Шы цзы» («Гістарычных запісах») Сыма Цяня, якія датуюцца пачаткам I ст. да н. э., згадкі пра дзевяціхвостую лісу сустракаюцца ў «Шань хай цзін» («Кнізе гор і мораў») – ананімным старажытнакітайскім трактате, дзе апісваецца рэальная і міфічная геаграфія Кітая і памежных з ім земляў, які датуюцца II ст. да н. э., шматлікіх іншых старажытных літаратурных помнікаў. У адрозненне ад большасці міфалагічных істот, ліса (胡狸精, хулі-цзін) не з'яўляецца ўвасабленнем пэўных характарыстык, гэты вобраз вельмі супярэчлівы, непрадказальны і шматгранны: лісы-пярэваратні могуць увасабляць добро і зло, быць сябрамі людзей і іх ворагамі, прыносяць карысць і шкоду. У кітайскай міфалогіі лісы асацыююцца не толькі з хітрасцю і падманлівасцю, як,

напрыклад, у славянскім фальклоры, але і з высакароднасцю і мудрасцю, прыгажосцю і спакуслівасцю, помслівасцю і подласцю, з разнастайнымі магічнымі здольнасцямі. Даследчык і перакладчык кітайскай літаратуры В. М. Аляксееў адзначаў: «Гэта чарадзеяная фантастыка, якой кітайскі народ невядома нават з якога часу ахутвае звычайнага пажадлівага звярка, разрастаецца да памераў, якія, відавочна, зусім неўласцівыя ўяўленню іншых народаў» [1, с. 8].

Міфалагічны вобраз лісы (хулі-цзін) увасоблены ў шматлікіх творах старажытнай і сучаснай кітайскай літаратуры, якія набылі шырокую вядомасць у свеце, – у апавяданнях «Запіскі аб пошуках духаў» Гань Бао, у рамане «Развешаныя чары» Ло Гуаньчжуна, перапрацаваным пазней Фэн Мэнлунам, у романах Цзінь Юна, Лі Сяньчжоу, Мо Яня, Фэн Цзіцай і іншых мастакоў слова. Аднак самае шырокае ўвасабленне ў гісторыі кітайскай літаратуры фальклорна-міфалагічны вобраз лісы-пярэваратня атрымаў у творчасці Пу Сун-ліна (1640–1715) – выбітнага пісьменніка эпохі дынастыі Цын. На сённяшні дзень гэта самы знакаміты і чытаемы ў свеце кітайскі пісьменнік сярод іншых прадстаўнікоў класічнай прозы. Ніводзін аўтар не можа супернічаць з Пу Сун-лінам па колькасці перакладаў на замежныя мовы, а таксама па колькасці спектакляў, мастацкіх фільмаў і нават камп’ютарных гульняў, створаных па матывах апавяданняў пісьменніка. Яго творчасць глыбока ўкаранёная ў даоскую філасофію, кітайскую міфалогію і народныя паданні. Пу Сун-лін выкарыстоўваў «лісіныя метамарфозы» для вострай сацыяльнай крытыкі, для філасофскіх разваг і дэканструкцыі чалавечай прыроды, яго творчасць ператварыла лісу-пярэваратня з традыцыйнага фальклорнага персанажа ў складаны сімвал, які ахоплівае шырокі спектр тэм – ад карупцыі да кахання, ад рэлігіі да экалагічнай свядомасці.

Адметнай з’яўляецца апавядальная манера пісьменніка, якая ўяўляе сабой спалучэнне рафінаванай літаратурнай мовы і сучасных аўтару гутарковых дыялектаў, таму лексіка навел Пу Сун-ліна надзвычайна вобразная і багатая. Аповеды пісьменніка эмацыянальныя, маляўнічыя, шчодрыя на разнастайныя элементы гумару, багатыя на фразеалогію, алегарычнасць. Творчасць Пу Сун-ліна ў цэлым з’яўляецца яркім прыкладам сінтэзу літаратурнага майстэрства і фальклорна-міфалагічнай традыцыі, што робіць яго творы не толькі займальнымі, але і глыбока значнымі для разумення кітайскай культуры.

Навелы, якія ўвайшлі ў зборнік «Аповеды Ляя Чжая пра незвычайнае» (кіт. «Ляя Чжай чжы і»), азначаюцца ў кітайскай мове словам «чуаньцы», што літаральна перакладаецца як «перадаваць незвычайнае» або «расказваць пра цудоўнае» і мае на ўвазе жанр лаканічных гісторый-прыпавесцей з элементамі фантастыкі.

У сваіх творах Пу Сун-лін акцэнтаваў увагу на маральна-этычных пытаннях быцця, якія застаюцца актуальнымі ва ўсе часы: гэта і зусім шараговыя праблемы ўнутрысямейных стасункаў – адносіны мужа і жонкі, бацькоў і дзяцей, гэта непаразуменні старэйшых пакаленняў з малодшымі і будзённым бытавым клопатам, але разам – і вельмі маштабныя пытанні чалавецтва – філасофскія, сацыяльныя, экалагічныя, эканамічныя і палітычныя выклікі, ад якіх залежаць існаванне і будучыня цывілізацыі. Напрыклад, у навелах «Ліса карае за распусту», «Фея лотасу», «Лісіца ў Фэньчжоу», «Як ён хапаў лісу і страляў у чорта», «Студэнт Сунь і яго жонка», «Дзяўчына з Чанджы», «Тонкі падман», «Злая жонка Цзян-чэн» пісьменнік разглядае фактары, якія садзейнічаюць гарманічным адносінам у сямейным атачэнні, умацаванню ўзаемнай павагі. Міфалагічныя сюжэты гэтых твораў выкрываюць ганебныя якасці людзей, але вобразна

дэманструюць, што ўменне слухаць блізкага чалавека дапамагае вырашаць канфлікты, здольнасць да кампрамісаў выратоўвае ў самых складаных сітуацыях, цярплівасць узнагароджваецца паразуменнем.

Пу Сун-лін інтэграваў у сваіх апавяданнях ідэі даасізму і будызму, ствараючы філасофскую тканіну, якая ахоплівала і духоўнае, і сацыяльнае. Напрыклад, у апавяданні «Лісіны экзамен» (考狐) працэс ператварэння лісы ў чалавека не з'яўляецца проста фантастычным прыёмам – гэта адлюстраванне даасісцкай канцэпцыі «ўнутранай алхіміі» (нэйдань), дзе фізічная метамарфоза сімвалізуе духоўны рост. Паводле даасісцкага вучэння, мэтай алхіміка з'яўляецца пераўтварэнне «трох скарбаў» – цзіна (энергія), цы (дыханне) і шэнь (дух) – у несмяротнае цела. У апавяданні ліса праходзіць гэты шлях: яна не толькі мяняе форму, але і ачышчае свой дух, знішчаючы «тры атруты» – прагнасць, злосць і невуцтва. Як тлумачыць Я. Торчынаў, гэты працэс адлюстроўвае ідэю, што «сапраўдная несмяротнасць – гэта не цела, а стан свядомасці» [7, с. 122]. У сцэне, дзе ліса піша экзаменацыйны твор, яе мова поўная даасісцкіх парадксаў: «Несмяротнасць – гэта адмова ад імкнення да несмяротнасці», што падкрэслівае прынцып у-вэй (неўмяшанне) – дзеянне праз адсутнасць дзеяння.

У «Лясной нявесце» (聂小倩) будыйская тэма кармы прасочваецца праз лёс галоўнай гераіні Ніе Сяцянь. Як ліса-прывід, яна асуджаная да пакут за свае мінулыя грахі, але знаходзіць выратаванне праз дапамогу маладому вучонаму Нін Цайчэню. Гэта адпавядае будыйскай канцэпцыі кая (выпрацоўка кармы) – ідэі, што добрыя ўчынкі могуць змяніць лёс нават таго, хто быў пракляты. Сцэна, дзе Ніе Сяцянь выратоўвае Ніна ад злых духаў, сімвалізуе не толькі пра яе асабістую рэабілітацыю, але і будыйскі прынцып «выратавання ўсіх істот» (путунга). Як заўважае Лю Сян, «яе слёзы – гэта не слабасць, а прасвятленне: яна разумее, што толькі самаахвяраванне разбурае ланцуг пакут» [6, с. 133]. Пу Сун-лін не проста механічна пераносіць рэлігійныя канцэпцыі ў літаратуру, ён стварае дыялог паміж даасізмам і будызмам. Напрыклад, у «Лісіным садзе» (狐园) ліса, якая будзе ідэальны свет, спалучае даасісцкую ідэю гармоніі з прыродай і будыйскую ідэю адмовы ад прывязанасцей. Яе сад – гэта не ўцёкі ад рэчаіснасці, а прастора, дзе «прырода вучыць чалавека быць свабодным ад ілюзій». Тут Пу Сун-лін іранізуе з тых, хто шукае несмяротнасць у фізічных практыках, забываючы пра духоўнае ачышчэнне. Як заўважае Чжоу Лінь, «яго лісы – гэта манахі без манастыроў, якія вучаць, не чытаючы пропаведзяў» [8, с. 91]. У гэтай навеле Пу Сун-лін выходзіць за межы класічнага даасізму, надаючы лісе трагічную амбівалентнасць. Ліса выступае тут адначасова як дабрачынца і маніпулятар: стварае ідэальны сад для сям'і селяніна, але, калі той пачынае хваліцца «чароўным дарам», сад гіне. Паводле Лю Сяна, гэта адлюстроўвае фундаментальны канфлікт паміж даасісцкімі ідэаламі і сацыяльнай рэчаіснасцю: «Несмяротнасць немагчыма ў свеце, дзе чалавек ператварае дабро ў прычыну гонару» [6, с. 132]. Тут ліса – не настаўнік, а люстэрка, якое паказвае, як чалавечая слабасць знішчае магчымасць сапраўднага ўзвышэння.

Гэты філасофскі сінтэз асабліва выразны ў апавяданні «Лісіны падарунак» (狐赠), дзе ліса дорыць бедняку залатое дрэва, але з умовай: ён павінен адмовіцца ад сквапнасці. Калі герой парушае дамоўленасць, дрэва знікае, пакідаючы яго з пустымі рукамі. Гэта адлюстроўвае і даасісцкую ідэю цзыжань (спантаннасць), і будыйскую ідэю анэкша (нясталасць). Пу Сун-лін паказвае, што сапраўдны «падарунак» – зусім не матэрыяльнае багацце, а здольнасць быць свабодным ад яго. Такім чынам, даасізм і будызм у «Аповедах Ляя Чжэя...» – гэта не проста дэкаратыўныя элементы, але інструменты

для глыбокага асэнсавання чалавечага існавання. Яны дазваляюць Пу Сун-ліну гава-рыць пра вечныя тэмы – свабоду, адказнасць і пошук ісціны – праз прызму міфалагіч-ных вобразаў, якія застаюцца зразумелымі і актуальнымі нават праз стагоддзі.

Стрыжнявую лінію мастацкай сістэмы Пу Сун-ліна правамерна вызначыць як кар-дынальнае пераасэнсаванне традыцыйных міфалагічных вобразаў. Ліса як цэнтраль-ны архетып перастае быць проста «дэманам» ці «духам» – яна становіцца люстрам, у якім адбіваюцца ўсе пласты чалавечай прыроды. У шэрагу навел, напрыклад, вобраз лісы-пярэваратня выступае дэканструктарам гендарных роляў, выяўляючы сацыяль-ную, культурную і гістарычную абумоўленасць традыцыйных уяўленняў пра «муж-чынскае» і «жаночае».

У апавяданні «Лісіная наложніца» (狐妾) Пу Сун-лін стварыў адзін з найбольш ра-дыкальных жаночых вобразаў у кітайскай літаратуры. Гераіня, прывезеная ў дом Лю Дунцзю ў якасці «другараднай жанчыны», першапачаткова ўвасабляе традыцыйную ролю наложніцы – паслухмянай, абавязанай задавальняць гаспадара. Аднак ужо ў пер-шыя дні яна пачынае парушаць правілы канфуцыянскай сям’і. Яна не проста адмаўля-ецца выконваць абавязкі (напрыклад, не ўдзельнічае ў рытуалах пакланення продкам), пераасэнсоўвае саму сутнасць сямейнай іерархіі. Калі гаспадар забараняе ёй наведваць сад, яна ператварае забарону ў перфоманс: кожную ноч яе цела расейваецца на ты-сячы пялёсткаў магутных півоняў, якія апускаюцца на зямлю, фарбуючы яе ў крывавы чырвоны колер. Гэта не ўцёкі – гэта трансфармацыя заняволення ў эстэтычны акт. Пу Сун-лін паказвае, што нават у ролі «другога сацыяльнага цела» жанчына можа стаць творцам новай рэальнасці, дзе магія – гэта метафара ўнутранай свабоды. Сюжэт мож-на прачытаць як трыумф феміністычнай стратэгіі «маўклівага мецяжу». Ліса не спра-буе зруйнаваць сям’ю – яна робіць яе правілы абсурднымі. Напрыклад, калі сямейны алтар, сімвал мужчынскай улады, пачынае самаадвольна гарэць падчас яе прысутнас-ці, гэта не праява «дэманічнай сілы», а дэканструкцыя сакральнасці праз іронію. Яна ператварае рытуал у тэатр, дзе ролі губляюць сэнс. Знікненне лісы ў фінале гісторыі сімвалізуе пераход у стан, дзе сацыяльныя статусы страчваюць сілу.

Ключавая адметнасць лісіцы-наложніцы – яе адмова ад бінарнай логікі (падпарад-каванне/бунт). Замест таго, каб процістаяць гаспадару, яна пераўтварае яго свет у ла-бірынт сэнсаў. Напрыклад, калі ён загадвае ёй вярнуцца, яна з’яўляецца да яго ў сне ў вобразе статуі з яшмы, якая плача крывёй. Гэта не толькі псіхалагічны тэрор – гэта дэканструкцыя самой ідэі ўлады: гаспадар, які лічыць сябе цэнтрам сістэмы, раптам усведамляе, што яго «наложніца» стала часткай ландшафту, як горы ці рэкі. Яна пе-растае быць аб’ектам яго кантролю, бо ператвараецца ў прыродную сілу, якая існуе па-за чалавечымі катэгорыямі. Ліса-наложніца ў «Аповедах Ляа Чжэя...» – нават не пер-санаж, а метадалогія. Яна дэманструе, як можна перажыць уціск, не стаўшы ахвярай: праз мастацтва, магію і адмову ад фіксаваных катэгорый. Яе гісторыя – гэта антыкан-фуцыянскі маніфест, які пераконвае, што сапраўдная свабода ляжыць не ў змаганні з сістэмай, а ў стварэнні альтэрнатыўных прастораў існавання.

Пу Сун-лін пісаў свае апавяданні ў эпоху глыбокага крызісу дынастыі Цын, калі імперыя, здавалася б, магутная і непахісная, пачала развальвацца знутры. Карупцыя разбурала дзяржаўны апарат: чыноўнікі прадавалі пасады, суддзі выносілі прысу-ды за хабары, а падаткі з сялян збіраліся за дзесяць гадоў наперад, каб фінансаваць распусту двара. У абставінах сацыяльнага крызісу нарадзіліся лісы-пярэваратні Пу

Сун-ліна – не як мілыя фальклорныя істоты, а як маральныя мсціўцы, якія выкарыстоўвалі тыя ж метады, што і чыноўнікі, але на службе справядлівасці.

У апавяданні «Лісіныя хітрыкі» (狐詐) ліса пранікае ў дом губернатара Чжаа, які толькі што атрымаў новую партыю хабару – шаўковыя рулоны, залатыя статуэткі, нават жывых папугаў. Яна прымае аблічча памерлага бацькі губернатара, з'яўляецца да яго ў сне і шэпча: «Сыноч, кожная манета ў тваіх скрынях – гэта дзённы плач удавы, ноч галоднага дзіцяці» [4, с. 67]. Калі Чжаа ігнаруе «прывід», ліса пераапрацавае лекарам і пад выглядам лячэння ўводзіць яму рэчыва, якое прымушае гаварыць праўду. На кірмашы губернатар раптам пачынае крычаць: «Я браў хабары за кожнага павешанага нявіннага! Я загадаў адрэзаць рукі тым, хто не мог заплаціць падатак!» [4, с. 68]. Спалоханы натоўп пачынае кідаць у яго гнілой гароднінай. Пу Сун-лін паказвае гэта не як трыумф справядлівасці, а як трагічны фарс: чыноўнік звяр'яецца, але сістэма застаецца. Як заўважыў Чжан Вэй, аўтар даводзіць, што «нават ліса не можа вылечыць грамадства – яна можа толькі паказаць яго хваробы» [3, с. 114].

Гэтая безнадзейнасць востра адчуваецца ў «Лісіных слязах» (狐泪). Тут ліса плача не над знішчаным лесам – яна плача над сялянствам Лу, які сам ссек дрэвы па загадзе чыноўніка. Лу зрабіў гэта, каб выратаваць дачку: яе забралі ў прыслужніцы за «падатковы доўг». Калі лес знік, пайшлі апоўзні, якія знішчылі яго поле. Дачка памерла ад хваробы ў палацы губернатара, бо медык запатрабаваў хабар, якога ў Лу не было. Ліса, абдымаючы скалечанае дрэва, шэпча Лу: «Ты загубіў лес, каб выратаваць дзіця, але імперыя ператварае любоў у прычыну смерці» [4, с. 211]. Гэтая сцэна – тлумачэнне эканамічнай сістэмы Цын, што стварае кола беднасці, дзе ахвяра сама руйнуе крыніцы свайго жыцця.

Найбольш прароцкім творам стаў «Лясны суд» (狐判). Пу Сун-лін уводзіць «тройку злачынцаў»: гандляра, які падкупіў чыноўнікаў, каб адабраць зямлю ў сялян; губернатара, які зацвердзіў гэты загад, і вайскоўца, які загадаў забіць тых, хто супраціўляўся. Ліса-суддзя з'яўляецца ім у сне, прысуджаючы давесці справу да канца: «Вы зямлю ператварылі ў золата. Цяпер золата стане вашай зямлёй». Наступнай ноччу гандляр быў захоплены бандытамі, якія закапалі яго жывым у зямлю з поўным ротам залатых манет. Губернатар гіне, калі яго палац абвальваецца пад цяжарам накрадзеных скарбаў. Вайсковец гіне ад рук сялянскага атрада. Пу Сун-лін не апраўдвае гвалт – ён паказвае, як сістэмная несправядлівасць нараджае новы гвалт. Як піша Чжан Вэй, «яго лісы не помсцяць – яны толькі паскараюць тое, што непазбежна» [3, с. 118].

Працэс сацыяльнай дэградацыі маляўніча і вобразна адлюстраваны ва ўжо згаданай навеле «Лісіны падарунак» (狐赠), у якой ліса дорыць сям'і Чэнь залатое дрэва, якое штодня дае па манеце. Калі аб гэтым даведваюцца суседзі, яны абвінавачваюць Чэня ў чарадзействе. Старэйшына вёскі патрабуе дрэва «для грамадскай карысці», але насамрэч перадае яго чыноўніку. Сям'я Чэнь, абяздоленая, галодная, бачыць, як дрэва вязуць у палац. Увечары ліса з'яўляецца да чыноўніка: «Ты ўзяў тое, што належыць галодным. Цяпер ты будзеш карміць іх сваім целам» [4, с. 224]. З чыноўнікам адбываецца жаклівае: уночы яго цела пакрываецца залатымі язвамі, якія пры павеве рассыпаюцца ў пыл. Гэты сюжэт – прамы выпадак супраць сістэмы баацзя, калі суседзі павінны былі даносіць адзін на аднаго, каб пазбегнуць калектыўнай кары. Пу Сун-лін не быў прарокам, але быў дыягностам. Яго творчасць па-ранейшаму актуальная, бо ў Кітаі XXI стагоддзя застаюцца вострымі тыя ж праблемы: карупцыя, разбурэнне прыроды, сацыяльная безвыходнасць. Кітайскі пісьменнік Ма Цзян у эсе «Плач

лісы» напісаў: «Пу папярэдзіў нас: калі грамадства перастане бачыць чалавека ў чалавеку, з'явіцца лісы, каб нагадаць, што мы сталі горшымі за звяроў» [Цыт. па: 5, с. 55].

Самы горкі сімвал у «Аповедах Ляя Чжая...» – гэта маўчанне. У апавяданні «Лісіны камень» (狐石) селянін знаходзіць валун, які ўначы становіцца лісой. Яна нічога не гаворыць, толькі глядзіць на вёску, дзе людзі паміраюць ад голаду. Калі ён пытаецца: «Чаму ты не дапамагаеш?», камень расколваецца, і на ім з'яўляецца надпіс: «Я не магу выратаваць тых, хто забівае сам сябе». Гэта – ключ да разумення Пу Сун-ліна: яго лісы не «ратавальнікі», яны люстэркі, у якіх грамадства бачыць сваю агіднасць [2].

Літаратурнае ўвасабленне міфалагічных вобразаў дазваляе зразумець, як людзі, прыналежаць да розных культур і да розных эпох, успрымалі свет, прыроду і чалавека, дазваляе глыбей асэнсаваць рэлігійныя і сацыяльныя аспекты розных грамадстваў. Фальклорна-міфалагічны вобраз лісы-пярэваратня, увасоблены ў творчасці Пу Сун-ліна, адлюстроўвае адначасова лад мыслення і традыцыйныя ўяўленні кітайскага народа пра ўладкаванне свету і таксама светапогляд і маральныя прыярытэты аўтара. Навелы пісьменніка – гэта своеасаблівы мост паміж мінулым і сучаснасцю, які дазваляе пераадольваць сацыякультурныя бар'еры, садзейнічае развіццю міжкультурных камунікацый і яднанню грамадства.

БІБЛІАГРАФІЧНЫЯ СПАСЫЛКІ

1. *Алексеев, В. М.* Предисловие переводчика / В. М. Алексеев // Пу Сун-лин. Рассказы о необычайном / Пу Сун-Лин. – СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2023. – С. 5–27.
2. *Белозубова, Н. И.* Образ лисы в картине мира китайского народа / Н. И. Белозубова // Слово : фольклорно-диалектологический альманах. – 2022. – № 18. – С. 35–44.
3. *Вэй Чжан.* Фальклор і ўлада ў дынастыі Цын / Чжан Вэй. – Шанхай : Шанхайскі ўніверсітэт, 2019. – 278 с.
4. *Пу Сун-лин.* Лисьи чары : рассказы / Пу Сун-лин. – СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2023. – 384 с.
5. *Сялань Лі.* Даоскія матывы ў кітайскай прозе XVII стагоддзя / Лі Сялань. – Пекін : Выд-ва літ. на замежных мовах, 2020. – 315 с.
6. *Сян Лю.* Дааскія прынцыпы ў кітайскай літаратуры / Лю Сян. – Шанхай : Шанхайская акад. навук, 2021. – 335 с.
7. *Торчинов, Е. А.* Даосизм / Е. А. Торчинов. – СПб. : Петербургская шк. востоковедения, 1998. – 448 с.
8. *Чжоу Лін.* Рэлігія і ўлада ў кітайскім фальклоры / Лін Чжоу. – Пекін : Акад. сацыяльных навук, 2020. – 214 с.

Гао Юйкунь¹, І. І. Шматкова²

УДК 821.161.3.09

¹⁻²Кафедра тэарэтычнага і беларускага літаратуразнаўства, філалагічны факультэт, Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Рэспубліка Беларусь

ПЕРАКЛАД ПРОЗЫ ВАСІЛЯ БЫКАВА НА КІТАЙСКУЮ МОВУ: ПРАБЛЕМА ЗАХАВАННЯ АЎТАРСКАГА СТЫЛЮ

У артыкуле аналізуюцца пераклады аповесцей Васіля Быкава «Альпійская балада», «Жураўліны крык», «Сотнікаў» на кітайскую мову, зробленыя Цзінь Гэ, Сун Чанчжунам, Ду Фэнчжэнем; разглядаецца праблема захавання аўтарскага стылю. Выяўлена непазбежнасць аб'яднання аўтарскага стылю і стыляў перакладчыкаў пры перакладзе мастацкіх тэкстаў, абумоўленая ўплывам розных фактараў (выбар стратэгіі перакладу – даместыкацыі ці фарэнізацыі, адрозненне культур, выкарыстанне моў-пасрэдніка і інш.).

Ключавыя словы: Васіль Быкаў; аповесці «Альпійская балада», «Жураўліны крык», «Сотнікаў»; пераклад на кітайскую мову; аўтарскі стыль.

Узор цытавання: Гао Юйкунь. Пераклад прозы Васіля Быкава на кітайскую мову: праблема захавання аўтарскага стылю / Гао Юйкунь, І. І. Шматкова // Софія: электрон. навуц.-просветит. журн. – 2025. – № 2. – С. 48–54.

Gao Yukun¹, I. Shmatkova²

¹⁻²Department of Theoretical and Belarusian Literary Studies, Faculty of Philology, Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

TRANSLATION OF VASIL BYKAŮ'S PROSE INTO CHINESE: THE PROBLEM OF PRESERVING THE AUTHOR'S STYLE

The article analyzes the translations of Vasil Bykaŭ's stories «The Alpine Ballad», «Crane's Cry», «Sotnikov» into Chinese, made by Jin Ge, Song Changzhong, Du Fengzhen; the problem of preserving the author's style is considered. The inevitability of combining the author's style and the styles of translators when translating literary texts is revealed, due to the influence of various factors (the choice of translation strategies – domestication or foreignization, cultural differences, the use of an intermediary language, etc.).

Keywords: Vasil Bykaŭ; stories «The Alpine Ballad», «Crane's Cry», «Sotnikov»; translation into Chinese; author's style.

For citation: Gao Yukun & Shmatkova I. Translation of Vasil Bykaŭ's Prose into Chinese: the Problem of Preserving the Author's Style. Sophia. 2025;2:48–54. Belarusian.

Аўтары:

¹Гао Юйкунь – магістрант кафедры тэарэтычнага і беларускага літаратуразнаўства філалагічнага факультэта БДУ.
gaocailie425@gmail.com

Authors:

Gao Yukun – Master's student of the Department of Theoretical and Belarusian Literary Studies of the Faculty of Philology of BSU.

²Ірына Ігараўна

Шматкова – дацэнт кафедры тэарэтычнага і беларускага літаратуразнаўства філалагічнага факультэта БДУ.
<https://orcid.org/0000-0003-0842-5460>
i.shmatkova@gmail.com

Iryna Shmatkova – Associate Professor of the Department of History of Belarusian Literature of the Faculty of Philology of BSU.

Васіль Быкаў з'яўляецца адным з найбуйнейшых пісьменнікаў другой паловы ХХ стагоддзя не толькі ў Беларусі, але і ва ўсім свеце, у тым ліку і ў Кітаі. Сумарны тыраж яго кніг даўно перавысіў некалькі мільёнаў. У 1980-я гады многія творы гэтага беларускага пісьменніка былі перакладзены на кітайскую мову. Аповесці В. Быкава «Альпійская балада», «Жураўліны крык», «Сотнікаў» пераклалі Цзінь Гэ, Сун Чанчжун, Ду Фэнчжэнь. Аднак пераклад гэтых твораў на кітайскую мову быў ажыццёўлены праз мову-пасрэднік – рускую («Альпійская балада» ў перакладзе М. Гарбачова, «Жураўліны крык» – Б. Якаўлева, «Сотнікаў» – аўтарскі пераклад В. Быкава), што ў многім паўплывала на яго дакладнасць.

Увогуле праблема захавання аўтарскага стылю пры перакладзе мастацкіх тэкстаў – адзін з важнейшых кірункаў у даследаваннях літаратуразнаўцаў. Вядомы тэарэтык перакладазнаўства Ю. Найда адзначаў важнасць правільнай эквівалентнасці ў перакладзе: «Каб дасягнуць ідэальнага перакладу, неабходна не толькі знайсці эквівалент значэння слоў у перакладаемай мове, але і знайсці эквівалент ад семантыкі да стылістычнага боку, каб прайграць творчыя характарыстыкі самога аўтара» [5, с. 88]. Гэта праблема, магчыма, не першая, але адна з важнейшых пры перакладзе літаратурнага тэксту. Некаторыя даследчыкі мастацкага перакладу сцвярджаюць, што стыль з'яўляецца адной з неперадавальных катэгорый у творы, аднак відавочна, што такое сцвярджанне не мае канкрэтнай аргументацыі. Тыя, хто прытрымліваецца гэтага пункту гледжання, параўноўваюць стыль мастацкага твора і стыль аўтара з неперадавальнымі лінгвістычнымі характарыстыкамі або з пэўнай формай выражэння ў зыходнай мове. На самай справе, стыль – гэта вельмі складанае паняцце, а стыль аўтара,

яго твора – гэта своеасаблівая адметная рыса, якая сфарміравалася ў творчым працэсе. Набор слоў, ідэй, жанраў і іншых важных элементаў у творчасці аўтара, які дазваляе чытачу пазнаць аўтара без ніякіх падказак і адрознівае яго творы ад твораў іншых пісьменнікаў, з’яўляецца яго ўласным стылем. І мы можам выкарыстоўваць такое паняцце, як «аўтарскі брэнд», каб даць сінанімічную назву гэтай літаратурнай з’яве. Неперадавальнасць, безэквівалентнасць пэўных характарыстык зыходнай мовы ўплываюць на перадачу стылістычных асаблівасцей, але яны не з’яўляюцца цалкам абмежаванымі, таму што стыль, як і нейкае пачуццё, якое могуць канкрэтна ўспрымаць мясцовыя чытачы, таксама можна па-мастацку прайграваць на іншай мове праз разумныя метады перакладу. Стыль пісьменніка, як правіла, адлюстроўваецца ў наступных аспектах:

- 1) з пункту гледжання невербальных сродкаў стыль – гэта схільнасць да жанру апавядання, ідэі пісьменніка, яго любімыя і «каронныя» тэмы, агульныя літаратурныя асаблівасці эпохі і іншыя асаблівасці, якія іграюць ускосную ролю ў яго фарміраванні. З гэтымі экстралінгвістычнымі асаблівасцямі аўтарскага стылю перакладчык не будзе прыступаць да другаснага стварэння, але канкрэтныя выразы і словы, якія ён выкарыстоўвае, могуць па-рознаму адрознівацца ад першапачатковай творчай канцэпцыі аўтара;
- 2) стыль, безумоўна, мае сувязь з характарыстыкамі выкарыстаных аўтарам моўных сродкаў, якія ўключаюць у сябе схільнасць, па-першае, да выкарыстання пэўных слоў і фраз (тэрміны, складаныя словы, простыя словы, архаізмы, дыялектныя словы і пад.); па-другое, да адпаведнай структуры сказаў (простыя сказаны, складаныя, эліптычныя, імператывныя, пытальныя сказаны і інш.); па-трэцяе, да ўлюблёных сродкаў мастацкай выразнасці (метафары, іронія, персаніфікацыя і г. д.); і нарэшце, да спосабу выражэння (коратка і па сутнасці, лаканічная перадача думкі, перадача думкі з эўфемізмамі, пастаноўка пытанняў чытачам і да т. п.) і размяшчэння сегментаў.

Адметнасці моўных сродкаў звычайна адыгрываюць вырашальную ролю ў фарміраванні аўтарскага стылю. З-за адрозненняў паміж мовамі, якія фактычна перашкаджаюць у перадачы аўтарскага пачуцця, перакладчык вымушаны ўносіць змены, каб пераклад не адхіліўся ад зместу арыгінала, праз гэта аўтарскі стыль можа быць парушаны. Альбо перакладчык можа мець свае перавагі ў выбары слоў і фраз, і гэтая ініцыятыўнасць можа не адпавядаць аўтарскаму стылю, што будзе з’яўляцца няправільным выбарам для мастацкага перакладу. Напрыклад, вядомы кітайскі пісьменнік Фу Лэй, які вельмі актыўна працуе і ў галіне мастацкага перакладу, любіць і актыўна выкарыстоўвае кітайскія прыказкі і ідыёмы пры стварэнні сваіх уласных твораў, гэтая рыса адлюстравана і ў яго перакладах. Яго пераклады заўсёды атрымліваюцца «фулэйскімі», у гэтым выпадку стыль перакладчыка сур’ёзна перашкаджае прадстаўленню арыгінальнага стылю. Такая стратэгія перакладу можа адпавядаць стандарту тэорыі «Я», прапанаванаму кітайскім тэарэтыкам перакладу Янь Фу, але гэта супярэчыць яго тэорыям «Сінь» і «Да» («Сінь – гэта “вернасць”, паняцце падобнае да прынцыпу адпаведнасці арыгінальнаму тэксту. Гэты прынцып падкрэслівае, што пераклад павінен адпавядаць зместу арыгінальнага тэксту і цалкам і дакладна перадаваць ідэі аўтара. Пры перакладзе перакладчык павінен дакладна разумець сэнс арыгінальнага тэксту, каб пазбегнуць памылак у перакладзе і пропускаў. Да – “даходлівасць”, мае тое ж значэнне, што і функцыянальная эквівалентнасць. Прынцып “Да” патрабуе, каб пераклад быў

беглым і адпавядаў традыцыйным законам выказвання мэтавай мовы. Гэта значыць, што пры перакладзе нельга жорстка капіраваць сінтаксічную структуру арыгінальнага тэксту, а трэба гібка карэкціраваць парадак слоў, структуру сказа і г. д. А “Я” – “прыгажосць”, выступае за тое, каб словы ў перакладзе былі рытарычнымі» [4, с. 13–14]). Мао Дунь прапанаваў: «Прывяду такі прыклад, калі ў арыгінальным тэксце словы аўтара – простыя, у перакладзе прысутнічае высакамоўная рыторыка альбо ў тэксце арыгінала мова жывая і цікавая, а ў перакладзе яна стала сухой. Пры такіх акалічнасцях пераклад, нават калі ён не мае справы з памылкамі, яго могуць зразумець усе чытачы, але на самай справе ён усё ж такі нейкім чынам можа сказаць сэнс арыгінальнага твора і ідэю аўтара, лічыцца нізкакасным» [7, с. 71–72]. Зыходзячы з гэтага, каб правільна перадаць стыль і ідэі арыгінальнага твора, перакладчык павінен паспрабаваць пераадолець і паставіць сваю ініцыятыўнасць на другое месца, у поўнай меры ўнікнуць у першапачатковае аблічча гісторыі, вобразаў, думак, моўнай і культурнай атмасферы арыгінальнага твора, аднавіць іх у дэталях у сваёй рабоце.

Пры аналізе паэтыкі перакладаў на кітайскую мову аповесцей Васіля Быкава неабходна звярнуць увагу на такі літаратурны тэрмін, як «лейтэнанцкая проза». В. Быкаў як адзін з прадстаўнікоў гэтага жанру літаратуры ў поўнай меры ўвасобіў літаратурныя характарыстыкі лейтэнанцкай прозы ў сваіх творах. Жанр творчасці пісьменніка ў асноўным быў арыентаваны на аповесці, свае вершы аўтар ніколі не публікаваў. А. Адамовіч адзначаў, што Васіль Быкаў адрозніваецца ад іншых пісьменнікаў ваеннай літаратуры, ён у самым пачатку свайго творчага шляху адмовіўся ад «мастацкага аўтабіяграфізму» [3, с. 127]. Асаблівасці раскрыцця ваеннай тэмы гэтым беларускім пісьменнікам праяўляюцца ў тым, што апавед заўсёды вядзецца ад імя трэцяй асобы, аўтар засяроджвае ўвагу на жыцці і лёсах звычайных людзей на вайне, яны часта з’яўляюцца звычайнымі салдатамі або малодшымі афіцэрамі, і апавядальнік назірае, аналізуе і апісвае тое, што адбылося з імі на вайне. В. Быкаў размяшчае герояў сваіх твораў у экстрэмальных умовах і прымае іх рэакцыі на сваю бяду як уласныя аб’екты даследавання ў працэсе стварэння літаратуры. Усе дзеянні ў быкаўскай прозе ў асноўным адбываюцца на «маленькай тэрыторыі» (невялікія ваенныя сцэны) у адзін або некалькі дзён. Галоўных персанажаў не вельмі шмат у аповесцях, падзеі часта ўяўляюць сабой невялікі бой, і ў кнігах амаль адсутнічае прамое апісанне ваенных сцэн. Гэтая тэматычная мадэль выкарыстана амаль ва ўсіх творах В. Быкава, аўтар асабліва добра паказвае непазбежную сувязь паміж уласным вопытам герояў і іх выбарам на вайне, а асабісты маральны выбар заўсёды знаходзіцца ў цэнтры тэмы. Пераклады, зробленыя Цзінь Гэ, Сун Чанчжунам, Ду Фэнчжэнем, не выйшлі за рамкі тэмы быкаўскай прозы, экстралінгвістычныя асаблівасці аўтарскага стылю не былі зменены кітайскімі перакладчыкамі, таксама не ўзнікла праблем з перадачай асаблівасцей персанажаў, месцаў, часу ці асобы (ад якой вядзецца апавед).

З пункту гледжання моўных характарыстык аўтарскага стылю, мова ў «лейтэнанцкай прозе» засяроджваецца на праўдзівасці і лаканічнасці. Па словах самога Васіля Быкава, «лейтэнанцкая проза» цуралася «псеўдарамантыкі, псеўдалірызму, стылявога штукарства, ілюстрацыйнасці» [2]. З пункту гледжання агульнага тэксту, хоць перакладчыкі і спрабавалі аднавіць моўную характарыстыку аўтара, яны ўсё роўна не рэагавалі на яе ідэальна. Калі звернем увагу на адметнасці слоў і фраз пісьменніка, мы заўважым, што ў арыгінале В. Быкаў піша: «Дома ён не сказаў нікому, <...>, але ён маўчаў, ні слова не сказаў ёй (маці) пры сустрэчы, не адказваў на пісьмы...»

[1, с. 52] – «<...>, 后来收到她的来信后, 他也没有只言片语的回音...» (Пазней, калі ён атрымаў ліст ад мамы, ён не пісаў ёй ні аднаго слова ў адказ) [6, с. 64]. Кароткі сказ, выкарыстаны пісьменнікам, стаў больш складаным у перакладзе, мнагаслоўнасць перашкодзіла аднавіць быкаўскі мінімалізм.

Некаторая неадпаведнасць праявілася яшчэ і ў тым, што перакладчыкі шмат разоў няправільна прымянялі прыём апусчэння для дэталей, схаваных у дзеясловах, дзеепрыметніках і дзеепрыслоўях. Мы можам пацвердзіць правільнасць нашага погляду такім прыкладам: «Холад з кожнай хвілінай усё далей запуская сваю ледзяную руку, прымушаў сціскацца, туліцца і дробна дрыжаць...» [1, с. 60] – «寒气从四面八方袭来...» (Холад ідзе з усіх бакоў) [6, с. 74]. Дзеясловы «сціскацца», «туліцца» і «дрыжаць», якія робяць эмоцыю мацнейшай, перакладчык Сун Чанчжун апусціў, мова адназначна стала больш сухой, што не адпавядае арыгінальнаму стылю.

Перакладчыкі Фу Лэй, Цзінь Гэ, Сун Чанчжун і Ду Фэнчжэнь, як і некаторыя кітайскія пісьменнікі, таксама маюць схільнасць да кітайскай прастамоўнай лексікі і ідыём. Напрыклад, у арыгінале было: «<...> – Гэта ўжо аксіёма» [1, с. 33] – «这就是二加二等于四那样清楚的事情» (Гэта як два плюс два роўна чатыры – кітайская прыказка) [6, с. 37]. Яшчэ прыклады: «Давай! Як-небудзь...» [1, с. 281] – «来吧, 管它三七二十一» (Няхай тры памножыць на сем атрымаецца шэсць – было не было, спачатку зробім, а там відаць будзе) [6, с. 183]; «А гінуць, пражыўшы толькі дваццаць год...» [1, с. 42] – «一个人好好地活了二十个春秋就要离开人间...» («春秋» – вясна і восень: «у старажытныя часы ў Кітаі сельская гаспадарка была асноўным відам дзейнасці. Вясна і восень былі двума важнымі сезонамі ў годзе. Вясна была для пасадкі, а восень – для збору ўраджаю. Вясна і восень былі найважнейшымі сезонамі года, таму слова “春秋” было сінонімам слова “год”») [6, с. 50]. Акрамя гэтых слоў, яшчэ прысутнічаюць розныя кітайскія дыялектныя словы ў кітайскамоўным перакладзе «Альпійскай балады»: «耗子» – мыш, «女娃娃» – дзяўчына і інш. Але шкада, што для фразеалагізма, які сапраўды ўжывае пісьменнік у аповесці «Сотнікаў», Ду Фэнчжэнь выкарыстаў стратэгію дамestыкацыі (пры перакладзе большая ўвага надаецца культурным адметнасцям мэтавай мовы), асабліваецца аўтарскай мовы не захавана ў перакладзе: «Што, пашчыпалі? Во-во! Скора пух-пяро паляціць ад усіх вас» [1, с. 336] – «怎么, 是叫我们的小伙子揍的? 就是嘛! 你们的人马上就要一个不剩, 统统完蛋» (Што, нашы людзі білі? Менавіта так! Пераловім усіх тваіх людзей па аднаму) [6, с. 250].

Перастварэнне структуры тэксту (прыём падзялення абзацаў) у перакладзе не з’яўляецца цалкам аўтарытэтным у параўнанні з размяшчэннем абзацаў у арыгінале, што з’яўляецца больш забытым і nelaгiчным. Тым не менш у нашым даследаванні мы выявілі, што такія праблемы ўзнікаюць амаль у кожным раздзеле кожнага твора. Структура тэксту – гэта не толькі форма ці знешні выгляд твора. Аўтар размяшчае розныя словы ў розныя месцы не без прычыны, на самой справе ўсё грунтуецца на яго творчых задумах. Аўтар выказвае свае думкі ў пэўным структурным парадку, у той жа час розныя абзацы таксама могуць прыцягнуць цікавасць чытача да ўсяго зместу кнігі, служыць сувязным звязом і выконваць сувязную функцыю, абмеркаваць нейкі погляд, які адрозніваецца ад іншага ў творы, прэрэчыць думцы папярэдняга абзаца або рабіць выснову. Яна таксама ўтрымлівае аўтарскую логіку і паслядоўнасць, іншыя творчыя характарыстыкі яго ідэі, уплывае на рытм аповеду, ні ў якім разе не з’яўляецца нязначнай. Разумнае аднаўленне структуры твора гэтак жа іграе станоўчую ролю ў перадачы стылю пісьменніка.

Неабходна адзначыць, што філасофскія ідэі экзістэнцыялізму, адлюстраваныя ў творах Васіля Быкава, таксама з’яўляюцца важнейшымі састаўнымі элементамі аўтарскай паэтыкі. З трох апавесцей, якія мы аналізуем, можна сказаць, што апавесць «Сотнікаў» з’яўляецца класічным прыкладам для паказу экзістэнцыяльнай філасофіі пісьменніка, аднак яго ідэі не цалкам адлюстраваны ў перакладзе Ду Фэнчжэня. З аднаго боку, у рускамоўным перакладзе (які стаў пасрэднікам для перакладу на кітайскую мову апавесці «Сотнікаў») была выдалена вялікая колькасць урыўкаў тэксту, праз гэта фігуры згубілі сваю жывасць і мастацкую сілу. Затым сам пісьменнік пры другасным стварэнні свайго твора недзе ў тэксце прывёў іншую думку, якая адхілялася ад арыгінальнага твора і паказвала недакладнасць. З-за ўплыву ўскоснага перакладу перакладчык не змог перадаць першапачатковую аўтарскую паэтыку. З другога боку, у кітайскай літаратуры даўно адсутнічае літаратура экзістэнцыялізму, кітайскія перакладчыкі разумеюць характарыстыкі гэтага літаратурнага кірунку, на наш погляд, не зусім добра і дакладна. Таму ў выбары сваіх слоў яны могуць адхіліцца ад асноўнай творчай ідэі экзістэнцыялізму і змяніць яе на характарыстыку «выхаваўчага значэння», якую звычайна ўключаюць у сябе творы рэалізму. В. Быкаў робіць Рыбака вельмі складаным персанажам, аўтар наўмысна адыходзіць ад маралістычнага ідэалагічнага выхавання ў канцы свайго твора, пакідаючы адкрыты фінал, каб не празмерна паўплываць на сімпатыі і антыпатыі чытача да персанажа, а замест гэтага паразважаць над філасофскімі пытаннямі, якія задаюць экзістэнцыялісты. Аднак апрацоўка некаторых слоў у перакладзе Ду Фэнчжэня можа парушыць гэты баланс і зрабіць яго больш дыдактычным тонам. Напрыклад, у арыгінале было напісана: «Так, зварту назад, да ранейшага, цяпер, мабыць, ужо не было – ён гінуў усур’ёз, назусім, і самым неспадзяваным чынам. Цяпер ён скрозь вораг. Усім. І, пэўна, самому сабе таксама» [1, с. 386] – «是的, 已经不可能恢复原来的状态了 – 他真的是完全毁灭了, 通过最意想不到的方式毁灭了。现在无论在什么地方, 他都是大众的敌人; 而且, 显然也是与自己为敌了» (Праўда, вярнуцца назад ужо абавязкова было немагчыма – ён сапраўды цалкам і сур’ёзна знік і сапсаваўся самым нечаканым чынам. Цяпер паўсюдна, дзень і ноч, ён – вораг усіх людзей; больш за тое, відавочна, што ён таксама вораг самому сабе) [6, с. 312]. Спосаб выражэння В. Быкава, відавочна, з’яўляецца больш далікатным і аб’ектыўным, чым у перакладзе.

З прыведзеных прыкладаў разумеецца, што аўтарскія стыль і паэтыка не з’яўляюцца неперадавальнымі ў працэсе мастацкага перакладу. Як адны з лепшых перакладчыкаў, Цзінь Гэ, Сун Чанчжун, Ду Фэнчжэнь імкнуліся дакладна перадаць быкаўскі стыль, ідэю і моўныя асаблівасці яго прозы, але пераклад непазбежна паказвае ўласныя моўныя перавагі перакладчыкаў, і перакладзеным мастацкім творам наканавана быць «сумессю» стыляў аўтара і перакладчыка. Спадзяёмся, што ў будучых новых перакладах быкаўскіх твораў перакладчыкі змогуць пазбавіцца ад такіх негатыўных фактараў, як уплыў рускамоўнага перакладу на арыгінальны стыль аўтара (пераклады будуць рабіцца непасрэдна з беларускамоўнага тэксту), спрашчэнне перакладу дзеясловаў і недакладнае разуменне канцэпцый экзістэнцыялізму, а праз меру вялікая ініцыятыўнасць перакладчыка не будзе моцна перашкаджаць перадачы арыгінальнай паэтыкі аўтара, але ў той жа час яна будзе гарманічна суіснаваць разам з аўтарскім стылем у перакладзеным творы, надаючы тэксту новыя эстэтычныя каштоўнасці, якія разумна адрозніваюць яго ад арыгінала.

БІБЛІОГРАФІЧНІ СПАСЫЛКІ

1. *Быкаў, В.* Творы / В. Быкаў ; уклад., камент. М. Курыпкі. – Мінск : Маст. літ., 2023. – 654 с.
2. *Давыдюк, Е. В.* «Лейтенантская проза» 50–60-х гг. Споры об окопной и масштабной правде. Доклад для участия в работе круглого стола «Этих дней не смолкнет слава». Архивная копия от 17 сент. 2019 г. на Wayback Machine // NetNado [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://netnado.ru/leitenantskaya-proza/page-1.html>. – Дата доступа: 18.05.2025.
3. *Трацяк, З.* «Праклятыя» пытанні савецкай эпохі ў літаратурна-мастацкай спадчыне В. Быкава / З. Трацяк // *Acta Albaruthenica*. – 2019. – Т. 19. – С. 125–133.
4. *Щичко, В. Ф.* Китайский язык. Теория и практика перевода : учеб. пособие / В. Ф. Щичко. – М. : Восток-Запад: АСТ, 2004. – 223 с.
5. *Nida, E. A.* Language Culture and Translation / E. A. Nida. – Shanghai : Shanghai Foreign Language Education press, 1993. – 208 с.
6. 鹤唳, 瓦·贝科夫著, 沈念驹主编; 宋昌中, 杜奉真译 – 杭州: 浙江文艺出版社 (Быков, В. Журавлиный крик. Перевод с русского языка на китайский / В. Быков ; под ред. Шэнь Няньцзюй ; пер. Сун Чанчжуна и Ду Фэнчжэня. – Ханчжоу : Чжэцзянское лит.-худож. изд-во, 1984. – 314 с.).
7. 茅盾, 孙艺风. 直译·顺译·歪译, 北京: 中国翻译 (Мао Дунь. Буквальный перевод, свободный перевод и ошибочный перевод / Мао Дунь, Сунь Ифэн. – Пекин : перевод Китая, 2001. – С. 69–73).

В. С. Дзянісенка¹, Т. А. Марозава²

УДК 398:378.147.091.33-027.22

¹Вучэбна-навуковая лабараторыя беларускага фальклору кафедры тэарэтычнага і беларускага літаратуразнаўства, філалагічны факультэт, Беларускае дзяржаўнае ўніверсітэт, Мінск, Рэспубліка Беларусь

²Кафедра тэарэтычнага і беларускага літаратуразнаўства, філалагічны факультэт, Беларускае дзяржаўнае ўніверсітэт, Мінск, Рэспубліка Беларусь

АДУКАЦЫЙНЫ ПАТЭНЦЫЯЛ ФАЛЬКЛОРНАЙ ПРАКТЫКІ Ў КАНТЭКСЦЕ ПРАФЕСІЙНАЙ ПАДРЫХТОЎКІ ФІЛОЛАГАЎ: ВОПЫТ ВУЧЭБНА-НАВУКОВАЙ ЛАБАРАТОРЫІ БЕЛАРУСКАГА ФАЛЬКЛОРУ БЕЛАРУСКАГА ДЗЯРЖАўНАГА ўНІВЕРСІТЭТА

У артыкуле акцэнтуюцца ўвага на асаблівасцях нефармальнага вывучэння фальклорных матэрыялаў у межах актыўных навучальных практык, накіраваных на фарміраванне ў студэнтаў-філолагаў якасных прафесійных кампетэнцый, якія ўключаюць метадалагічную падрыхтоўку і даследчую дзейнасць.

Ключавыя словы: фальклорная практыка; Фонд фальклорных матэрыялаў; беларускі фальклор; вучэбна-навуковая лабараторыя беларускага фальклору; фальклорны твор; фальклорная адзінка.

Узор цытавання: Дзянісенка, В. С. Адукацыйны патэнцыял фальклорнай практыкі ў кантэксце прафесійнай падрыхтоўкі філолагаў: вопыт вучэбна-навуковай лабараторыі беларускага фальклору Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта / В. С. Дзянісенка, Т. А. Марозава // София: электрон. на-уч.-просветит. журн. – 2025. – № 2. – С. 55–59.

V. Dzianisenka¹, T. Marozava²

¹Educational and Scientific Laboratory of Belarusian Folklore, Department of Theoretical and Belarusian Literary Studies of the Faculty of Philology, Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

²Department of Theoretical and Belarusian Literary Studies, Faculty of Philology, Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

THE EDUCATIONAL POTENTIAL OF FOLKLORE PRACTICE IN THE CONTEXT OF THE PROFESSIONAL TRAINING OF PHILOLOGISTS: THE EXPERIENCE OF THE EDUCATIONAL AND SCIENTIFIC LABORATORY OF BELARUSIAN FOLKLORE OF BELARUSIAN STATE UNIVERSITY

The article focuses on the importance of informal study of folklore materials within the framework of active educational practices aimed at the formation of high-quality professional competencies among philology students, including methodological training and research activities.

Keywords: folklore practice; Folklore Materials Fund; Belarusian folklore; educational and scientific laboratory of Belarusian folklore; folklore work; folklore unit.

For citation: Dzianisenka V. & Marozava T. The Educational Potential of Folklore Practice in the Context of the Professional Training of Philologists: the Experience of the Educational and Scientific Laboratory of Belarusian Folklore of Belarusian State University. *Sophia*. 2025;2:55–59. Belarusian.

Аўтары:

¹ Вера Сяргееўна

Дзянісенка – загадчык вучэбна-навуковай лабараторыі беларускага фальклору кафедры тэарэтычнага і беларускага літаратуразнаўства філалагічнага факультэта БДУ.
nutbolt@yandex.by

Authors:

Vera Dzianisenka – Head of the Educational and Scientific Laboratory of Belarusian Folklore, Department of Theoretical and Belarusian Literary Studies of the Faculty of Philology of BSU.

² Таццяна Анатольеўна

Марозава – кандыдат філалагічных навук, дацэнт, загадчык кафедры тэарэтычнага і беларускага літаратуразнаўства філалагічнага факультэта БДУ.

morota2012@yandex.by

Tatsiana Marozava – PhD in Philology, Docent, Head of the Department of Theoretical and Belarusian Literary Studies of the Faculty of Philology of BSU.

Фальклор як унікальная з’ява нацыянальнай культуры прадстаўляе сабой шматграннае адзінства гістарычнага вопыту, моўнай спецыфікі і ментальных асаблівасцей таго ці іншага народа. У межах філалагічных і культуралагічных даследаванняў ён выступае ў якасці складанага феномена, які інтэгруе пэўныя сацыякультурныя, лінгвістычныя і гістарычныя вымярэнні, тым самым падкрэсліваючы сваю асаблівую значнасць для вывучэння моўнай, культурнай і сацыяльнай дынамікі ў дыяхранічным і сінхранічным зрэзе.

Так, важным складнікам фарміравання прафесійных кампетэнцый студэнтаў-філолагаў з’яўляецца азнаямляльная фальклорная практыка на базе вучэбна-навуковай лабараторыі беларускага фальклору (далей – ВНЛБФ) кафедры тэарэтычнага і беларускага літаратуразнаўства, якая праводзіцца на філалагічным факультэце Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта (далей – БДУ).

Асабліва важнай у межах дадзенай формы вучэбнай дзейнасці з’яўляецца праца з архіўнымі калекцыямі Фонду фальклорных матэрыялаў лабараторыі. Гэты працэс уключае ў сябе знаёмства з фальклорнымі тэкстамі розных рэгіёнаў Беларусі, запісанымі студэнтамі філалагічнага факультэта БДУ непасрэдна ў палявых умовах, гэта

значыць у рэальных умовах бытавання і функцыянавання фальклорнай адзінкі, а таксама з варыятыўнасцю і асаблівасцямі лакальных традыцый.

Такім чынам у рамках індывідуальнага задання ў студэнтаў-практыкантаў філалагічнага факультэта БДУ фарміруюцца навыкі крытычнай ацэнкі палявых назіранняў, правядзення інтэрв'ю з носьбітамі вуснай традыцыі, а таксама ўменне аналізаваць архіўныя запісы Фонду фальклорных матэрыялаў лабараторыі з пункту гледжання сучаснай фалькларыстыкі.

Значную практычную складанасць уяўляе атрыбуцыя жанравай прыналежнасці фальклорных твораў асабліва ў выпадках некарэктнага вызначэння або адсутнасці пазнак, якія мог пакінуць збіральнік, што вымагае ад практыкантаў прымянення тэарэтычных ведаў па фалькларыстыцы і навыкаў уважлівага аналізу фальклорнага матэрыялу. Для гэтага неабходна выявіць і асэнсаваць наступныя фармальна-змястоўныя маркеры:

- кампазіцыйныя асаблівасці фальклорнага твора: структуру тэксту, парадак элементаў, паўторы, наяўнасць рэфрэнаў і інш.;
- стылістычныя рысы: моўныя сродкі, метафорыку, рытміку і інш.;
- адметнасці сюжэтна-матыўнага аналізу – тыповыя сюжэты і матывы фальклорнага тэксту.

Гэты этап работы спрыяе развіццю ў студэнтаў практычных навыкаў тэксталагічнага аналізу фальклорнага твора і паглыбленню разумення жанрава-відавой сістэмы беларускага фальклору, што, у сваю чаргу, з'яўляецца ядром прафесійнай падрыхтоўкі філолагаў і фалькларыстаў.

Акрамя таго, праца з архіўнымі (гэта значыць першаснымі) фальклорнымі матэрыяламі стымулюе ў студэнтаў сістэматызацыю ведаў, фарміраванне лагічнай паслядоўнасці аналізу, а таксама ўменне аперыраваць спецыяльнай тэрміналогіяй і спасылацца на архіўныя і аўтарытэтныя навуковыя крыніцы. Гэта спрыяе развіццю практычных навыкаў працы з крыніцамі, вядзення дакументацыі, апрацоўкі матэрыялаў, усведамленню важнасці навуковай аргументацыі, а таксама спрыяе фарміраванню адказнасці і матывацыі да далейшых самастойных даследаванняў.

Не выклікае сумнення, што фальклор як вусная традыцыя ўяўляе сабой складаны культурны і лінгвістычны феномен, які патрабуе глыбокага разумення яго моўных структур, семантычных асаблівасцей і стылістычных прыёмаў. Пры гэтым асаблівае значэнне набывае вывучэнне не толькі вуснай традыцыі, але і пісьмовай фіксацыі саміх фальклорных тэкстаў. Так, у рамках правядзення фальклорнай практыкі на базе ВНЛБФ рэгіянальны фальклор выступае адначасова як прыклад спецыфічнага лакальнага культурнага кода і як аб'ект лінгвістычнага даследавання.

Рэгіянальны фальклор – гэта сканцэнтраваны моўны локус, што ўключае ў сябе архаізмы, рэгіяналізмы, словы і канструкцыі, якія страцілі літаратурнае ўжыванне або ўнікальныя фанетычныя і марфалагічныя асаблівасці. З улікам гэтага знаёмства з лакальнымі рэаліямі фальклорнай традыцыі выклікае неабходнасць фарміраваць у студэнтаў-практыкантаў спецыяльны алгарытм для інтэрпрэтацыі нестандартных, а часам і зусім незнаёмых моўных адзінак. Тым самым можна сцвярджаць, што знаёмства студэнтаў-філолагаў з дыялектнымі асаблівасцямі беларускага фальклору ўяўляе сабой не проста індывідуальнае акадэмічнае заданне, а канкрэтную навукова-практычную задачу, накіраваную на засваенне інтэгратыўных метадык, якія дазваляюць раскрываць глыбінныя ўзаемасувязі мовы, культуры і гісторыі таго ці іншага рэгіёна Беларусі.

Падкрэслім, што для правядзення якаснага даследавання неабходнымі з'яўляюцца навыкі працы з аўдыязапісамі, філалагічная транскрыпцыя, заўвагі і каментарыі падчас інтэрв'ю ў сітуацыйным маўленні, дзе сустракаюцца адмысловыя выпадкі фанетычных асаблівасцей і спецыфічных сінтаксічных канструкцый. Такім чынам знаёмства з рэгіянальным фальклорам Беларусі з'яўляецца сапраўдным філалагічным «выпрабаваннем» для студэнтаў, бо ім неабходна адаптаваць класічныя метады лінгвістычнага аналізу да пэўных фальклорных рэалій.

Падчас азнаямляльнай фальклорнай практыкі 2024–2025 навучальнага года на базе ВНЛБФ студэнты праходзілі стадыю транскрыпцыі і аналізу вусных фальклорных тэкстаў, запісаных у Пружанскім раёне Брэсцкай вобласці ў час фальклорных экспедыцый у 1968, 1970, 1972, 1978, 1983, 1986–1987, 1991, 1997 гг. Асаблівая ўвага надавалася ідэнтыфікацыі ў розных фальклорных жанрах заходне-беларускіх дыялектных маркераў – фанетычных, марфалагічных, лексічных і сінтаксічных асаблівасцей. У сваю чаргу, гэта дазволіла вызначыць іх спецыфіку ў залежнасці ад камунікатыўнай сітуацыі і жанрава-відавой прыналежнасці фальклорнай адзінкі.

Важна таксама адзначыць, што фальклорная практыка на базе ВНЛБФ спрыяе развіццю ў студэнтаў навыкаў крытычнай інтэрпрэтацыі не толькі тэкставага, але і паралінгвістычнага матэрыялу – інтанацыя, паўзы, эмацыянальная афарбоўка, тэмп маўлення і інш. Аналіз гэтых элементаў дазваляе глыбей зразумець асаблівасці камунікатыўных паводзін носьбітаў рэгіянальнай фальклорнай традыцыі, што з'яўляецца істотным для філалагічнага даследавання.

Такім чынам, комплексны падыход да вывучэння архіўных фальклорных запісаў спрыяе паглыбленню ў студэнтаў-філолагаў уяўлення аб дыялектнай спецыфіцы і пашырэнню разумення кантэксту функцыянавання фальклору ў пэўным сацыяльным асяроддзі.

Далейшае ўзбагачэнне прафесійнага інструментару філолага падчас правядзення фальклорнай практыкі дасягаецца за кошт інтэграцыі ведаў з сумежных гуманітарных дысцыплін – гісторыі, культуралогіі, псіхалогіі. Асабліва каштоўным з'яўляецца тое, што ў працэсе працы з архіўнымі матэрыяламі студэнты-практыканты вучацца бачыць фальклор як дынамічную з'яву, здольную трансфармавацца пад уплывам пэўных сацыяльных, гістарычных і культурных фактараў. Тым самым гэта садзейнічае актуалізацыі праблемы захавання і папулярызавання нацыянальнай культурнай спадчыны ў грамадстве.

Разам з тым сучасная фалькларыстычная навука актыўна асвойвае інавацыйныя метады, у прыватнасці лічбавую апрацоўку і сістэматызацыю фальклорных тэкстаў. Стварэнне электронных архіваў і баз даных становіцца неад'емнай і неабходнай часткай навукова-даследчай працы, забяспечваючы даступнасць і захаванасць культурных матэрыялаў, а таксама пашыраючы магчымасці для іх комплекснага лінгвакультурнага аналізу. Безумоўна, гэтыя фактары адкрываюць новыя гарызонты для філалагічных даследаванняў.

У якасці індывідуальнага задання студэнты-практыканты спецыяльнасцей «руская філалогія» і «славянская філалогія» ў 2024–2025 навучальным годзе ажыццяўлялі рэтраканверсію фальклорных тэкстаў вопісу Пружанскага раёна рэгіянальнага архіва Брэсцкай вобласці. Праца заключалася ва ўважлівым вывучэнні фальклорнага твора, расшыфроўцы рукапіснага тэксту і пераводзе інфармацыі ў электронны выгляд.

Кожная фольклорная картка змяшчала наступнае:

- запіс тэксту фольклорнай адзінкі;
- інфармацыю пра збіральніка, час і месца запісу;
- звесткі аб інфарманце, а таксама розныя каментарыі і пазнакі.

Заклучным этапам працы была праверка і верыфікацыя ўведзеных даных для мінімізацыі памылак.

Такім чынам, вывучэнне фольклору выходзіць далёка за межы традыцыйнага разумення яго як вуснай культурнай спадчыны народа. Ён становіцца ключавым аб'ектам разнастайных міждысцыплінарных даследаванняў, тым самым дазваляе інтэграваць атрыманыя веды ў сучасны адукацыйны кантэкст. А азнаямляльная фольклорная практыка не толькі дапаўняе тэарэтычныя філалагічныя дысцыпліны, але і выконвае важную выхаваўчую функцыю, фарміруе ў студэнтаў-практыкантаў пачуццё адказнасці за захаванне нацыянальнай культурнай ідэнтычнасці і развіццё айчынай філалогіі, стварае аснову і выступае «каталізатарам» матывацыі да самастойных даследаванняў, што спрыяе павышэнню якасці падрыхтоўкі высокакваліфікаваных спецыялістаў, гатовых да вырашэння комплексных задач у галіне гуманітарных ведаў.

Huang Zheng¹, Tang Lijia²

UDC: 378.6(511.31)

¹⁻²Shanghai Sipo Polytechnic, Shanghai, China

INNOVATION AND EFFECTIVENESS IN THE CULTIVATION MODEL OF SKILLED TALENTS – A CASE STUDY OF SHANGHAI SIPO POLYTECHNIC

Industry-education integration has become strategically vital for bridging educational systems and industrial demands during China's economic transformation. As demographic dividends diminish and technological innovations accelerate, conventional talent cultivation models prove inadequate in supplying the highly skilled workforce required by industrial upgrading. Consequently, the deep integration of vocational education and industry has emerged as a pivotal solution to structural employment challenges. This study examines industry-education integration in vocational education, analyzing persistent challenges in skilled talent cultivation and proposing innovative models and practices, substantiated through a case study of Shanghai Sipo Polytechnic.

Keywords: Skilled talents; Vocational education; Cultivation model; Innovation; Practice; Case Study.

For citation: Huang Zheng & Tang Lijia. Innovation and Effectiveness in the Cultivation Model of Skilled Talents – A Case Study of Shanghai Sipo Polytechnic. Sophia. 2025;2:60–70. English.

Хуан Чжэн¹, Тан Лицзя²¹⁻²Шанхайский профессионально-технический институт «Сипо», Шанхай, Китай

ИННОВАЦИИ И ЭФФЕКТИВНОСТЬ МОДЕЛИ ПОДГОТОВКИ КВАЛИФИЦИРОВАННЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ (на примере Шанхайского профессионально-технического института «Сипо»)

Интеграция образования и производства приобретает стратегически важное значение для соединения образовательных систем и потребностей промышленности в условиях экономической трансформации Китая. По мере сокращения демографических дивидендов и ускорения технологических инноваций традиционные модели подготовки кадров оказываются неспособными удовлетворить потребность в высококвалифицированных специалистах, необходимых для промышленной модернизации. Как следствие, глубокая интеграция профессионального образования и промышленности становится ключевым решением структурных проблем занятости. В данном исследовании анализируются проблемы интеграции образования и производства в системе профессионального образования, выявляются устойчивые вызовы в подготовке квалифицированных специалистов и предлагаются инновационные модели и практики (на примере кейс-стади опыта Шанхайского профессионально-технического института «Сипо»).

Ключевые слова: квалифицированные специалисты; профессиональное образование; модель подготовки; инновации; практика; кейс-стади.

Образец цитирования: Хуан Чжэн. Инновации и эффективность модели подготовки квалифицированных специалистов (на примере Шанхайского профессионально-технического института «Сипо») / Хуан Чжэн, Тан Лицзя // София: электрон. науч.-просветит. журн. – 2025. – № 2. – С. 60–70.

Authors:

¹ **Huang Zheng** – Doctor of Management, Professor, President of Shanghai Sipo Polytechnic.

hz@cczu.edu.cn

Авторы:

Хуан Чжэн – доктор управленческих наук, профессор, президент Шанхайского профессионально-технического института «Сипо».

² **Tang Lijia** – Director of the Human Resources Department at Shanghai Sipo Polytechnic.

tanglj@sicfl.edu.cn

Тан Лицзя – начальник отдела кадров Шанхайского профессионально-технического института «Сипо».

1. EMERGING CHALLENGES IN THE CULTIVATION MODEL FOR SKILLED TALENTS

1.1 STRUCTURAL DISCONNECT BETWEEN CONVENTIONAL PEDAGOGY AND INDUSTRY-EDUCATION INTEGRATION

1.1.1 THE DISPARITY BETWEEN OBSOLETE INSTRUCTIONAL MATERIALS AND RAPID TECHNOLOGICAL ADVANCEMENTS

The misalignment between outdated teaching resources and swiftly evolving industrial technologies has emerged as a critical constraint on educational quality and industrial development, particularly within engineering disciplines. Certain tertiary institutions continue to utilize computer science textbooks from the 1990s (e.g., FoxPro programming language), while contemporary technologies such as AI large-scale models and cloud computing constitute less than 5% of curricular content. Industrial practices have comprehensively transitioned to edge computing gateways, whereas standard textbooks like the 5th edition of Power System Automation still emphasize obsolete Remote Terminal Units (RTUs[1]).

The average revision cycle for academic textbooks extends to 5.3 years, contrasting sharply with the 1.8-year technological iteration cycle in advanced manufacturing. This temporal gap results in significant curricular lag relative to industrial practices. For instance, certain vocational institutions persist in using the 2018 edition of Mechanical Drawing textbooks that reference discontinued numerical control machine models.

Three fundamental constraints impede timely textbook updates:

- 1) Institutional inertia in administrative mechanisms – textbook revision procedures require 5–8 years, substantially exceeding the innovation cycles of power technologies (2.5 years) and artificial intelligence (1.2 years). The approval process for

AI-enhanced teaching systems involves 37 distinct administrative reviews, prolonging implementation to 18 months – threefold longer than corporate technology adoption cycles.

- 2) Epistemological discontinuity among faculty – 62 % of professorial efforts prioritize SCI-indexed publications, with fewer than 30 % engaging in industry-collaborative projects over the past quinquennium. Robotics instructors frequently demonstrate deficient operational proficiency with Robot Operating Systems (ROS) and TensorFlow frameworks.
- 3) Systemic distortions in evaluation metrics – academic promotion systems allocate 80 % of assessment weight to research publications, relegating teaching excellence to merely 12 %. This incentive structure perpetuates market inefficiencies wherein publishers prioritize legacy textbooks with pre-packaged pedagogical supplements over updated content.

1.1.2 INSTRUCTIONAL COMPETENCY DEFICITS AND SYSTEMIC EVALUATION FAILURES

Faculty members exhibit limited exposure to frontier technologies, with some persistently employing deprecated technical frameworks. The prevailing research assessment paradigm remains decoupled from industrial requirements, resulting in suboptimal technology transfer rates. Industry-oriented projects rarely receive formal recognition in academic promotion evaluations.

1.1.3 SUPERFICIAL UNIVERSITY-ENTERPRISE COLLABORATION: ASYMMETRIC ENGAGEMENT PATTERNS

Empirical data indicates 62 % of higher education institutions implement outdated practical training modules, with most industry-academy partnerships remaining confined to symbolic agreements. Finance majors, for example, frequently encounter practice-limited internships focused on peripheral tasks such as voucher documentation rather than core financial operations.

1.2 CORE IMPERATIVES FOR INDUSTRY-EDUCATION INTEGRATION IN MODERN INDUSTRIAL DEVELOPMENT

1.2.1 DEEPENING MULTIDIMENSIONAL UNIVERSITY-ENTERPRISE SYNERGY MECHANISMS

- 1) Cooperative institutional development – strengthen corporate governance in educational ecosystems through co-established industry academies and integrated training bases, facilitating vocational education dissemination to county-level regions. Systematically identify core industrial requirements (technological, product-oriented, and talent-driven) to implement targeted human capital development and technical assistance programs.
- 2) Collaborative talent cultivation – implement comprehensive reforms across five critical dimensions: program structure, curriculum design, pedagogical resources, faculty development, and experiential learning. Establish articulated pathways spanning secondary vocational, tertiary vocational, and undergraduate education to support continuous professional development[2].
- 3) Integrated employment and career development – develop dynamic program adjustment mechanisms synchronizing industrial evolution, academic offerings, and employment outcomes. Construct skills-based talent marketplaces enhancing graduate employability and regional talent retention.

1.2.2 CONSTRUCTING UNIFIED EDUCATION-INDUSTRY ECOSYSTEM FRAMEWORKS

- 1) Policy integration – embed industry-education integration within regional socioeconomic development blueprints, simultaneously optimizing educational resource allocation and industrial structure advancement.
- 2) Institutional innovation – establish operational metropolitan industry-education consortiums enabling cross-sectoral collaboration among government entities, industry associations, enterprises, and academic institutions. Develop transregional sectoral integration communities responsible for industry standard formulation and technological innovation hubs.
- 3) Infrastructure development – create open regional practice centers integrating pedagogical functions, production capabilities, and technical service provision.

1.2.3 OPTIMIZING TALENT SUPPLY-DEMAND ALIGNMENT

- 1) Reorient educational objectives toward application-oriented, interdisciplinary, and innovation-capable talent development to support novel productive forces.
- 2) Resolve structural imbalances between educational output and industrial demand through accelerated skills translation mechanisms.
- 3) Elevate vocational education's contribution to industrial upgrading, underpinning national strategic initiatives such as "Made in China 2025".

1.2.4 ACTIVATING MULTI-STAKEHOLDER COLLABORATIVE POTENTIAL

- 1) Corporate engagement – to drive technology research & development, process innovation, and workforce training initiatives to overcome innovation barriers.
- 2) Academic transformation – to accelerate research commercialization, enhance technological skill accumulation, and strengthen industry service capabilities.
- 3) Governance enhancement – to refine policy frameworks and incentive structures to prevent redundant development in industry-education integration projects.

2. INNOVATIVE PARADIGMS IN THE TALENT CULTIVATION MODEL THROUGH INDUSTRY-EDUCATION INTEGRATION

When a generational gap exists between vocational institutions' training equipment and industry needs, industry-education integration becomes not merely an educational issue but a core engine for industrial upgrading. The integration is undergoing a qualitative transformation from "equipment donation" to "joint standard development." Future breakthroughs are required in three key dimensions: policy sustainability (e. g., evolving tax incentives), digital integration (e. g., virtual simulation training), and international compatibility (e. g., mutual credit recognition), ultimately achieving synergistic interaction among the education chain, talent chain, and industry chain.

2.1 UNIVERSITY-ENTERPRISE COLLABORATION: CREATING NEW FRONTIERS IN VOCATIONAL EDUCATION

2.1.1 INTEGRATED LEARNING-DOING-INNOVATING TRAINING MECHANISM

Shaanxi Polytechnic Institute focuses on the intelligent transformation of equipment manufacturing and has established an Advanced Manufacturing Industry College in collaboration with leading enterprises. It innovated a talent training model for smart manufacturing craftsmen characterized by "industrial technology leadership and integration of learning, practicing, and innovation." This approach combines theoretical learning, practical

training, and innovative application through “building a foundation with knowledge acquisition, honing skills through case studies, and fostering innovation via real-world projects.”

2.1.2 FOUR CO-CONSTRUCTION AND FOUR INTEGRATION MECHANISM

Shaanxi Polytechnic Institute partnered with Beijing Jingdiao to build an Advanced Manufacturing Industry College, creating an enterprise-situated education platform mechanism based on “co-construction of platforms, resource sharing, personnel exchange, and mutual benefits.” This led to an operational mechanism featuring “team integration, technology integration, culture integration, and management integration.” The industry-education integration community establishes benefit-sharing mechanisms through a coordination committee to integrate multi-stakeholder needs, sets up special funds to subsidize cooperation projects, and develops talent exchange mechanisms to promote two-way interaction between schools and enterprises.

2.2 POLICY INCENTIVES: RESTRUCTURING MOTIVATION MECHANISMS

2.2.1 GPS NAVIGATION EFFECT OF THE WHITELIST SYSTEM

When a new energy vehicle enterprise refused interns from a vocational college, the principal discovered an unsettling reality in the workshop: the battery testing equipment students used had been phased out by the enterprise five years prior [3]. This epitomizes the most acute pain point in vocational education – the invisible barrier between the classroom and the workshop. The 2025 policy package of tax incentives and a whitelist system is breaking down this barrier.

University-enterprise cooperation has long suffered from unilateral enthusiasm from schools. A survey by a provincial education department showed that only 17 % of large enterprises made substantive investments in vocational education. The leverage effect of the 2025 policy toolkit is emerging: the tax credit ratio increased to 30 %, equivalent to saving enterprises ¥12,000 per apprentice trained; whitelisted enterprises in pilot provinces qualify for special loans with interest rates 50 % below market rates. A smart manufacturing group in Guangdong, after being whitelisted, received a ¥23 million reduction in land transfer fees for its jointly built “digital twin training base” with a vocational college.

This screening mechanism functions like a GPS for industry-education integration. Evaluation criteria in Zhejiang require enterprises to meet hard indicators such as “skilled positions exceeding 40 %” to qualify for benefits like land use reductions and low-interest loans. An enterprise in Shandong prioritized obtaining 15 mu of industrial land through its industry-education integration credentials, demonstrating how policy levers facilitate two-way resource flow between schools and enterprises.

2.2.2 CREDIT REVOLUTION: TRANSFER OF VALUE ASSESSMENT POWER

The “credit revolution” in vocational education restructures value from the classroom to the workshop. At Zhengzhou Railway Vocational & Technical College, students earning a “Smart High-Speed Rail Maintenance Engineer” certification can exchange it for 32 professional credits. This competency-based evaluation system breaks the monopoly of written exams. The “micro-certificate” system for biopharmaceuticals advocated by National Committee member Su Hua is more forward-looking: students earn modular credits by completing real enterprise projects, resembling “Lego blocks” in vocational education. In a jointly built bioreactor training lab, students conducting cell culture experiments directly contribute to optimizing the production process for a partner pharmaceutical company's monoclonal antibody drug.

2.3 DIGITAL EMPOWERMENT: RESHAPING TEACHING MODALITIES TO REPLICATE REAL PROFESSIONAL SCENES

2.3.1 DYNAMIC CURRICULUM DATA RESPONSE MECHANISM

The School of Electronic Information at Chongqing Institute of Engineering orientates its curriculum toward enterprise horizontal projects, dynamically updating course content in 5G communications and autonomous driving. Twenty-five percent of students directly participate in actual project development. The School of Business at Kunming Industrial & Commercial Vocational College integrates real-time commodity trade data and logistics status information from Yunnan Province into decrypted training classrooms, holding significant practical value [4].

2.3.2 CLOSED-LOOP DESIGN OF A THREE-DIMENSIONAL COMPETITION-TRAINING SYSTEM

Given the high costs of equipment updates in rapidly evolving tech industries and the challenges in skill education – sometimes lacking intuitiveness – constructing a practical chain of “basic cognition → simulation verification → real vehicle development” allows competition outcomes to feed back into teaching. Over three years, this approach has supplied over 100 technical core personnel to leading enterprises. This resonates with Suzhou Vocational College’s “Dual System International Class,” which embeds IHK certification standards. Virtual simulation training excels not only in traditional fields like civil aviation piloting and complex safety management but also in areas developing new quality productive forces. When new technologies emerge, virtual simulation breaks through the “price ceiling” and compresses the “time buffer”.

2.3.3 AI TECHNOLOGY TRIGGERS EXPONENTIAL ADJUSTMENTS IN VOCATIONAL EDUCATION

Vocational education is based on industry positions, and AI technology is profoundly reshaping the professional landscape, spawning emerging occupations while transforming traditional roles.

Emerging Occupations:

AI technology layer – AI Algorithm Engineers (designing and optimizing machine learning models for image recognition, NLP, etc.). AI Hardware Experts (surge in demand for GPU chip design, AI sensor R&D), Data Annotation and Governance Experts (shortage of over 500,000 high-quality data annotators for e-commerce scene labeling, product encyclopedia writing, etc.) [5].

Industry application layer – AI Trainers and Ethics Consultants (calibrating model values, preventing algorithmic bias). Prompt Engineers (optimizing AI-generated content through prompt design). Medical AI Engineers (developing intelligent diagnostic systems to improve primary care accuracy). Human-Machine Collaboration Roles (new occupations like autonomous driving safety officers, intelligent customer service trainers).

Transformation of Traditional Positions:

- 1) Skill Upgrade Demands – teachers transitioning to AI Curriculum Designers (developing personalized learning systems). HR professionals shifting to Talent Data Analysts (using AI to predict employee turnover risks).
- 2) Job Replacement Risks – repetitive positions like manufacturing assemblers and basic customer service face automation impacts. Roles in finance such as robot-advisors and risk assessment require mastery of AI tools.

2.4. LONG-TERM MECHANISMS: ECOSYSTEM DEVELOPMENT AND GLOBAL PERSPECTIVE

2.4.1 GOVERNMENT ROLE IN BUILDING

A BALANCED INDUSTRY-EDUCATION INTEGRATION ECOSYSTEM

Constructing a four-dimensional educational ecosystem (curriculum, knowledge, practice, evaluation) with deep enterprise involvement requires enhanced government support, strengthened supervision, and clear delineation of rights and responsibilities to avoid superficial cooperation.

- 1) *Decision-making coordination mechanism* – to establish industry-education integration coordination committees to integrate needs and resources from government, enterprises, schools, and industry associations, regularly discussing key issues like talent training plans, cooperation projects, and benefit distribution.
- 2) *Benefit compensation mechanism* – government establishes special funds to support early enterprise investments (e.g., teacher training, training base development), providing subsidies per standards. Vocational colleges yield benefits to enterprises through technology transfer and training services, forming a sustainable mutual benefit model.
- 3) *Talent mobility mechanism* – to build two-way interaction platforms, with government providing subsidies to ensure benefits and career development. Schools and enterprises customize tasks based on individual expertise, supported by evaluation systems to ensure practical effectiveness.
- 4) *Supply-demand matching mechanism* – government creates platforms publishing enterprise talent needs and school program information, enabling precise talent matching and addressing student employment.
- 5) *Curriculum development mechanism* – government supports joint course and textbook development, integrating industry standards into vocational education standards. Through directed training and joint research, ensure teaching content aligns seamlessly with job requirements.

2.4.2 INTERNATIONALIZING VOCATIONAL EDUCATION INDUSTRY-EDUCATION INTEGRATION

- 1) *Localized implementation of the German Dual System* – it consists from two essential aspects. Firstly, it was necessary to realize curriculum and textbook localization. Restructure courses into modular learning fields; e.g., Baoding Technician College introduced German mechatronics standards, developing localized loose-leaf textbooks updated with enterprise technological advances. Enhanced Practical Training: Increase practical courses to two-thirds, reduce theory to one-third. Deep Enterprise Involvement: Students spend two-thirds of time in enterprise internships with monthly stipends (e. g., up to €2500-3000 for baker trainees). Secondly, it was necessary to make International Certificate Alignment. As a result, we introduced German IHK vocational certificates; e.g., Baoding students can obtain German-recognized qualifications. Teacher Capacity Building: Select and train teachers for practical skill updates; adopt action-oriented teaching with enterprise-developed cases. And finally, Quality Assessment System was implemented. Which was realized in establishing localized standards with dynamic monitoring and dual management by schools and enterprises for industry-aligned training.

- 2) Leveraging the China-Belarus vocational education industry-education integration community platform – this international organization, co-established by vocational institutions from China and Belarus, was launched at Inner Mongolia Technical College of Construction. Founding members include Inner Mongolia Technical College of Construction, Ordos Ecological Environment Vocational College, and the Belarusian Republican Institute of Vocational Education. The community aims to build an international cooperation platform for vocational education, promoting resource integration in areas like joint development of occupational standards, participation in WorldSkills competitions, and construction of “Chinese + Skills” bases. Ordos Ecological Environment Vocational College serves as the chair unit, with Chinese institutions like Inner Mongolia Technical College of Construction participating. The community is positioned as a model for international exchange and cooperation in vocational education.

3. REPRESENTATIVE CASES OF INDUSTRY-EDUCATION INTEGRATION AT SHANGHAI SIPO POLYTECHNIC

3.1 COMPREHENSIVE INDUSTRIAL INVESTMENT MODEL WITH CHINA STATE CONSTRUCTION EIGHTH ENGINEERING BUREAU (CSCEC8)

In 2023, Shanghai Sipo Polytechnic collaborated with CSCEC8 Technology Construction Co., Ltd. to establish an “Industrial Field Engineer Training Base.” This partnership created a practical training base network that integrates “industry, education, research, innovation, competition, and certification” into a cohesive educational ecosystem.

The institution provided the venue at no cost, while CSCEC8 invested nearly 30 million RMB to develop an intelligent construction training base spanning over 10,000 square meters (4,000+m² indoor; 6,000+m² outdoor). The base demonstrates intelligent functionality, multi-purpose application, and upgrade ability. It focuses on key technologies including construction robotics, intelligent construction equipment, and smart construction site management, addressing the construction industry’s transition toward prefabrication, assembly, and intelligent transformation. The facility provides adaptable training scenarios for various construction techniques while allowing for future expansion alongside advancements in intelligent construction and IoT technologies. It serves both technological innovation promotion and ideological education functions encompassing corporate culture, craftsmanship spirit, and model worker recognition.

3.2 COMPREHENSIVE TALENT DEVELOPMENT MODEL WITH LI AUTO

In 2022, Shanghai Sipo Polytechnic established a deep partnership with Li Auto, a leading domestic new energy vehicle manufacturer, creating China’s first and Shanghai’s exclusive Li Auto Industry College. Through exploring a “dual-subject, whole-process, systematic” industry-education integration mechanism, the collaboration has advanced from “order-based classes” to “training bases” and from “position alignment” to “cultural co-cultivation,” effectively addressing the disconnection between professional development and industrial needs while resolving the mismatch between talent supply and position requirements. This has formed a replicable “Sipo Model”.

To ensure effective implementation and quality enhancement, both parties innovated an comprehensive operational mechanism featuring “two co-developments, two cultivation approaches, and two planning dimensions”.

3.2.1 CO-DEVELOPMENT OF FACILITIES AND CURRICULUM

Utilizing existing campus resources, Li Auto donated seven new training vehicles and complete testing equipment valued over 3 million RMB, co-establishing a 1,300 m² Li Auto Training Center. The center aligns with actual enterprise environments through integrated “production-education-research-competition-service” standards, creating a high-level digital training platform.

Regarding curriculum development, the institution and enterprise jointly designed a new course system and syllabus, developing specialized courses including “Li Auto Power Battery Technology.” This facilitated curriculum restructuring from “position tasks to occupational standards,” with simultaneous textbook reform toward “project-based, loose-leaf, task-driven” formats.

3.2.2 JOINT CULTIVATION OF FACULTY AND STUDENTS

For faculty development, the institution dispatched core instructors to Li Auto’s Changzhou production base for “dual-qualified” training. All teachers must obtain enterprise skill certification before teaching. Meanwhile, the company assigned six engineers as part-time instructors, forming a “dual-mentor team” with six full-time institutional teachers to integrate teaching and practical training.

For student development, the Li Auto “Order Class” implemented a “quasi-employee” management system incorporating corporate culture, standardized service procedures, and technical practical assessments. The company conducts monthly examinations, skill inspections, and on-site evaluations, achieving closed-loop “teaching-learning-practice-assessment” management that ensures precise alignment with enterprise requirements.

3.2.3 DUAL-PATH PLANNING FOR CAREER AND INSTITUTIONAL DEVELOPMENT

The enterprise established clear career progression pathways for order class students, ranging from maintenance specialists to store managers and regional general managers, creating transparent and achievable growth trajectories. Incentives include internship opportunities, skill competition bonuses, and employment priority upon graduation.

Based on collaboration outcomes, both parties dynamically optimize program offerings and enrollment plans. The 2026 order class expanded from 25 to 50 students. Notably, the institution's president serves as class advisor, making it China’s only institution where the president directly advises a “Sail Plan” order class. The partnership has developed a talent selection mechanism of “position creation based on demand and excellence selection,” receiving dual recognition from the Ministry of Education’s “Directed Talent Training Project” and “Internship Base Project,” marking a new institutionalized and systematic phase in industry-education collaborative education.

3.3 COMPREHENSIVE TEACHING INTEGRATION MODEL IN THE NURSING PROGRAM

3.3.1 ESTABLISHING A “INDUSTRY-EDUCATION INTEGRATION AND COLLABORATIVE EDUCATION” TALENT DEVELOPMENT MODEL

Industry-institution cooperation serves as a crucial pathway for achieving industry-education integration. The program actively engages in deep collaboration with healthcare institutions to jointly develop talent development plans, co-establish internship training bases, and create specialized courses, ensuring seamless connection between professional education and clinical practice. Since the 2013 order class agreement with Ruijin Hospital Affiliated to Shanghai Jiao Tong University School of Medicine, 30 nursing students have been admitted

annually. The hospital implements dedicated management through a “hiring and instruction” mechanism that strictly controls clinical instructor qualifications. The “one-on-one” mentoring model enables comprehensive understanding of position responsibilities from the internship’s commencement, reflecting Ruijin Hospital’s “individualized student approach” that enhances instructor-student relevance and ensures “supervised autonomy” throughout the training process. Over 200 graduates have been retained.

3.3.2 OPTIMIZED CURRICULUM SYSTEM WITH EMPHASIS ON PRACTICAL TEACHING

The industry-education integrated nursing curriculum closely aligns with industry needs and professional characteristics. Employment-oriented and competency-based, the re-structured curriculum emphasizes practical teaching through courses like “Introduction to International Nursing Humanities,” “Innovation Ability Cultivation for Medical Students,” and “Multiculturalism and Nursing,” alongside specialized courses such as “Nursing Informatics” and “Medical Big Data and Artificial Intelligence” that address position requirements. Combining theory with practice, online with offline learning, and employing case-based teaching, scenario simulation, and role-playing enhances students' practical abilities through multiple approaches. Students obtain relevant vocational skill certifications and demonstrate job readiness upon graduation.

3.3.3 STRENGTHENING THE “DUAL-QUALIFIED” TEACHING FACULTY

The program invites industry experts as part-time instructors, building a high-level “dual-qualified” faculty team with strong ethics, medical-educational integration, and alignment with nursing professional development. Regular teaching competitions, salons, and other platforms facilitate instructor exchanges, encouraging engagement in teaching reform and educational research to advance vocational nursing education. The establishment of a Shanghai municipal industry master studio (headed by Zhu Weiyi, Nursing Director at Ruijin Hospital) and an institutional-level international nursing master studio (headed by the Dean of Tampere University School of Nursing) introduces clinical practical experience into classrooms through workshops and training camps, enriching teaching content while enhancing research and innovation capabilities to continuously improve talent development quality.

4. CONCLUSION

4.1 INNOVATION AND PRACTICE IN SKILLED TALENT DEVELOPMENT MODELS REQUIRE ENHANCED POLICY SUPPORT. CURRENT NATIONAL INITIATIVES INCLUDE:

“Skills Illuminate the Future” Training Initiative (2025–2027): Focusing on key sectors including healthcare and advanced manufacturing, implementing an integrated project-based training model combining “position requirements + skill training + skill evaluation + employment services” (MHRSS and MOF Notice No. 10 [2025]). High-Skilled Leadership Talent Development Plan: Aiming to cultivate over 15,000 new leading talents nationally within three years, driving the addition of approximately 5 million high-skilled personnel (MHRSS and Six Departments Notice No. 29 [2024]).

4.2 INNOVATION AND PRACTICE IN SKILLED TALENT DEVELOPMENT MODELS NECESSITATE SCIENTIFIC EFFECTIVENESS EVALUATION.

Evaluation Dimensions:

- 1) Participant reaction assessment – using questionnaires or observation to evaluate course usefulness, materials, instructor quality, management issues, and facilities.

- 2) Learning outcomes assessment – employing closed-book exams, questionnaires, and practical operations to assess content mastery.
- 3) Behavioral performance assessment – through on-site observation and follow-up questionnaires evaluating sustained workplace application of knowledge/skills, typically conducted 3–12 months post-training.

Evaluation Practices:

- 1) Order-based training model evaluation – systematic framework covering industry demand analysis, model value assessment, and domestic-international comparisons throughout the talent development process.
- 2) Vocational undergraduate learning outcomes evaluation – for example, a mechanical manufacturing engineering program identified students' strong practical skills but theoretical deficiencies, leading to adjusted teaching strategies and significant improvement.
- 3) Industry-education integration policy evaluation – assessment framework including policy implementation progress, model innovation, support systems, and existing issues, with regular performance reporting.

4.3 INNOVATION AND PRACTICE IN SKILLED TALENT DEVELOPMENT MODELS MUST CONTINUOUSLY ADAPT TO TECHNOLOGICAL, ECONOMIC, AND SOCIAL DEVELOPMENTS.

Digital Transformation: Developing smart campuses using VR/AR technologies for immersive learning environments and creating online learning platforms for personalized needs. Regional Collaborative Development: Enhancing resource sharing, cooperative education, and faculty exchanges among eastern, central, and western regions to reduce regional disparities. International Expansion: For instance, Beijing's plan to establish vocational universities overseas promotes vocational education's "going global" strategy.

Founding:

This study is supported by Shanghai Private Education Development Foundation.

REFERENCES

1. Wang, Y., Zhang, J., & Zhang, S. (2025). Generative AI technology empowers the construction of digital textbooks: Scenario depiction, hidden concerns, and pathway exploration. *China Adult Education*, (09), 49–56.
2. Ma, J., Yang, S., & Huang, D. (2025). Research on the pathway of synergistic development between vocational colleges and regional industries. *Journal of Guangxi College of Education*, 40(5), 1–9. <https://doi.org/10.20208/j.cnki.1006-9410.2025.05.001>.
3. He, R., & Wu, Q. (2025). Research on the talent cultivation model of "school-enterprise-government-institute collaboration and industry-education-research integration": A case study of the crop production technology program at Cangxi Vocational High School in Sichuan Province. *Western China Quality Education*, 11 (17), 67–71+82. <https://doi.org/10.16681/j.cnki.wcqe.202517015>.
4. Guo, L., Zhang, W., & Liu, L. (2023). Exploration and practice of a synergistic innovation talent cultivation model for emerging engineering education based on SWOT analysis. *Theory and Practice of Innovation and Entrepreneurship*, 6(11), 131–134.
5. Zhang Q, Xu L, Huang J, et al. Distributed satellite information networks: architecture, enabling technologies, and trends[J/OL]. *Science China(Information Sciences)*:1-73[2025-09-09].<http://kns.cnki.net/kcms/detail/11.5847.TP.20250825.0928.002.html>.

Wang Hui

UDC: 378.091.12.041:002:004

Shanghai Sipo Polytechnic, Shanghai, China

RESEARCH ON THE CONSTRUCTION OF DIGITAL COMPETENCE MODEL FOR COLLEGE TEACHERS IN THE NEW ERA

This study constructs a digital competence model for university teachers comprising three dimensions (knowledge, skills, and attitudes) and 23 characteristic elements, based on Spante M's framework and validated through behavioral event interviews and questionnaires. The research provides theoretical and practical guidance for enhancing teachers' digital competence and promoting the digital transformation of higher education.

Keywords: Digital Competence Model; College Teachers; Competence Construction; Educational Transformation.

For citation: Wang Hui. Research on the Construction of Digital Competence Model for College Teachers in the New Era. Sophia. 2025;2:71–81. English.

Ван Хуэй

Шанхайский политехнический колледж СИПО, Шанхай, Китай

НАУЧНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПО ПОСТРОЕНИЮ МОДЕЛИ ЦИФРОВОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ КОЛЛЕДЖЕЙ В НОВУЮ ЭПОХУ

В данном исследовании разрабатывается модель цифровой компетенции преподавателей колледжей, включающая три измерения (знания, навыки и установки) и 23 характерных элемента, основанных на концепции Spante M, с валидизацией через интервью (о поведенческих событиях) и анкетирование. Исследование представляет теоретические и практические ориентиры для развития цифровых компетенций преподавателей и содействия цифровой трансформации высшего образования.

Ключевые слова: модель цифровой компетенции; преподаватели колледжей; формирование компетенций; образовательная трансформация

Образец цитирования: Ван Хуэй. Научное исследование по построению модели цифровой компетентности преподавателей колледжей в новую эпоху / Ван Хуэй // София: электрон. науч.-просветит. журн. – 2025. – № 2. – С. 71–81.

Author:

Wang Hui – Associate Professor, Research Direction: Vocational Education, Ph.D. Candidate at BSU.
wanghui@iseu.by

Автор:

Ван Хуэй – доцент, направление исследований: профессиональное образование, аспирант БГУ.

In the digital era, the rapid advancement of technology has heightened the demand for individuals' digital competence across all sectors, including education. The integration of digital tools – such as AI, VR, and big data – is transforming traditional teaching methods, enabling more personalized, immersive, and accessible learning experiences. This shift requires college teachers to not only master digital skills but also cultivate students' critical and applied abilities in technology.

As digital literacy becomes essential for educators, the level of instructors' digital proficiency directly impacts students' technological readiness and future development. Therefore, building a digital competence model for college teachers is crucial to enhancing the quality and effectiveness of technology education. This study uses behavioral interviews, surveys, and data analysis to construct such a model.

1. CONCEPT AND RESEARCH OF DIGITAL COMPETENCE

1.1 COMPETENCE AND TEACHERS' DIGITAL COMPETENCE

The definition and concept of competence were first put forward by David McClelland in 1973. He defined competence as the abilities and skills that an individual should have to complete a certain type of work or task, mainly including key elements such as knowledge, skills, motivation and traits [1]. Regarding the competence model, Professor David McClelland proposed the iceberg model, which divides competence into two categories: surface characteristics and core characteristics. He believes that the traits under the iceberg are not easy to detect and measure, but they actually play a core role. On the basis of the iceberg model, Richard Boyatzis proposed the onion model in 1982 [2], which follows the main idea of the iceberg model. According to the difficulty of cultivation, competence is divided into three layers: surface knowledge and skills, middle-layer values, self-concept, attitude and social role, and inner-layer motivation and traits (Figure 1).

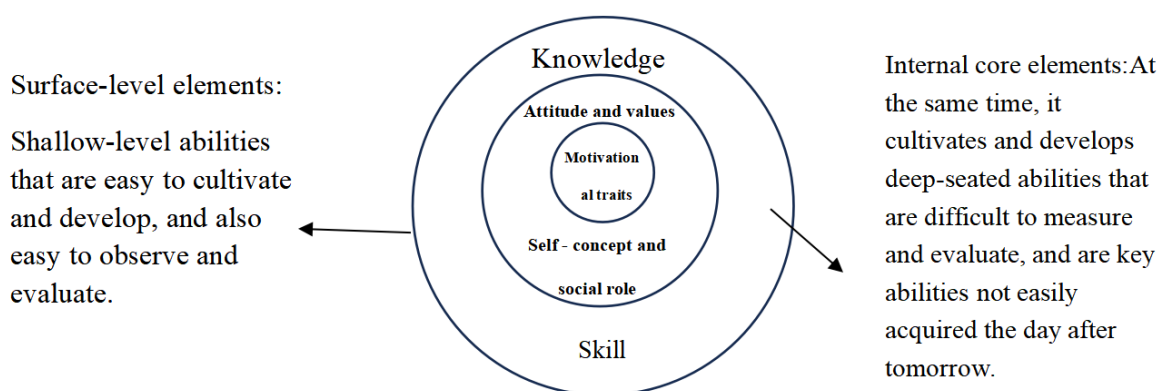

Figure 1. The Onion Model

- surface elements: Knowledge, Skills (Shallow-level abilities that are cultivate and develop, and also easy to observe and evaluate)
- Inner Core Elements: Values, Self-concept, Attitude, Social Role, Motivation, Traits (Deep-level abilities that are difficult to cultivate and develop, and at the same time difficult to measure and evaluate, which are key abilities not easy to acquire the day after tomorrow)

Teachers' competence is the extension of the competence concept in the field of education. Dineke E.H proposed that teachers' competence is the educational and teaching ability that should be possessed according to the needs of the teaching environment, including knowledge, skills, personality traits and methods and techniques used in teaching [3]. In 2018, Spante M put forward the concept of teachers' digital competence, believing that teachers' digital competence is the comprehensive ability of educational teaching related to digital technology, including three aspects: knowledge, skills and attitude related to digital technology [4]. The European Union Teachers' Digital Competence Model was released in 2017 [5], which is a very important milestone, marking the official release of the digital competence model for teachers. Many scholars have carried out theoretical research and experimental verification based on this model, so a large number of research literatures have been produced one after another, focusing on the framework and model of competence, and defining the framework and constituent elements of competence.

1.2 RESEARCH ON TEACHERS' DIGITAL COMPETENCE

With the great progress and wide application of digital technology, a large number of studies on teachers' competence have been carried out in recent years, mainly focusing on three aspects: the definition of the concept of teachers' digital competence, model construction and application research. In 2017, the Norwegian Teachers' Professional Digital Competence Model was officially proposed [6]. Different from the European Union's Teachers' Digital Competence Model, this framework divides competence into 7 levels, and each level is stipulated from three aspects: knowledge, skills and ability, which is an improvement in operation and practice. UNESCO released an operation framework with 6 levels for teachers' information and communication technology capabilities [7]. At the same time, Spain, located in Europe, also released a teachers' digital competence model, which is divided into 5 dimensions, and the proposers also provided guidance for the gradual advancement of the model. Relevant research has also been carried out and promoted in China [8]. In 2020, after investigating the teaching environment of rural primary school teachers, Zhou Xin proposed a corresponding teachers' competence model, which is divided into four types of constituent elements: knowledge, concept, skills and character [9]. In 2022, scholars such as Li Jun conducted research and analysis on the Spanish Teachers' Digital Competence Model [10]. In 2022, scholars such as Li Wenyan constructed an online teaching competence model for primary and secondary school teachers, which consists of two aspects: general ability and professional ability [11].

2. CONSTRUCTION OF DIGITAL COMPETENCE MODEL FOR COLLEGE TEACHERS

2.1 RESEARCH METHODS AND PROCESSES

Based on Spante M's classification, this study categorizes teachers' digital competence into three dimensions: knowledge, skills, and attitudes. A digital competence model for college teachers was constructed through behavioral event interviews, questionnaires, and data analysis, with further validation of characteristic elements.

2.1.1 BEHAVIORAL EVENT INTERVIEW METHOD

The behavioral event interview method, developed by David McClelland, integrates critical incident and thematic apperception test approaches. Interviewees were guided to describe 2–3 positive and negative real-life events related to digital teaching, followed by

discussions on their perceptions and reflections. Key traits were extracted from the narratives to construct the competence model.

Key steps of empirical study included:

- 1) Participant selection – 15 college teachers (9 professional, 6 administrative).
- 2) Interview design – structured around 3 successful and 3 unsuccessful digital teaching events, along with open-ended questions on essential digital skills.
- 3) Interview implementation – individual interviews were conducted, recorded, and transcribed for analysis.
- 4) Text analysis – content analysis and thematic analysis were applied to identify and quantify keywords related to digital competence.
- 5) Statistical processing – competence elements were quantified by frequency and average score.
- 6) Model formation – digital competence model was established based on extracted elements.

2.1.2 QUESTIONNAIRE SURVEY METHOD

A Likert-scale questionnaire was designed based on interview results, with each item corresponding to a competence element. It was distributed to 120 college teachers via an online platform. Responses were analyzed to calculate score rates, validating the recognition of each element.

2.2 ANALYSIS OF RESEARCH RESULTS

Frequency analysis of interview data identified the most prominent elements: knowledge of digital technology-related disciplines, cutting-edge technology, education and teaching, and ability to stimulate interest. The least frequent were mental health, maintaining fairness, and affinity.

The proportion of the mentioned frequency was obtained by dividing the mentioned frequency by the number of people. Both professional teachers and administrative teachers believe that the three characteristic elements of knowledge of digital technology-related disciplines, knowledge of cutting-edge science and knowledge of education and teaching are the most important. The biggest differences between the two groups are in knowledge of industry English, teaching ability of digital technology and organizational ability. Relatively speaking, administrative teachers are more inclined to think that the practical knowledge of digital skills is important.

Based on the above research results, a questionnaire was made based on the 25 identified characteristic elements. Using a questionnaire applet, the questionnaire was distributed to 103 college teachers from 3 colleges and universities in Shanghai. The respondents were asked to evaluate and screen these 25 elements to conduct further research on the digital competence level of college teachers. By the end of the survey period, a total of 100 valid questionnaires were collected, with an effective recovery rate of 97.09 %.

The collected questionnaire information was counted, and the mean value and standard deviation of these 25 characteristic elements were calculated with the help of SPSS software. The importance score rate was calculated according to the following formula:

Importance Score Rate = $[(1 * \text{Number of Option A} / \text{Total Number of Questionnaire Responses}) + (2 * \text{Number of Option B} / \text{Total Number of Questionnaire Responses}) + (3 * \text{Number of Option C} / \text{Total Number of Questionnaire Responses}) + (4 * \text{Number of Option D} / \text{Total Number of Questionnaire Responses})]$

Option D / Total Number of Questionnaire Responses) + (5 * Number of Option E / Total Number of Questionnaire Responses)] / 5 * 100 %.

When the score rate is greater than 0.9, we can believe that the surveyed group has a high recognition of the characteristic element; if the score rate is lower than 0.8, it indicates that the surveyed group thinks these characteristic elements have low importance.

According to the survey results in Table 2, there are 7 elements with an importance score rate higher than 0.9, which are knowledge of digital technology-related disciplines, knowledge of cutting - edge technology, knowledge of application of digital technology tools/software, practical experience of digital skills, teaching ability of digital technology, research ability of cutting-edge technology, and ability to stimulate interest and attract attention. Therefore, it can be considered that the surveyed subjects believe that these 7 competence elements are the core elements of the competence model and have important significance. There are also 2 elements with an importance score rate lower than 0.8, which are organizational ability and mental health. Relatively speaking, these 2 elements are not closely related to digital competence, and the surveyed group thinks these 2 elements are not very important. Therefore, based on the analysis results, these 2 elements were removed from the competence model, and a total of 23 competence elements were obtained.

Table 1 Frequency Analysis Results of Event Interviews

<i>Category</i>	<i>Competence Elements</i>	<i>Frequency Mentioned by Professional Teachers</i>	<i>Frequency Mentioned by Administrative Teachers</i>	<i>Total Frequency</i>
Knowledge	Knowledge of digital technology-related disciplines	9	6	15
	Knowledge of cutting-edge technology	9	6	15
	Knowledge of application of digital technology tools/software	8	4	12
	Knowledge of education and teaching	9	6	15
	Practical experience of digital skills	6	5	11
	Knowledge of industry English	6	2	8

Skills	Teaching ability of digital technology	9	4	13
	Organizational ability	7	3	10
	Self-directed learning ability	7	4	11
	Team management ability	5	4	9
	Expressive and communication ability	8	5	13
	Research ability of cutting-edge technology	8	5	13
	Innovation ability	6	3	9
	Practical ability	7	4	11
	Independent thinking ability	6	3	9
Attitude	Critical thinking	6	3	9
	Professional ethics and code of conduct	6	4	10
	Love and advocacy for digital technology	7	5	12
	Serious and responsible attitude towards teaching	9	4	13
	Ability to stimulate interest and attract attention	9	5	14
	Caring for students	6	3	9
	Mental health	3	3	6
	Affinity	5	2	7
	Maintaining fairness and justice	3	3	6
	Cooperation and collaboration	6	4	10

After the questionnaire survey and data analysis, a model with 3 categories and 23 characteristic elements was obtained, thus completing the identification of characteristic factors and the construction of the digital competence model for college teachers. The final structure of the model is shown in the following figure.

- Knowledge Category – knowledge of digital technology-related disciplines, knowledge of cutting-edge technology, knowledge of application of digital technology tools/software, knowledge of education and teaching, practical experience of digital skills, knowledge of industry English
- Skills Category – teaching ability of digital technology, self-directed learning ability, team management ability, expressive and communication ability, research ability of cutting-edge technology, innovation ability, practical ability, independent thinking ability
- Attitude Category – critical thinking, professional ethics and code of conduct, love and advocacy for digital technology, serious and responsible attitude towards teaching, ability to stimulate interest and attract attention, caring for students, affinity, maintaining fairness and justice, cooperation and collaboration.

3. SUGGESTIONS FOR IMPROVING THE DIGITAL COMPETENCE OF COLLEGE TEACHERS

After the proposal of the digital competence model for college teachers, it is necessary to strengthen the verification and analysis of the model and pay attention to the application and practice of the model [12]. Therefore, combined with the structure and content of the model, the following suggestions are put forward for improving the digital competence level of college teachers.

3.1 POLICY AND INSTITUTIONAL SUPPORT

Enhancing the digital competence of college teachers requires systematic policy and institutional support. Education authorities should formulate and adjust policies in line with digital trends and industry demands, providing a supportive framework for teacher development. Key measures include:

- allocating software and hardware resources to foster a digital-friendly environment;
- establishing an evaluation system aligned with the digital competence model to incentivize teacher participation in training;
- encouraging university-industry collaboration and innovative mechanisms such as “Internet + Education”;
- promoting digital technology competitions and activities to broaden training channels.

3.2 DEVELOPMENT OF DIGITAL COMPETENCE STANDARDS

The rapid advancement of technologies such as AI and big data has reshaped educational requirements. While international research on digital competence standards is well-established, China has yet to develop a unified framework. Top-level design is urgently needed to define the core components, evaluation mechanisms, and training systems of teachers' digital competence. Standards should distinguish between traditional and digital-era literacy needs to enhance practical teaching effectiveness.

3.3 CONSTRUCTION OF A TRAINING SYSTEM

A comprehensive training system for digital competence should be established, incorporating teacher needs assessment, resource platforms, developmental programs, and technical

training. Emphasis should be placed on providing hands-on guidance in real teaching contexts to improve technical application skills. Teachers should also adopt a lifelong learning mindset to keep pace with digital evolution.

Table 2 Analysis of the Importance of Competence Elements

<i>Category</i>	<i>Competence Elements</i>	<i>Mean Value</i>	<i>Standard Deviation</i>	<i>Importance Score Rate</i>
Knowledge	Knowledge of digital technology-related disciplines	4.76	0.429	0.952
	Knowledge of cutting - edge technology	4.68	0.618	0.936
	Knowledge of application of digital technology tools/software	4.67	0.551	0.934
	Knowledge of education and teaching	4.41	0.975	0.882
	Practical experience of digital skills	4.66	0.555	0.932
	Knowledge of industry English	4.36	0.980	0.872
Skills	Teaching ability of digital technology	4.64	0.759	0.928
	Organizational ability	3.71	1.266	0.742
	Self-directed learning ability	4.36	1.142	0.872
	Team management ability	4.40	0.943	0.880
	Expressive and communication ability	4.42	1.065	0.884
	Research ability of cutting - edge technology	4.78	0.504	0.956
	Innovation ability	4.07	1.465	0.814
	Practical ability	4.49	1.078	0.898
	Independent thinking ability	4.38	0.896	0.876

Attitude	Critical thinking	4.49	0.659	0.898
	Professional ethics and code of conduct	4.33	0.943	0.866
	Love and advocacy for digital technology	4.26	1.116	0.852
	Serious and responsible attitude towards teaching	4.29	0.935	0.858
	Ability to stimulate interest and attract attention	4.61	0.737	0.922
	Caring for students	4.41	0.753	0.822
	Mental health	3.74	1.474	0.748
	Affinity	4.14	1.198	0.828
	Maintaining fairness and justice	4.30	1.124	0.860
	Cooperation and collaboration	4.27	1.171	0.854

3.4 ENHANCING UNIVERSITY-INDUSTRY COLLABORATION

University-industry partnerships offer valuable practical opportunities for teachers to engage with cutting-edge technologies and real-world applications. Such collaborations facilitate knowledge exchange, research support, and the transformation of academic outcomes into productivity. Joint resource platforms can further encourage curricular and pedagogical innovation.

3.5 FINANCIAL SUPPORT AND SECURITY

Adequate funding is essential for teachers' digital literacy training. Education institutions should increase financial input and optimize resource allocation to ensure balanced and equitable support for professional development.

3.6 BUILDING A DIGITAL TRAINING CURRICULUM

Higher education institutions should prioritize digital literacy training and develop a structured curriculum system tailored to teachers of different disciplines and backgrounds. Multilevel and diverse digital resource centers should be established to support extensive teaching and learning needs.

3.7 ESTABLISHING A PROFESSIONAL TEAM

Strengthening the construction of a specialized management and expert team is critical for implementing digital competence initiatives. A sound evaluation mechanism should also be introduced to assess training effectiveness.

4. CONCLUSIONS AND RECOMMENDATIONS

In the context of rapid technological advancement, digital integration has become a pivotal driver of innovation and reform in higher education. The pervasive use of intelligent and digital tools necessitates that college teachers acquire corresponding technical and instructional competencies to adapt to these changes.

Enhancing digital competence is not only essential for the professional development of individual educators but also critical to improving the overall quality of higher education. It significantly strengthens both teaching and research capabilities, thereby boosting the efficacy of the educational system. This study aims to construct and analyze a digital competence model tailored to college teachers in the new era.

Through a review of existing digital competence concepts and models, and employing behavioral event interviews with 15 teachers, this study identified 25 key digital skill elements. A follow-up questionnaire survey validated these elements, leading to the removal of two low-importance factors. The resulting model comprises 23 validated elements categorized into three dimensions: knowledge related to digital technology, skills in using digital technology, and attitudes toward education and teaching.

Furthermore, this study proposes targeted recommendations to systematically enhance the digital competence of college teachers. As educational digitalization accelerates, continuous learning and institutional support are imperative to empower teachers to leverage educational technology effectively, innovate teaching practices, and contribute to high-quality, inclusive higher education. Such efforts will provide vital intellectual support for the digital transformation of education and broader societal development, fostering sustained scientific and technological progress.

Founding:

The work is supported by 2025 Shanghai Education Science Research Project [grant numbers [C2025269].

REFERENCES

1. *McClelland D C*. Testing for competence rather than for intelligence[J]. *The American psychologist*, 1973, 28 (1): 1–14.
2. *Boyatzis, Richard*. The competent manager: A model for effective performance [J]. *Long Range Planning*, 1983, 16(4): 110–308.
3. *Tigelaar D E H, Dolmans D H J M, Wolfhagen I H A P, et al*. The development and validation of a framework for teaching competencies in higher education[J]. *Higher education*, 2004, 48: 253–268.
4. *Maria Spante, Sylvana Sofkova Hashemi, Mona Lundin, Anne Algers, Shuyan Wang*. Digital competence and digital literacy in higher education research: Systematic review of concept use[J]. *Cogent Education*, 2018, 5 (1).
5. *Redecker C*. European framework for the digital competence of educators[EB/OL]. (2017 - 11 - 30) [2023 - 04 - 01]. <https://ec.europa.eu/jrc/en/digcompedu>.
6. *Zheng Xudong, Ma Yunfei, Yue Tingyan*. Continuously Promoting Teachers' Professional Development in the Digital Age - An Investigation Based on the Norwegian Framework for Teachers' Professional Digital Competence[J]. *Journal of Comparative Education*, 2021 (01): 139–150.
7. UNESCO. UNESCO ICT Competency Framework for Teachers[EB/OL]. (2017 - 08 - 22)[2023 - 03 - 31]. <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000265721?posInSet=1&queryId=babba9b1-5204-4ac1-b029-0af0642686e6>.
8. Common Digital Competence Framework For Teachers[EB/OL]. (2017 - 10 - 24)[2023 - 04 - 01]. <https://intef.es/Noticias/common-digital-competence-framework-for-teachers/>.

9. *Zhou Xin*. Research on the Competence Model of Rural Primary School Teachers [D]. Jingzhou: Yangtze University, 2020.
10. *Li Jun, Geng Junhua*. Improving Digital Teaching Ability: The Core Issue of Teachers' Professional Development - An Investigation Based on the Spanish Framework for Teachers' General Digital Competence [J]. Journal of Higher Continuing Education, 2022, 35 (03): 27–36.
11. *Li Wenyan, Wang Qian, Li Baomin*. Research on the Construction of Online Teaching Competence Model for Primary and Secondary School Teachers[J]. Shanghai Teacher, 2022 (03): 94–106.
12. *Tang Yuanbin, Mu Xiangwei, Shi Weiping*. Enlightenments of International Experience on the Construction of Digital Competence Framework for Vocational Education Teachers in China - A Comparative Analysis Based on Three Mainstream International Frameworks[J]. Chinese Vocational and Technical Education, 2022 (35).
13. *Zhang Haizhu, Chen Hua, Li Jinting*. Construction of a Checklist Model for Rural Teachers' Teaching Reflection Ability in the "Internet +" Era[J]. Journal of Henan Normal University (Philosophy and Social Sciences Edition), 2020, 47 (02): 143–150.
14. *Zheng Xudong, Ma Yunfei, Yue Tingyan*. Continuously Promoting Teachers' Professional Development in the Digital Age - An Investigation Based on the Norwegian Framework for Teachers' Professional Digital Competence[J]. Journal of Comparative Education, 2021 (01).
15. *Cao Zhifeng*. The Influence of College Teachers' Competence on Job Performance - An Analysis Based on the Mediating Role of Perceived Organizational Support[J]. Forum on Education and Culture, 2023 (2): 95–102.
16. *Yu Yang, Lyu Yue*. Construction and Analysis of the Competence Model for Teachers in Emerging Engineering Disciplines[J]. Research in Higher Education of Engineering, 2021 (03): 32–38.
17. *Yi Ye, Xue Feng*. Research on Improving the Digital Literacy of Teachers in Higher Vocational Colleges under the Background of "Digital Economy" - An Empirical Analysis Based on 335 Full - time Teachers in Zhejiang Province[J]. Chinese Vocational and Technical Education, 2022 (05): 55–61.
18. *Zhao Zhongjun, Zheng Qing, Zhang Weiwei*. An Empirical Study on the Construction of College Teachers' Competence Model in the Smart Learning Environment[J]. China Educational Technology, 2019 (02): 43–50+65.
19. *Zheng Xudong*. Research on the Construction and Application of Digital Competence Model for Primary and Secondary School Teachers in China[D]. East China Normal University, 2019: 205–207.
20. *Wang Chenxin, Song Ke, Jin Hui, et al*. The Development Path of Teachers' Digital Competence Based on Distance Teaching – Taking International Chinese Teachers as an Example[J]. Modern Educational Technology, 2022 (07).

Г. А. Фофанова¹, Вань Цзысюй²

УДК 159.9.072

¹⁻²Кафедра социальной и организационной психологии, факультет философии и социальных наук, Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь

ОСОБЕННОСТИ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ ЧУВСТВИТЕЛЬНОСТИ КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ, ОБУЧАЮЩИХСЯ В БЕЛОРУССКИХ УНИВЕРСИТЕТАХ

В статье представлены результаты эмпирического исследования межкультурной чувствительности китайских студентов, обучающихся в университетах Беларуси. Определены социально-демографические параметры межкультурной чувствительности студентов из Китая. Установленные закономерности необходимо учитывать при реализации образовательных программ, ориентированных на иностранных обучающихся.

Ключевые слова: кросс-культурная психология; межкультурные особенности; обучение иностранцев; межкультурная чувствительность; владение иностранным языком; половые особенности; китайские студенты.

Образец цитирования: Фофанова, Г. А. Особенности межкультурной чувствительности китайских студентов, обучающихся в белорусских университетах / Г. А. Фофанова, Вань Цзысюй // София: электрон. науч.-просветит. журн. – 2025. – № 2. – С. 82–91.

Galina Fofanova¹, Wan Zixu²

¹⁻²Department of Social and Organisational Psychology, Faculty of Philosophy and Social Sciences, Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

FEATURES OF INTERCULTURAL SENSITIVITY OF CHINESE STUDENTS STUDYING IN BELARUSIAN UNIVERSITIES

The article presents the results of an empirical study of intercultural sensitivity of Chinese students studying at universities in Belarus. The socio-demographic parameters of intercultural sensitivity of Chinese students are determined. The established patterns must be taken into account when implementing educational programs aimed at foreign students.

Keywords: cross-cultural psychology; intercultural characteristics; teaching foreigners; intercultural sensitivity; gender characteristics; proficiency in a foreign language; Chinese students.

For citation: Fofanova G. & Wan Zixu. Features of Intercultural Sensitivity of Chinese Students Studying in Belarusian Universities. Sophia. 2025;2:82–91. Russian.

Авторы:

¹ Галина Александровна Фофанова – кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры социальной и организационной психологии факультета философии и социальных наук БГУ.
gfofanova@gmail.com

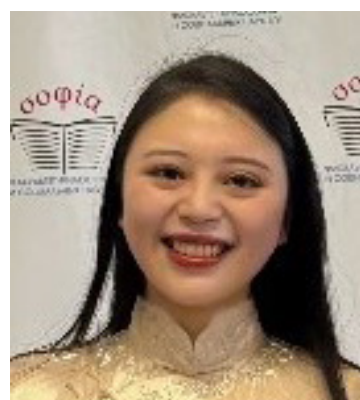
Authors:

Galina Fofanova – PhD of Psychology, Docent, Associate Professor at the Department of Social and Organisational Psychology, Faculty of Philosophy and Social Sciences of BSU.

² Вань Цзысуй – магистрант кафедры социальной и организационной психологии факультета философии и социальных наук БГУ.
onezixu@gmail.com

Wan Zixu – master's degree student at the Department of Social and Organisational Psychology, Faculty of Philosophy and Social Sciences of BSU.

Начало изучения межкультурной чувствительности как психологического феномена можно отнести к 60-м годам XX века, когда исследователи начали фокусироваться на влиянии глобализации и транснациональной миграции на индивидуальную аккультурацию. Межкультурная чувствительность схожа с межличностной чувствительностью (чувствительностью к индивидуальным различиям) и подчёркивает способность личности определять, как люди ведут себя, воспринимают и чувствуют, сталкиваясь с другой культурой [7]. «Чувствительность» отражается в повседневных привычках мышления людей, чувствительные люди более восприимчивы к сложности человеческих существ в межкультурной коммуникации и более склонны позитивно разделять различные точки зрения, быть открытыми к возможностям [10; 11]. Межкультурную чувствительность можно развить, а культурная среда и программы межкультурного обучения – два важных аспекта развития её высокого уровня [8].

Сопряжёнными с межкультурной чувствительностью являются понятия межкультурной осведомлённости и межкультурной компетенции. Эти три измерения являются, с одной стороны, автономными, а с другой – взаимозависимыми: 1) межкультурная чувствительность относится к аффективному уровню, который подчёркивает готовность понять и оценить культурные различия; 2) межкультурная осведомлённость относится к когнитивному уровню, который связан с пониманием влияния культуры и моделей поведения; 3) межкультурная компетенция находится на поведенческом уровне, который связан с навыками достижения эффективной межкультурной коммуникации.

Ранние исследования межкультурной чувствительности фокусировались на индивидуальных различиях и инклюзивности по отношению к культуре, а впоследствии

подчёркивалась роль эмоциональной компетентности и внутренних установок в межкультурной восприимчивости. Более поздние исследования показывают, что субъекты должны способствовать межкультурной адаптации на основе сочетания эмоциональных, когнитивных и поведенческих аспектов. Таким образом, **межкультурная чувствительность** может быть определена как способность человека осознавать культурные различия, понимать, ценить и принимать их в межкультурных ситуациях, воплощённая в позитивной аффективной мотивации, способствующей эффективной коммуникации и сотрудничеству.

Когда человек впервые прибывает в чужую страну, он склонен к стереотипному восприятию чужой культуры из-за ограниченного контакта с местной культурой, в это время его тревожность низка, а неуверенность чрезвычайно высока. По мере углубления контакта с иностранной культурой человек постепенно раскрывает разнообразие культур, и умеренная тревожность помогает ему активно изучать культурные различия и снижать неуверенность через опыт общения, но при этом он может сохранять определённый уровень психологической защиты из-за тревожности. Когда люди способны хорошо адаптироваться к различным культурам и гибко корректировать своё поведение, они развивают высокий уровень межкультурной чувствительности и адаптивности.

Исследование особенностей межкультурной чувствительности китайских студентов, обучающихся в белорусских университетах, с одной стороны, может существенным образом обогатить научное знание о данном феномене, с другой – послужит хорошим научно-обоснованным фундаментом для практической деятельности в области разработки мероприятий по отбору иностранных студентов для обучения, адаптационных и образовательных мероприятий с данным контингентом.

Методологическими основаниями настоящего исследования выступили:

- 1) *модель развития межкультурной чувствительности М. Беннета*, в рамках которой межкультурная чувствительность рассматривается как когнитивная и аффективная способность, которая помогает людям идентифицировать культурные различия и адаптироваться к ним [3];
- 2) *взгляды на идентичность Г. Тэджфела*, согласно которым люди определяют свою идентичность через социальные группы, к которым они принадлежат, и используют групповую идентичность в качестве основного источника принадлежности. Положительный опыт в процессе формирования социальной идентичности будет содействовать межкультурной чувствительности, повышать уровень принятия и понимания культурных различий, а также побуждать индивидов к большей адаптивности и открытости [12].

Метод исследования – опрос. Методики исследования:

- 1) авторская анкета, направленная на выявление информации социально-демографического толка;
- 2) шкала межкультурной чувствительности, позволяющая диагностировать пять её основных измерений: «Вовлечённость во взаимодействие», «Уважение к культурным различиям», «Уверенность во взаимодействии», «Удовольствие от взаимодействия» и «Внимательность во взаимодействии».

Выборка исследования состояла из 151 китайского студента, обучающегося в белорусских учреждениях высшего образования, из них мужчин 52,3 %, женщин 47,7 %. Возраст респондентов варьировался от 19 до 32 лет, средний возраст составил 24 года.

Применение статистического анализа собранных данных позволило получить *результаты*, описанные ниже.

Межкультурная чувствительность китайских студентов в зависимости от пола

Анализ данных с помощью U-теста Манна-Уитни показал, что средние баллы китайских студентов по всем измерениям межкультурной чувствительности различаются в зависимости от пола, но различия не достигают значимого уровня ($p > 0,05$). В частности, средние баллы студентов-женщин по всем измерениям межкультурной чувствительности немного выше, чем студентов-мужчин, это говорит о том, что женщины могут иметь некоторые преимущества в межкультурной коммуникации в плане аффективного познания и поведенческих характеристик, хотя эти преимущества недостаточны для того, чтобы быть установленными применительно к статистической значимости.

В разрезе механизма формирования межкультурная чувствительность является не только прямым отражением эмоционального отношения, но и включает в себя когнитивное понимание и гибкую реакцию индивида на сложность культурных различий [6]. В гетерокультурной учебной среде студенты более склонны развивать общие стратегии межкультурной коммуникации в процессе взаимодействия, а не рассчитывать на типичные модели гендерных ролей. Иными словами, в реальном межкультурном взаимодействии студенты сильнее заинтересованы прибегать к культурно адаптированным и контекстно-чувствительным коммуникативным стратегиям, нежели полагаться на традиционные стереотипные гендерные модели, что может быть следствием того, что гендерные различия не достигли статистической значимости.

Исходя из анализа стандартных отклонений особенно важно отметить, что показатели в группах мужчин и женщин колеблются в небольшом диапазоне и демонстрируют высокую степень согласованности. Из этого следует, что в кросс-культурной среде, независимо от пола, общий уровень китайских студентов по измерениям межкультурной чувствительности более стабилен, с меньшим количеством экстремальных значений и относительно однородными групповыми характеристиками. Это позволяет предположить, что адаптивность к среде может играть более важную роль в формировании межкультурной чувствительности, чем половые характеристики.

Межкультурная чувствительность китайских студентов в зависимости от семейного статуса

Респонденты по признаку «семейное положение» были разделены на две группы: студенты без партнёров, включая одиноких и разведённых, и студенты с партнёрами, включая женатых и состоящих в стабильных отношениях. Хотя результаты некоторых измерений показали, что у китайских студентов с партнёрами средний балл межкультурной чувствительности несколько выше, групповые различия по всем измерениям межкультурной чувствительности не достигли статистически значимого уровня ($p > 0,05$).

Согласно модели аккультурации Дж. Берри, в процессе межкультурной адаптации социальная поддержка выступает важным защитным фактором, способствующим как психологической, так и социокультурной адаптации. Исходя из этого люди, имеющие партнёров, обычно имеют доступ к стабильной эмоциональной поддержке и ресурсам регуляции эмоций, что может помочь уменьшить культурный шок и повысить

уверенность и удовольствие от межкультурного взаимодействия. Следовательно, китайские студенты, имеющие партнёров, показали более позитивные результаты по всем измерениям межкультурной чувствительности [4]. Однако Янг Ким утверждает, что адаптация – это долгосрочный процесс, индивиды адаптируются по схеме «стресс – приспособление – рост». Со временем люди накапливают кросс-культурный опыт благодаря собственным усилиям, и их способность к саморегуляции возрастает [14]. Хотя социальная поддержка (например, отношения с партнёром) может внести значительный вклад в развитие чувствительности в начале процесса адаптации, влияние индивидуальных характеристик (например, пола, семейного положения) на межкультурную чувствительность снижается в ситуациях долгосрочной адаптации. Это может объяснить, почему в нашей выборке, несмотря на наличие тенденций, различия не достигли статистически значимого уровня.

Стоит отметить, что показатель измерения «Внимательность во взаимодействии» близок к значимому уровню ($p=0,098$). Это свидетельствует о том, что люди с партнёрами могут быть более склонны воспринимать эмоциональные реакции и культурные сигналы друг друга в межкультурной коммуникации, что отражает более высокий уровень социальной чувствительности. Такое явление может быть обусловлено тем, что китайские студенты, имеющие партнёров, снижают коммуникативную тревожность за счёт эмоциональной поддержки и в результате более умело замечают культурные детали в своём взаимодействии. Это согласуется с теорией управления неопределённостью и тревогой, предложенной У. Гудикунстом [9], смысл которой заключается в том, что для эффективного межкультурного взаимодействия необходимо, чтобы люди лучше справлялись с неопределённостью и тревогой при столкновении с незнакомой культурой.

Следует обратить внимание, что анализ стандартных отклонений показал меньшие колебания данных в группах независимо от наличия или отсутствия партнёра, что свидетельствует о хорошей внутренней согласованности в выборке. Это соответствует идее экосистемной теории У. Бронфенбреннера о том, что индивидуальная адаптация зависит от взаимодействия многоуровневых факторов среды и что базовый уровень чувствительности имеет тенденцию к группировке и согласованности при длительном межкультурном опыте [5].

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ ЧУВСТВИТЕЛЬНОСТЬ КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ПОЛУЧЕНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ

В подгруппах с разным статусом потребности в психологической помощи китайские студенты имели значительные различия в измерениях межкультурной чувствительности. Согласно U-тесту Манна-Уитни, Z-значения всех измерений были отрицательными, это указывает на то, что студенты с потребностью в психологической помощи в целом набрали меньше баллов по всем измерениям межкультурной чувствительности, чем группа без такой потребности (следовательно, эта группа может иметь более высокую степень коммуникативных барьеров и преодоления адаптации в межкультурном взаимодействии).

Результаты показали, что студенты с потребностью в психологической помощи также набрали значительно меньше баллов, чем студенты без данной потребности, по измерению «Вовлечённость во взаимодействие» ($Z = -3,633$, $p < 0,001$). У китайских студентов с потребностями в психологической помощи позитивная готовность

к межкультурной деятельности значительно подавлена. Это согласуется с мнением Дж. Берри о том, что, испытывая повышенный аккультурационный стресс, коммуникабельные индивиды снижают своё социальное поведение и мотивацию к участию в гетерокультурной среде, тем самым показывая более низкие баллы по измерению вовлечённости во взаимодействие [4].

По измерению «*Уважение к культурным различиям*» тоже наблюдались различия между двумя группами студентов ($Z = -2,503$, $p = 0,012$), однако величина различий была небольшой по сравнению с другими измерениями. «Уважение к культурным различиям» в основном отражает восприятие и принятие индивидом гетерокультурной системы ценностей. Значит, когда когнитивная чувствительность коммуникабельных индивидов более стабильна, они менее восприимчивы к кратковременным колебаниям эмоционального состояния. Это объясняет, почему люди, нуждающиеся в психологической помощи, набрали меньше баллов по шкале «Уважение к культурным различиям», при этом общий разрыв всё равно относительно невелик.

По измерению «*Уверенность во взаимодействии*» группа с потребностью в психологической помощи также набрала значительно меньше баллов, чем группа без этой потребности ($Z = -3,711$, $p < 0,001$). Данное измерение отражает уровень уверенности индивидов в своей способности выражать и понимать себя в межкультурной коммуникации. Причина этого явления может заключаться в том, что когда китайские студенты сталкиваются со славянской культурной средой с большой культурной дистанцией, они склонны испытывать разочарование и тревогу в общении из-за низкой самооценки, что снижает уровень их интерактивной уверенности в себе.

Наиболее значимые различия между двумя группами были обнаружены в измерении «*Удовольствие от взаимодействия*» ($Z = -4,521$, $p < 0,001$), под которым понимается положительное эмоциональное состояние, испытываемое индивидами во время межкультурного взаимодействия. Ли Пин отметил, что иностранные студенты с более высоким уровнем психологических расстройств испытывают меньше удовольствия от социального взаимодействия [17]. Так, китайские студенты в состоянии высокого психологического стресса могут уделять слишком много внимания трудностям и дискомфорту в общении, а не положительным эмоциональным переживаниям, что, в свою очередь, приводит к значительному снижению этого показателя у китайских студентов с потребностью в психологической помощи.

По последнему измерению «*Внимательность во взаимодействии*» показатели группы с потребностями в психологической помощи также были значимо ниже, чем у группы без потребностей ($Z = -3,805$, $p < 0,001$). Измерение отражает чувствительность человека к деталям, эмоциональным сигналам и сигналам культурных различий в межкультурной коммуникации. Таким образом, у группы китайских студентов с менее стабильным психологическим состоянием, возможно, ослаблена способность воспринимать коммуникативные детали из-за более высокого уровня тревожности в межкультурной деятельности, что затрудняет своевременное восприятие культурных и эмоциональных сигналов другой стороны в процессе общения, тем самым влияя на качество коммуникации.

Межкультурная чувствительность китайских студентов в зависимости от срока пребывания в Беларуси

Среди измерений межкультурной чувствительности с увеличением времени, проведённого в Беларуси, общая динамика показателей межкультурной чувствительности

китайских студентов демонстрирует определённую положительную тенденцию. С помощью теста Уэлча ANOVA и пост-хок (post hoc) сравнения Геймса-Хауэлла (Games-Howell) в данном исследовании было установлено, что студенты, обучавшиеся за рубежом более трёх лет, имеют более высокий уровень межкультурной чувствительности по всем измерениям, чем студенты в группах, обучавшихся менее одного года и от одного года до трёх лет.

По показателю «*Вовлечённость во взаимодействие*» китайские студенты, проживавшие в Беларуси более трёх лет, продемонстрировали более высокий уровень коммуникативной вовлечённости по сравнению с группой студентов со сроком пребывания от одного года до трёх лет ($p=0,006$). Эта тенденция согласуется с теорией U-образной кривой, предложенной С. Лисгаардом, согласно которой мотивация студентов к вовлечённости выше в начальный период вхождения в новую культурную среду, снижается на этапе культурного шока (6–18 месяцев) и вновь повышается после длительного периода адаптации [15].

По показателю «*Уважение к культурным различиям*» китайские студенты, обучавшиеся за рубежом более трёх лет, значительно лучше студентов других групп осознавали и принимали новые культурные различия и значимо отличались как от группы, обучавшейся менее одного года, так и от группы, обучавшейся от одного года до трёх лет (соответственно $p=0,015$ и $p=0,023$). Данный феномен позволяет предположить, что способность индивидов понимать и уважать культурное разнообразие возрастает с увеличением продолжительности культурного контакта, что согласуется с мнением Ю. А. Логашенко о том, что накопление опыта межкультурной коммуникации способствует развитию культурной чувствительности [1], а также согласуется с выводами Су Тао о повышении культурной адаптивности за счёт длительного опыта обучения за рубежом [2].

По показателю «*Уверенность во взаимодействии*» студенты, обучавшиеся за рубежом более трёх лет, имели значительно более высокий уровень уверенности в себе в межкультурной коммуникации, чем группа, обучавшаяся менее одного года, и группа, обучавшаяся от одного года до трёх лет (соответственно $p=0,007$ и $p=0,016$). Данная тенденция позволяет предположить, что изначально студенты могут быть недостаточно уверены во взаимодействии из-за языковых и культурных барьеров и что уверенность снижается на этапе культурного шока (6–18 месяцев); в то время как после длительного обучения за рубежом студенты постепенно восстанавливаются и повышают уверенность во взаимодействии благодаря накоплению практического опыта взаимодействия и повышению чувства самоэффективности. Этот результат соответствует пути развития межкультурной чувствительности, предложенному М. Беннетом, т. е. поэтапной эволюции от минимизации, принятия до адаптации [3].

По показателю «*Удовольствие от взаимодействия*» студенты, обучавшиеся за рубежом более трёх лет, имели более высокий положительный эмоциональный опыт, чем группа от одного года до трёх лет обучения, и эта разница была значимой ($p<0,001$). Согласно теории U-образной кривой [16], новизна первого периода сначала приводит к более высокому социальному удовольствию, стадия культурного шока приводит к ухудшению эмоционального опыта, а после длительной адаптации студенты восстанавливают положительный эмоциональный опыт взаимодействия. Кроме того, в исследовании Су Тао [2] аналогичным образом указывается на то, что позитивный опыт студентов в социальных взаимодействиях постепенно увеличивается

с продолжительностью обучения за рубежом, что совпадает с результатами настоящего исследования.

По показателю «*Внимательность во взаимодействии*» китайские студенты, обучавшиеся за рубежом более трёх лет, оказались значимо более чувствительны к деталям, эмоциональным и культурным сигналам в межкультурной коммуникации по сравнению с группой обучавшихся менее одного года и группой обучавшихся от одного года до трёх лет (соответственно $p < 0,001$ и $p = 0,001$). Длительное культурное воздействие позволяет студентам более точно улавливать невербальную информацию в межкультурной коммуникации, что свидетельствует о развитии индивидуальной межкультурной чувствительности на более высоком уровне. Этот результат подтверждает мнение М. Беннета о том, что восприятие культурных различий углубляется с течением времени, а также отражает важный вклад длительного межкультурного опыта в способность воспринимать детали [3].

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ ЧУВСТВИТЕЛЬНОСТЬ КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ УРОВНЯ ВЛАДЕНИЯ ЯЗЫКОМ СТРАНЫ ОБУЧЕНИЯ (РУССКИЙ ЯЗЫК)

В данном исследовании изучались различия в измерениях межкультурной чувствительности у китайских студентов с разными уровнями владения русским языком с помощью теста Уэлча ANOVA и пост-хок сравнения Геймса-Хауэлла. Общие результаты показали, что уровень владения русским языком значительно влияет на большинство измерений межкультурной чувствительности, и общая тенденция заключается в том, что чем выше уровень владения языком, тем выше баллы межкультурной чувствительности.

По параметру «*Вовлечённость во взаимодействие*» группа с высоким уровнем владения русским языком набрала значительно больше баллов, чем группы со средним ($p = 0,001$) и низким ($p < 0,001$) уровнями. Н. Г. Хаваджа и Х. М. Столлман утверждают, что ограниченное владение языком рассматривается как основное препятствие для развития социальных навыков и уверенности в себе [13]. В результате студенты с более высоким уровнем владения языком демонстрируют более высокий уровень вовлечённости и коммуникативной инициативы в кросс-культурных ситуациях. Эта тенденция позволяет предположить, что хорошее владение языком не только снижает коммуникативную тревожность, но и повышает мотивацию и готовность студентов к межкультурному взаимодействию.

По параметру «*Уверенность во взаимодействии*» группа с высоким уровнем владения русским языком оказалась статистически достоверно лучше групп со средним ($p < 0,001$) и низким ($p < 0,001$) уровнями. Результаты исследования показывают, что чем выше уровень владения языком, тем точнее студенты понимают и увереннее выражают свои мысли в межкультурной коммуникации, что значительно повышает их уверенность и навыки преодоления трудностей во взаимодействии. Это явление согласуется с выводами Хун Чэна и Бо Ху о том, что чем выше уровень владения иностранным языком в межкультурной коммуникации, тем большую уверенность во взаимодействии проявляют студенты [8].

По параметру «*Внимательность во взаимодействии*» данные аналогично показали, что группа с высоким уровнем владения русским языком превосходит другие группы ($p < 0,001$ против среднего, $p < 0,001$ против низкого). Осознание культурных сигналов, эмоциональных сигналов и нюансов в межкультурной коммуникации требует

высокого уровня языкового понимания и коммуникативной гибкости. В своём исследовании Ян Цзюнхун отметила, что умелое владение языком и знакомство с социальной средой принимающей культуры являются важными навыками для повышения межкультурной адаптации, что подтверждает результат настоящего исследования, согласно которому улучшение языковой компетенции ведёт к повышению интерактивной чувствительности [18].

Следует обратить внимание, что по таким параметрам, как «Уважение к культурным различиям» и «Удовольствие от взаимодействия», хотя и наблюдались различия между группами в средних значениях, но они не достигли статистически значимого уровня. Исходя из теоретического анализа, это может быть связано с тем, что уважение к культурным различиям относится к более глубокому уровню культурных когнитивных установок, а чувство интерактивного удовольствия зависит от множества таких факторов, как индивидуальные личностные особенности, мотивация взаимодействия и ситуативный опыт, и чисто языковое совершенствование не может напрямую привести к значимым различиям по этим двум измерениям. И хотя повышение уровня владения русским языком может способствовать усилению поведенческих эффектов и уверенности в межкультурной коммуникации, оно не может полностью определить развитие более глубокого культурного познания и эмоциональной адаптации.

Таким образом, полученные данные показывают, что социально-демографические факторы, такие как пол и семейное положение, не оказывают существенного влияния на уровень межкультурной чувствительности китайских студентов, что позволяет предположить, что механизм формирования межкультурной чувствительности в значительной степени не зависит от этих характеристик. Напротив, продолжительность обучения за рубежом и уровень владения русским языком показали значимый положительный эффект: студенты с более чем трёхлетним опытом обучения за рубежом и более высоким уровнем владения русским языком набрали значительно больше баллов по пяти основным измерениям межкультурной чувствительности, что отражает развитие межкультурной компетенции через кумулятивный механизм времени и языковых условий. Полученные результаты, на наш взгляд, следует учитывать при проведении собеседований с иностранными абитуриентами, при организации адаптационных мероприятий, а также в рамках самого образовательного процесса.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Логашенко, Ю. А.* Чувствительность к культурным различиям у студентов с разным опытом межкультурного взаимодействия / Ю. А. Логашенко // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. – 2014. – № 11. – С. 73–81.
2. *Су Тао.* Динамика социокультурной адаптации и состояния психического здоровья китайских студентов в Беларуси / Су Тао // Вышэйшая школа. – 2023. – № 5. – С. 53–57.
3. *Bennett, M. J.* A developmental approach to training for intercultural sensitivity / M. J. Bennett // International Journal of Intercultural Relations. – 1986. – № 10. – P. 179–196.
4. *Berry, J. W.* Immigration, Acculturation and Adaptation / J. W. Berry // Handbook of cross-cultural psychology. – 1997. – Vol. 3, № 1. – P. 291–326.
5. Bronfenbrenner's Ecological Systems Theory. – URL: <https://www.simplypsychology.org/bronfenbrenner.html>. – Date of access: 17.01.2024.
6. *Chen, G. M.* The development and validation of the intercultural communication sensitivity scale / G. M. Chen, W. J. Starosta // Human Communications. – 2000. – № 3. – P. 1–15.

7. *Chen, G. M.* A review of the concept of intercultural sensitivity / G. M. Chen, W. J. Starosta // *Human Communication*. – 1997. – Vol. 1. – P. 1–16.
8. *Chen Hong.* On the intercultural sensitivity of university students in multicultural regions: A case study in Macao / Hong Chen, Bo Hu // *Frontiers in Psychology*. – 2023. – Vol. 14. – URL: <https://www.frontiersin.org/journals/psychology/articles/10.3389/fpsyg.2023.1090775/full>. – Date of access: 19.11.2024.
9. *Gudykunst, W. D.* Anxiety / uncertainty management (AUM) theory: Current status / W. D. Gudykunst // In R. L. Wiseman (Ed.), *Intercultural communication theory* Sage Publications, Inc. – 1995. – P. 8–58.
10. *Hart, R. P.* Attitudes toward communication and the assessment of rhetorical sensitivity / R. P. Hart, R. E. Carlson, W. F. Eadie // *Communications Monographs*. – 1980. – Vol. 47, № 1. – P. 1–22.
11. *Hart, R. P.* Rhetorical sensitivity and social interaction / R. P. Hart, D. M. Burks // *Communications Monographs*. – 1972. – Vol. 39, № 2. – P. 75–91.
12. *Islam, G.* Social identity theory / G. Islam // *Journal of personality and Social Psychology*. – 2014. – Vol. 67, № 1. – P. 741–763.
13. *Khawaja, N. G.* Understanding the coping strategies of international students: A qualitative approach / N. G. Khawaja, H. M. Stallman // *Journal of Psychologists and Counsellors in Schools*. – 2011. – Vol. 21, № 2. – P. 203–224.
14. *Kim, Y. Y.* Becoming intercultural: An integrative theory of communication and cross-cultural adaptation / Y. Y. Kim // *Sage*. – 2001. – P. 56–57.
15. *Lysgaard, S.* Adjustment in a Foreign Society: Norwegian Fulbright Grantees Visiting the United States / S. Lysgaard // *International Social Science Bulletin*. – 1955. – № 7. – P. 45–51.
16. 安然. “文化休克” 译释探源 / 安然 // *学术研究* = *Ань Ран. Исследование источников перевода и интерпретации «культурного шока»* / Ань Ран // *Академические исследования*. – 2010. – № 3. – С. 50–54.
17. 李萍. 留学生跨文化适应中的心理障碍与社会行为问题研究 / 李萍 // *浙江万里学院学报*. = *Ли Пин. Исследование психологических барьеров и социальных поведенческих проблем в кросс-культурной адаптации иностранных студентов* / Ли Пин // *Журнал Чжэцзянского университета Ваньли*. – 2009. – № 6. – P. 14–18.
18. 杨军红. 来华留学生跨文化适应问题研究 : 博士学位论文. 比较教育学 / 杨军红; 华东师范大学. = *Ян Цзюньхун. Кросс-культурная адаптация иностранных студентов : докторская диссертация. Сравнительное образование* / Ян Цзюньхун ; Восточно-китайский пед. ун-т. – Шанхай, 2005. – С. 8–28.

Е. И. Цюхай¹, Н. А. Царик²

УДК 159.9.072

¹ Кафедра социальной и организационной психологии, факультет философии и социальных наук, Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь

² Открытое акционерное общество «Беларуськалий», Солигорск, Республика Беларусь

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ, ПЕРФЕКЦИОНИЗМА И СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ У СПЕЦИАЛИСТОВ ФИНАНСОВОЙ СФЕРЫ

В статье приводятся результаты исследования взаимосвязи эмоционального выгорания, перфекционизма и социальной поддержки у специалистов финансовой сферы. Полученные данные подтвердили, что недостаток социальной поддержки сопровождается у них более высоким риском эмоционального выгорания и усилением патологического перфекционизма. Минимизировать негативные последствия может создание и развитие в сфере финансов профессиональных сообществ, которые смогут обеспечить бухгалтеров и экономистов не только своевременной консультативной помощью, но и необходимой психологической взаимоподдержкой.

Ключевые слова: эмоциональное выгорание; нормальный перфекционизм; патологический перфекционизм; социальная поддержка; специалисты финансовой сферы.

Образец цитирования: Цюхай, Е. И. Взаимосвязь эмоционального выгорания, перфекционизма и социальной поддержки у специалистов финансовой сферы / Е. И. Цюхай, Н. А. Царик // София: электрон. науч.-просветит. журн. – 2025. – № 2. – С. 92–98.

K. Tsukhai¹, N. Tsaryk²

¹Department of Social and Organizational Psychology, Faculty of Philosophy and Social Sciences, Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

²JSC Belaruskali, Soligorsk, Republic of Belarus

THE RELATIONSHIP BETWEEN EMOTIONAL BURNOUT, PERFECTIONISM AND SOCIAL SUPPORT AMONG FINANCIERS

The article presents the results of a study of the relationship between emotional burnout, perfectionism and social support among financiers. The data obtained confirmed that the lack of social support is accompanied by a higher risk of emotional burnout and increased pathological perfectionism among specialists. The creation and development of professional communities in the field of finance can minimize negative consequences, as they can provide accountants and economists not only with timely advice, but also with the necessary psychological mutual support.

Keywords: emotional burnout; normal perfectionism; pathological perfectionism; social support; financiers.

For citation: Tsukhai K. & Tsaryk N. The Relationship Between Emotional Burnout, Perfectionism and Social Support Among Financiers. Sophia. 2025;2:92–98. Russian.

Авторы:**¹Екатерина Ильинична****Цюхай** – старший преподаватель кафедры социальной и организационной психологии факультета философии и социальных наук БГУ.<https://orcid.org/0000-0001-8634-3546>

catic@yandex.ru

Authors:**Katsiaryna Tsukhai –**

Senior Lecturer at the Department of Social and Organizational Psychology, Faculty of Philosophy and Social Sciences BSU.

²Наталья Александровна**Царик** – бухгалтер открытого акционерного общества «Беларуськалий».

tsarik.nat@yandex.by

Natallia Tsaryk –

accountant of JSC Belaruskali.

Современное общество побуждает специалистов различных сфер соответствовать определённым, а порой труднодостижимым требованиям. Подобные ситуации могут нарушить эмоциональное равновесие. Стремление к достижению высоких стандартов в работе и личной жизни, часто сопровождаемое чрезмерной самокритикой и боязнью ошибок, в психологии принято соотносить с перфекционизмом.

Финансовая деятельность требует от специалистов исключительной точности, предельной внимательности и аккуратности, что усиливает их нереалистичные установки. Высокая ответственность за финансовые результаты является источником стресса и служит подспорьем для развития и усугубления перфекционизма [5]. При этом поддержание высокой концентрации внимания и пребывание в постоянном напряжении вызывают у специалистов чрезмерную усталость, снижение профессиональной мотивации и эффективности. Данные симптомы характерны для эмоционального выгорания, под которым понимается состояние эмоционального истощения, деперсонализации и снижения личной успешности, в том числе и в профессиональном плане [1]. Хотя деятельность в сфере финансов и не связана с интенсивным общением (что, по мнению ряда исследователей [4; 8], считается основной причиной эмоционального выгорания), но риск подобной деструкции является высоким для бухгалтеров и экономистов именно из-за чрезмерной напряжённости труда и значительной ответственности за выполняемые действия.

Ослабить негативные последствия чрезмерной нагрузки и эффективно справиться со стрессом специалист может при помощи сети социальной поддержки. Ощущение эмоционального участия окружения (особенно у женщин) способствует сохранению более высокого уровня стрессоустойчивости и профессиональной мотивации [6].

Цель проведённого исследования заключалась в выявлении взаимосвязи эмоционального выгорания, перфекционизма и социальной поддержки у специалистов финансовой сферы, недостаток социальной поддержки у которых сопряжён с более высоким риском эмоционального выгорания и усилением патологического перфекционизма.

Выборка исследования была представлена 78 женщинами, занятыми в сфере финансов (в бухгалтериях и экономических отделах). Возраст участниц варьировался от 18 до 59 лет. Средний возраст составил 38,5 года.

Сбор эмпирических данных осуществлялся с помощью:

- 1) опросника «Профессиональное выгорание» Н. Е. Водопьяновой и Е. С. Старченковой, созданного на основе опросника Maslach Burnout Inventory К. Маслач и С. Джексона (версия для менеджеров) [1];
- 2) трехфакторного опросника перфекционизма Н. Г. Гаранян и А. Б. Холмогоровой [2];
- 3) краткого дифференциального теста перфекционизма А. А. Золотаревой [3];
- 4) многомерной шкалы восприятия социальной поддержки Г. Зимета (MSPSS), адаптированной К. А. Чистопольской, С. Н. Ениколоповым и др. [6].

Полученные данные были подвергнуты обработке с использованием пакета SPSS Statistics v. 22.0 (критерии Колмогорова-Смирнова, Стьюдента (t-критерий), Н-Краскела-Уоллиса, коэффициент корреляции Спирмена).

Анализ результатов исследования позволил отметить, что лишь у 29,5 % участниц зафиксирована низкая и средняя степень эмоционального выгорания, у 37,2 % – высокая, а у 33,3 % – крайне высокая. При анализе компонентов эмоционального выгорания установлено, что для специалистов финансовой сферы характерна высокая степень деперсонализации, а редукция персональных достижений у них наименее выражена. Это свидетельствует о склонности бухгалтеров и экономистов к эмоциональному отстранению от окружающих, несмотря на имеющиеся профессиональные навыки.

При этом у 37,2 % респондентов отмечен низкий уровень перфекционизма, у 48,7% – средний, а у 14,1 % – высокий. Анализируя природу перфекционистских стремлений специалистов, у большинства респондентов установлен средний уровень нормального и патологического перфекционизма, однако у 22 респондентов (28,2 % выборки) превалирует патологическая форма и лишь у 14 респондентов (17,9 % выборки) преобладает нормальная форма перфекционизма. Это указывает не просто на наличие у бухгалтеров и экономистов подобной личностной черты, а подчёркивает их болезненное стремление к совершенству и безупречности, что может быть результатом высокой персональной ответственности за достоверность учёта денежных и материальных средств, а также предоставляемой отчётности.

Между группами специалистов с различной степенью эмоционального выгорания обнаружены различия в выраженности перфекционизма (рис. 1).

Статистически значимые различия на высоком уровне значимости ($p \leq 0,01$) выявлены в выраженности всех шкал, кроме «Высоких стандартов». Полагаем, это связано с высокими требованиями, предъявляемыми непосредственно к занятым в сфере финансов специалистам, от которых требуются наличие профильного образования, исключительная точность, педантичность и т. д.

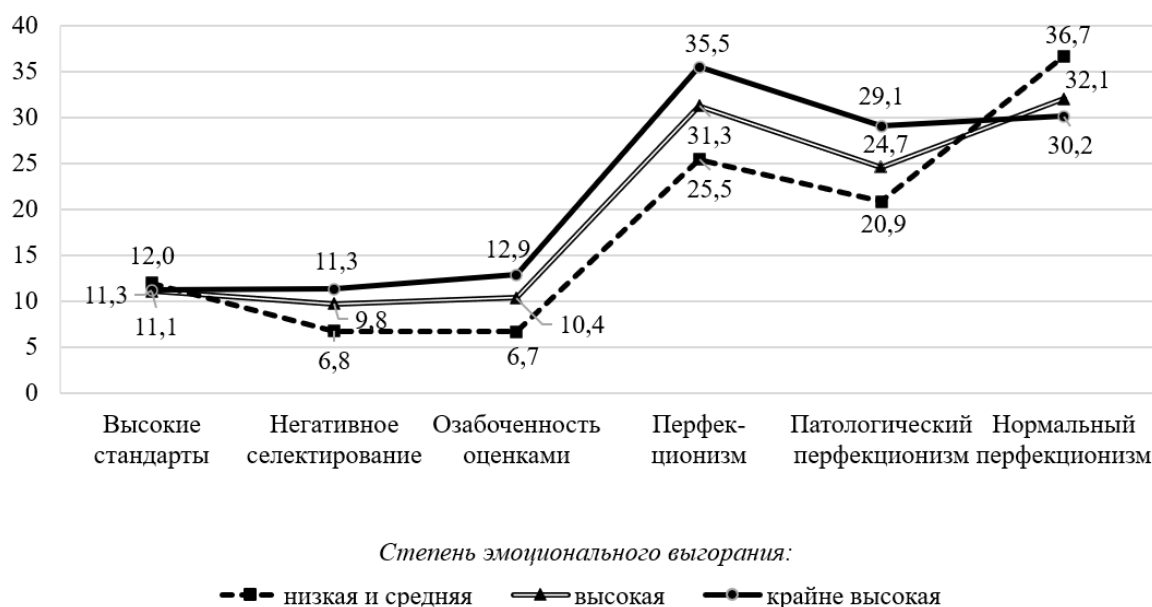

Рис. 1. Выраженность перфекционизма и его компонентов у специалистов финансовой сферы с различной степенью эмоционального выгорания.

Нормальный перфекционизм более характерен для специалистов с низкой и средней степенью эмоционального выгорания; по остальным шкалам перфекционизм сильнее выражен у респондентов с крайне высокой и высокой степенью выгорания. Это указывает на патологическое стремление «выгоревших» бухгалтеров и экономистов к безукоризненности и безупречности в работе; страх совершения ошибки и боязнь негативных последствий собственных недочётов; постоянное ожидание неудовлетворительной оценки результатов своей работы со стороны других (руководства, проверяющих, налоговых органов и т.д.).

Установлено, что большинство респондентов довольны имеющейся социальной поддержкой, лишь около 1/5 всех респондентов подчёркивают недостаток социальной поддержки. Наибольший дефицит отмечается в отношении социальной поддержки от друзей, который может способствовать усилению стресса и эмоционального выгорания. На рисунке 2 представлена выраженность воспринимаемой социальной поддержки у специалистов финансовой сферы с различной степенью эмоционального выгорания.

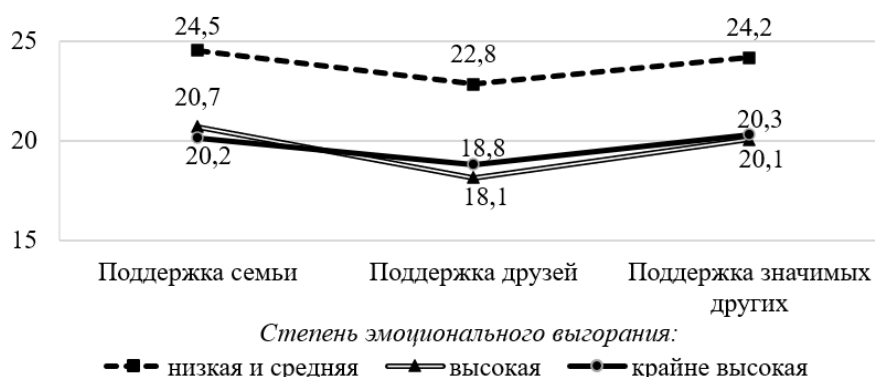

Рис. 2. Выраженность воспринимаемой социальной поддержки у специалистов финансовой сферы с различной степенью эмоционального выгорания.

Специалисты с низкой и средней степенью эмоционального выгорания статистически значимо выше оценивают имеющуюся социальную поддержку семьи ($p=0,003$), друзей ($p=0,006$) и значимых других ($p=0,005$) в сравнении с их коллегами с более высокой степенью выгорания. Достаточный уровень воспринимаемого позитивного отношения со стороны окружения способствует снижению эмоционального напряжения. Специалисты, обладающие высоким уровнем социальной поддержки, менее истощаются из-за внутренней работы [7], не отстраняются от других из-за страха негативной оценки и сохраняют уверенность в собственной успешности.

Кроме того, понимание возможности обратиться к кому-то за поддержкой может снижать уровень перфекционизма, трансформируя его из патологической формы в нормальную. Это объясняется тем, что ресурс слов поддержки и одобрения позволяет эффективнее справляться с патологическим перфекционизмом. Недостаток социальной поддержки выражается в неуверенности в себе, в сомнениях в собственных решениях и в постоянном стремлении к недостижимым стандартам. Также он приводит к усилению самокритики и тревожности, снижает профессиональную удовлетворённость.

Корреляционный анализ выявил ряд взаимосвязей между эмоциональным выгоранием, перфекционизмом и социальной поддержкой у специалистов финансовой сферы (рис. 3).

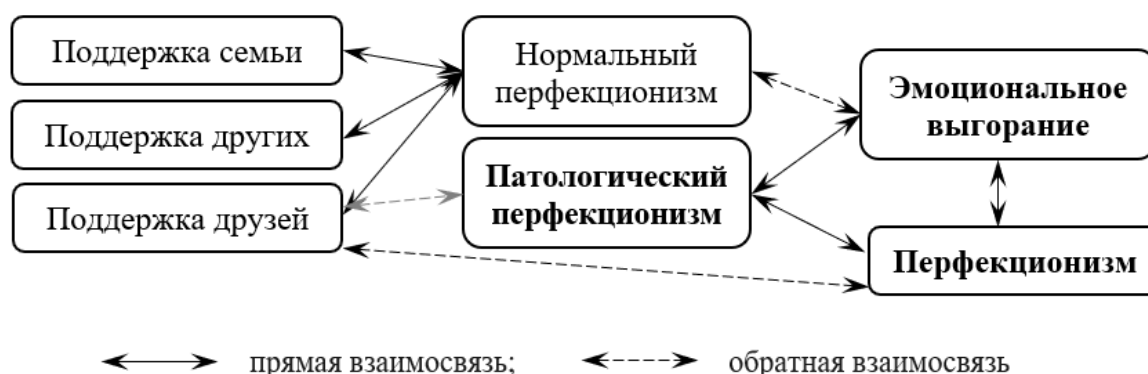

Рис. 3. Корреляционные связи между воспринимаемой социальной поддержкой, перфекционизмом и эмоциональным выгоранием у специалистов финансовой сферы.

Как видно, наличие достаточной социальной поддержки сопровождается здоровое стремление к соответствию высоким стандартам и требованиям, в том числе профессиональным. Нормальный перфекционизм прямо связан с поддержкой семьи ($p=0,448$ при $p\leq 0,001$), поддержкой значимых других ($p=0,308$ при $p\leq 0,01$) и поддержкой друзей ($p=0,423$ при $p\leq 0,01$). Тёплые и гармоничные отношения как с членами семьи, так и с друзьями, коллегами являются для специалиста ресурсом, который он может задействовать при постановке целей и собственной реализации в профессиональной сфере или творчестве.

Кроме того, отмечена тенденция, что именно поддержка друзей обратно связана с уровнем патологического перфекционизма ($p=-0,222$ при $p=0,051$). Как правило, друзья, в отличие от коллег или членов семьи, разделяют профессиональные интересы, имеют схожие взгляды на происходящие события, в курсе которых их держит сам индивид. Их поддержка обеспечивает специалисту реалистичную оценку не только

собственных возможностей, но и предъявляемых требований, снижая риск болезненного стремления к безупречности.

Природа обратной связи поддержки друзей и общего показателя перфекционизма ($r = -0,249$ при $p \leq 0,05$) неоднозначна: стремление перфекциониста к совершенству одновременно может быть как здоровым, так и патологическим. Следует отметить, что чрезмерная педантичность и безукоризненность не способствуют сохранению дружеских отношений на долгий период (из-за психологического превосходства перфекциониста его окружение начинает испытывать дискомфорт, а отношения прекращаются).

Заручившись поддержкой социального окружения, специалисты финансовой сферы с нормальным перфекционизмом менее подвержены истощению и эмоциональному выгоранию ($r = -0,401$ при $p \leq 0,001$) в процессе выполнения профессиональных задач. Недостаток поддержки чреват потерей веры в собственные достижения, что может привести к обесцениванию. Можно предположить, что общение с членами семьи и друзьями предоставляет возможность регулировать профессиональную нагрузку, даёт специалисту понимание, что работа хоть и является важной, но всё же не единственной составляющей его жизни.

Специалистам с низким уровнем социальной поддержки характерна более высокая степень эмоционального выгорания, которое напрямую связано с общим показателем перфекционизма ($r = 0,340$ при $p \leq 0,01$), в том числе патологического ($r = 0,524$ при $p \leq 0,001$). Состояние эмоционального выгорания у бухгалтеров и экономистов сопровождается усилением перфекционистских установок, что проявляется в склонности к повышенной самокритике и стремлению компенсировать недочёты чрезмерными усилиями. Однако такие стратегии лишь усугубляют выгорание, создавая хронический стресс.

Таким образом, полученные данные подтвердили наличие взаимосвязи между эмоциональным выгоранием, перфекционизмом и социальной поддержкой у специалистов финансовой сферы. Гипотеза исследования в целом подтвердилась: специалистам с низким уровнем социальной поддержки характерна более высокая степень эмоционального выгорания, что провоцирует трансформацию уже имеющегося перфекционизма (как личностной черты) в его патологическую форму. При этом специалист не только истощается эмоционально и физически, но и дистанцируется от окружения, теряя доступ к такому ценному ресурсу восстановления эмоционального равновесия, как социальная поддержка, тем самым усугубляя стресс и состояние выгорания.

Особого внимания заслуживает роль поддержки друзей в профилактике эмоционального выгорания и патологического перфекционизма. Ощукая дружескую поддержку, специалисты будут менее подвержены страху негативной оценки их результатов, а также будут придерживаться более реалистичных целей при выполнении профессиональных задач. Создание и развитие профессиональных сообществ в сфере финансов сможет обеспечить бухгалтеров и экономистов своевременной консультативной помощью и необходимой психологической взаимоподдержкой, положительно отражаясь на их самочувствии. Однако данное предположение требует дальнейших исследований.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Водопьянова, Н. Е.* Синдром выгорания: диагностика и профилактика / Н. Е. Водопьянова, Е. С. Старченкова. – СПб. : Питер, 2015. – 212 с.

2. *Гаранян, Н. Г.* Факторная структура и психометрические показатели опросника перфекционизма : разработка трехфакторной версии / Н. Г. Гаранян, А. Б. Холмогорова, Т. Ю. Юдеева // Консультативная психология и психотерапия. – 2018. – Т. 26, № 3. – С. 8–32.
3. *Золотарева, А. А.* Разработка и валидизация шкалы профессионального перфекционизма / А. А. Золотарева // Организационная психология. – 2020. – № 4. – С. 205–218.
4. *Лэнгле, А.* Эмоциональное выгорание с позиции экзистенциального анализа / А. Лэнгле // Вопросы психологии. – 2008. – № 2. – С. 3–16.
5. *Макклелланд, Д.* Мотивация человека / Д. Макклелланд. – СПб. : Питер, 2007. – 672 с.
6. Обновленная версия шкалы MSPSS как инструмент исследования субъективной оценки личностью воспринимаемой социальной поддержки / К. А. Чистопольская [и др.] // Высшее образование в условиях глобализации: тренды и перспективы развития : материалы XII Междунар. учеб.-метод. онлайн-конф. – Чебоксары : Изд-во Чувашского ун-та, 2020. – С. 323–326.
7. *Цюхай, Е. И.* Проблема эмоционального выгорания педагогов: методологические вопросы / Е. И. Цюхай // Сборник научных трудов Академии последиplomного образования. Вып. 16. – Минск : АПО, 2018. – С. 347–353.
8. *Maslach, C.* Understanding burnout : Definitional issues in analyzing a complex phenomenon / C. Maslach // Job Stress and Burnout: ed. by W. S. Paine. – Beverly Hills / London / New Delhi : Sage Publications, 1982. – P. 29–40.

С. И. Ласточкина

УДК 528.021.42

Кафедра геодезии и космоаэрокартографии, факультет географии и геоинформатики, Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь

ОБЗОР НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ ДОКУМЕНТОВ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ, РЕГЛАМЕНТИРУЮЩИХ РАБОТЫ ПО УСТАНОВЛЕНИЮ И ВОССТАНОВЛЕНИЮ ГРАНИЦ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ НА МЕСТНОСТИ

В статье представлен комплексный анализ нормативно-правовой базы Республики Беларусь, регламентирующей работы по установлению и восстановлению границ земельных участков на местности; рассмотрен административный порядок правового регулирования установления (восстановления) границ земельных участков как объектов недвижимого имущества; приводятся выдержки из правоудостоверяющих документов, регулирующих земельно-имущественные отношения в порядке, установленном земельным законодательством Республики Беларусь.

Ключевые слова: земельные участки; землеустроительные работы; земельно-кадастровые работы; установление (восстановление) границ земельных участков на местности; земельно-имущественные отношения; земельное законодательство Республики Беларусь.

Образец цитирования: Ласточкина, С. И. Обзор нормативных правовых документов Республики Беларусь, регламентирующих работы по установлению и восстановлению границ земельных участков на местности / С. И. Ласточкина // София: электрон. науч.-просветит. журн. – 2025. – № 2. – С. 99–108.

Svetlana Lastochkina

Department of Geodesy and Space Aeromapping, Faculty of Geography and Geoinformatics, Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

REVIEW OF REGULATORY LEGAL DOCUMENTS THE REPUBLIC OF BELARUS, REGULATING THE WORK ON ESTABLISHMENT AND RESTORATION BOUNDARIES OF LAND PLOTS ON THE GROUND

The article provides a comprehensive analysis of the regulatory legal framework of the Republic of Belarus governing the establishment and restoration of land boundaries in the area; the administrative procedure for the legal regulation of the establishment (restoration) of land boundaries as objects of immovable property; provides excerpts from the legal documents governing land and property relations in accordance with the procedure established by the land legislation of the Republic of Belarus.

Keywords: land plots; land management works; land cadastral works; establishment (restoration) of boundaries of land plots in the area; land and property relations; land legislation of the Republic of Belarus.

For citation: Lastochkina, S. Review of Regulatory Legal Documents the Republic of Belarus, Regulating the Work on Establishment and Restoration Boundaries of Land Plots on the Ground. Sophia. 2025;2:99–108. Russian.

Автор:

Светлана Ильинична Ласточкина – доцент кафедры геодезии и космоаэрокартографии факультета географии и геоинформатики БГУ.

<https://orcid.org/0009-0006-0071-2501>

7.iris@mail.ru

Author:

Svetlana Lastochkina – PhD Associate Professor, Department of Geodesy and Space Aeromapping, Faculty of Geography and Geoinformatics of BSU.

В Республике Беларусь для составления, выдачи и (или) замены документов, удостоверяющих право пользования земельными участками, предусмотрено проведение землеустроительных и геодезических работ по установлению (восстановлению) границ земельных участков в целях определения на местности их точных геометрических размеров и положения внешних границ.

Земельно-имущественные отношения в Республике Беларусь регулируются Основным Законом страны – Конституцией Республики Беларусь [11], Кодексом Республики Беларусь о земле [10], Указом Президента Республики Беларусь от 2 февраля 2009 г. № 58 «О некоторых мерах по защите имущественных прав при изъятии земельных участков для государственных нужд» [15], Указом Президента Республики Беларусь от 26 декабря 2017 г. № 463-З «О совершенствовании порядка изъятия и предоставления земельных участков» [19], Указом Президента Республики Беларусь от 26 декабря 2019 г. № 485 «О совершенствовании земельных отношений и рассмотрения обращений граждан и юридических лиц» [18], Указом Президента Республики Беларусь от 19 сентября 2022 г. № 330 «О распоряжении государственным имуществом» [17], постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 13 января 2023 г. № 32 «О мерах по реализации Закона Республики Беларусь от 18 июля 2022 г. № 195-З “Об изменении кодексов”» [14], иными нормативными правовыми актами в области регулирования земельных отношений, использования и охраны земель, государственной регистрации недвижимого имущества, прав на него и сделок с ним, геодезии и картографии [7; 8].

Объектами земельных отношений являются [8; 10]: земля (земли); земельные участки; права на земельные участки; ограничения (обременения) прав на земельные участки, в том числе земельные сервитуты.

Субъектами земельных отношений [7; 8; 10] являются Президент Республики Беларусь, Совет Министров Республики Беларусь, государственные органы, осуществляющие государственное регулирование и управление в области использования и охраны земель, граждане Республики Беларусь, иностранные граждане и лица без гражданства, индивидуальные предприниматели, юридические лица Республики Беларусь, иностранные юридические лица и их представительства, иностранные государства, дипломатические представительства и консульские учреждения иностранных государств, международные организации и их представительства.

Согласно Кодексу Республики Беларусь о земле [10], земельным участком называется часть земной поверхности, имеющая границу и целевое назначение и рассматриваемая

в неразрывной связи с расположенными на ней капитальными строениями (зданиями, сооружениями). Земельные участки могут находиться у землепользователей на правах: государственной и частной собственности, а также на праве собственности иностранных государств, международных организаций; пожизненного наследуемого владения; постоянного пользования; временного пользования; аренды (субаренды).

Юридическое лицо или индивидуальный предприниматель, заинтересованные в предоставлении земельного участка [7; 8; 10; 18] для строительства и обслуживания многоквартирного жилого дома, объектов инженерной, транспортной и социальной инфраструктуры в границах сельского населённого пункта, посёлка городского типа (при наличии утверждённого генерального плана), города (при наличии градостроительного проекта детального планирования) либо свободного (незанятого) и предназначенного для жилищного строительства земельного участка в сельском населённом пункте, а также земельного участка для обслуживания принадлежащих им на праве собственности или ином законном основании капитальных строений (зданий, сооружений), ведения лесного, сельского, подсобного сельского хозяйства, для реконструкции (капитального ремонта) объектов инженерной и транспортной инфраструктуры и строительства объектов (за исключением мест добычи общераспространённых полезных ископаемых открытым способом), необходимых для такой реконструкции (капитального ремонта), обращаются в местный исполнительный комитет по месту нахождения испрашиваемого земельного участка с заявлением о предоставлении этого участка. В заявлении указываются [7; 13; 16; 22]: цель, для которой испрашивается земельный участок; вещное право на испрашиваемый земельный участок; намечаемое местоположение земельного участка и его размер; источники финансирования строительства жилого дома и социальной инфраструктуры, а также возмещения убытков (при их наличии). К заявлению прилагаются [7; 13] без нотариального засвидетельствования копии устава и свидетельства о государственной регистрации юридического лица или копия свидетельства о государственной регистрации индивидуального предпринимателя.

Местный исполнительный комитет (администрация свободной экономической зоны) [7; 13; 16; 22] рассматривает заявление юридического лица или индивидуального предпринимателя о предоставлении земельного участка в течение 5 рабочих дней со дня его подачи, даёт разрешение организации по землеустройству на разработку проекта отвода этого участка и сообщает юридическому лицу либо индивидуальному предпринимателю о результатах рассмотрения его заявления. При принятии решения об отказе в предоставлении земельного участка [7; 13] местный исполнительный комитет (администрация свободной экономической зоны) в течение 3 рабочих дней после принятия такого решения сообщает об этом юридическому лицу, индивидуальному предпринимателю с указанием оснований отказа, соответствующих законодательству.

Заявление юридического лица или индивидуального предпринимателя о предоставлении земельного участка рассматривается с учётом утверждённого генерального плана сельского населённого пункта, посёлка городского типа, градостроительного проекта детального планирования, утверждённого генерального плана свободной экономической зоны, а также с учётом наличия не освоенных для жилищного строительства земельных участков в сельских населённых пунктах.

Разработка проекта отвода земельного участка [7; 13] осуществляется организацией по землеустройству на основании договора подряда, заключаемого этой организацией

с юридическим лицом или индивидуальным предпринимателем, заинтересованными в предоставлении им земельного участка, за счёт средств этих лиц, а в случае ведения крестьянского (фермерского) хозяйства – за счёт средств республиканского бюджета. Проект отвода земельного участка разрабатывается в срок не более одного месяца со дня оплаты работ по его разработке. Организация по землеустройству может заключать с юридическим лицом или индивидуальным предпринимателем, имеющими разрешение на осуществление геодезической и картографической деятельности, договор субподряда на выполнение работ по установлению границ земельного участка на местности [7; 21].

Границы предоставленного земельного участка на местности [7; 13; 21] устанавливаются в срок, определённый в договоре подряда на разработку проекта отвода этого участка, заключённом организацией по землеустройству с гражданином, индивидуальным предпринимателем или юридическим лицом, которому предоставлен земельный участок, за счёт средств названных лиц. Такой срок не должен превышать 15 рабочих дней со дня оплаты работ по установлению границ земельного участка на местности.

В соответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 26 декабря 2017 года № 463-З «О совершенствовании порядка изъятия и предоставления земельных участков» и на основании распоряжения Президента Республики Беларусь от 11 ноября 2019 года «О предоставлении земельных участков» [16; 19] установление границ земельного участка на местности производится в присутствии заинтересованного лица, которому предоставлен этот участок, землепользователя земельного участка, из земель которого изъят данный участок, и при необходимости – смежных землепользователей, оформляется актом об ознакомлении заинтересованных сторон с установленными границами на местности и подписывается указанными лицами и представителем организации по землеустройству либо юридическим лицом или индивидуальным предпринимателем, выполняющими работы по установлению границ земельного участка на местности, в момент осуществления этих работ.

Если при ознакомлении заинтересованных сторон с установленными границами земельного участка на местности эти стороны отказались подписывать акт, в нём должностным лицом местного исполнительного комитета делается соответствующая отметка. В этом случае местный исполнительный комитет принимает решение о разрешении возникшего земельного спора в порядке, установленном законодательными актами [7; 21].

Границы предоставленного земельного участка, установленные на местности, закрепляются межевыми знаками [1; 2; 9; 21]. Организация по землеустройству либо юридическое лицо или индивидуальный предприниматель, выполнившие работы по установлению границ земельного участка на местности по договору субподряда, оформляют землеустроительное дело, содержащее материалы по установлению границ земельного участка на местности [9; 21; 23]. Организация по землеустройству в течение 2 рабочих дней после оформления землеустроительного дела или получения его от лица, выполнившего работы по договору субподряда, передаёт землеустроительное дело с заявлением о государственной регистрации создания земельного участка и возникновения права на него (при наличии в договоре подряда соответствующих полномочий организации по землеустройству на обращение за такой регистрацией) в организацию по государственной регистрации, а также сообщает заинтересованному

лицу о дате и месте получения свидетельства (удостоверения) о государственной регистрации [9; 18; 23].

Согласно Инструкции о порядке проведения работ по установлению (восстановлению), изменению границ земельных участков [9; 21] порядок установления границ земельных участков на местности предусматривает проведение подготовительных, полевых и камеральных работ. Инструкцией определяются порядок установления (восстановления) и закрепления границ земельных участков, требования к точности геодезических измерений и оформлению землеустроительного дела по установлению (восстановлению) границ земельного участка.

В процессе подготовительных работ [1; 6; 9; 21] исполнитель работ осуществляет сбор и изучение правоудостоверяющих, геодезических, планово-картографических и иных исходных документов и материалов, на основании которых предоставляется земельный участок.

Работы по установлению и восстановлению границ земельных участков на территории Республики Беларусь выполняются в государственной системе геодезических координат. В населённых пунктах эти работы могут выполняться в местных системах координат, принятых ранее. При этом должна быть обеспечена надёжная математическая связь местной системы координат с государственной [3; 5; 6; 19; 21; 23].

Геодезической основой для проведения работ по установлению и восстановлению границы земельного участка являются пункты государственной геодезической сети, а также пункты съёмочного геодезического обоснования, планового и планово-высотного обоснования, закреплённые на местности центрами долговременной сохранности разрядов, и точки съёмочного геодезического обоснования [3; 5; 19; 21; 23].

На основе земельно-кадастровых материалов [1; 3; 5; 6; 19; 21; 23] соответствующего масштаба с объектами и границами отводимых земель или на чистой основе составляется разбивочный чертёж установления границ предоставленного земельного участка.

При рекогносцировке [1; 3; 5; 19; 21; 23] на местности устанавливаются наличие и сохранность межевых знаков границ смежных землепользователей, собственников и (или) арендаторов земельных участков и твёрдых точек местности, с которыми согласно разбивочному чертежу предусматривается произвести связь границ предоставленного земельного участка.

Закрепление перенесённых на местность поворотных точек границы предоставленного земельного участка [2; 4; 9; 12; 21] производится межевыми знаками установленного образца (металлическими, пластмассовыми, железобетонными, деревянными).

В процессе выполнения работ по установлению границ земельного участка производится ознакомление на местности с установленной границей земельного участка заинтересованных лиц и лица, которому предоставлен этот участок [4; 9; 21], с передачей ему межевых знаков для наблюдения за их сохранностью. Составляется акт ознакомления на местности заинтересованных сторон с установленными (восстановленными) границами земельного участка.

После завершения полевых работ по установлению границ предоставленного земельного участка приступают к камеральным работам [2; 4; 9; 12; 21]. Вычислению координат предшествует уравнивание результатов измерений. Средние результаты измерений и их уравненные значения с оценкой точности, а также решения иных задач

приобщаются к материалам дела по установлению границ предоставленного земельного участка.

Далее составляется каталог координат точек поворота границ земельного участка и по полученным координатам составляется план границ земельного участка [2; 4; 6; 9; 12; 21], на котором отображается граница между земельными участками, имеющими разное целевое назначение, и выписываются отдельно площади земельного участка каждого целевого назначения.

По окончании камеральных работ составляется пояснительная записка, а все материалы брошюруются в землеустроительное дело по установлению границы земельного участка на местности, которое содержит [9; 12; 21]: титульный лист; перечень документов дела; пояснительную записку; ходатайство (заявление) лица, которому выделен земельный участок на производство работ по установлению (восстановлению) границ земельного участка; копию свидетельства о государственной регистрации юридического лица или индивидуального предпринимателя, которому предоставлен земельный участок (при необходимости); копию решения о предоставлении юридическому лицу, гражданину или индивидуальному предпринимателю земельного участка; материалы, собранные на стадии подготовительных работ; каталог координат точек поворота границ земельного участка; схему связи (привязки) границ земельного участка с пунктами геодезической сети; схему привязки (связи) межевых знаков границ земельного участка к объектам и контурам местности; план границ земельного участка с ограничениями в использовании земель (в случае их наличия); акт ознакомления на местности заинтересованных сторон с установленными (восстановленными) границами земельного участка; акт сдачи-приёмки выполненных работ, который может храниться только в деле исполнителя.

В Республике Беларусь 5 января 2025 года вступили в силу изменения в земельном законодательстве по установлению и восстановлению границ земельных участков на местности. В частности, постановлением Государственного комитета по имуществу Республики Беларусь от 20 декабря 2024 г. № 38 [9] внесены изменения в Инструкцию о порядке проведения работ по установлению (восстановлению), изменению границ земельных участков, утверждённую постановлением Государственного комитета по имуществу Республики Беларусь от 23 декабря 2022 г. № 44 (далее – Инструкция № 44) [21]. В результате нововведений:

- 1) увеличен срок подготовки местным исполнительным комитетом договора подряда на выполнение работ по установлению (восстановлению), изменению границ земельных участков. С 5 января 2025 года договор подряда для установления фиксированных границ составляется в течение пяти рабочих дней со дня получения документа, являющегося основанием для выполнения таких работ (для сравнения – ранее согласно части третьей пункта 3 Инструкции № 44 срок составлял три рабочих дня). Теперь при установлении фиксированной границы земельного участка исполнителями учитываются сведения по градостроительным проектам, проектной документации объекта строительства, предусмотренные частью второй пункта 10 Инструкции № 44;
- 2) увеличено предельное значение погрешности при несовмещении фиксированных и нефиксированных границ земельных участков, определение координат точек поворота которых выполнено разными способами установления границ земельных участков. Нормы Инструкции № 44 применяются также при

- определении погрешностей на территориях садоводческих товариществ, дачных кооперативов. С 5 января 2025 года при несовмещении границ земельных участков в населённом пункте, садоводческом товариществе, дачном кооперативе предельное значение погрешностей составляет 3 м (для сравнения – согласно абзацу второму части первой пункта 13 Инструкции № 44 прежде эта величина составляла 2 м);
- 3) изменён порядок направления землепользователю уведомления при установлении границы земельного участка, изымаемого для государственных нужд. С 5 января 2025 года границы земельных участков устанавливаются только после проведения полевых работ. Согласно части четвёртой пункта 15 Инструкции № 44 при выполнении землеустроительных работ землепользователям смежных земельных участков направляются уведомления об установлении границы смежного земельного участка, испрашиваемого для государственных нужд;
 - 4) расширен перечень случаев, не требующих присутствия землепользователей смежных земельных участков при проведении полевых работ. С 5 января 2025 года не требуется присутствие землепользователей также при установлении фиксированной границы земельного участка на местности, если осуществляется установление границы земельного участка, испрашиваемого для государственных нужд. В то же время в других случаях, за исключением случаев, указанных в пункте 16 Инструкции № 44, ознакомление землепользователей смежных земельных участков с установленной фиксированной границей земельного участка и подписание акта производится при физическом (личном) присутствии этих землепользователей на местности при выполнении работ;
 - 5) видоизменён подход в земельном законодательстве в случае отсутствия в акте отметки должностного лица о наличии или отсутствии земельного спора. Отказ от проставления должностным лицом в акте отметки о наличии или отсутствии земельного спора («информация о земельном споре отсутствует» или «имеется земельный спор») на основании части пятой пункта 20 Инструкции № 44 влёт прекращение выполнения работ по установлению границы земельного участка. С 5 января 2025 года отказ от проставления в акте соответствующей отметки не является основанием для приостановления или прекращения работ по установлению границ земельных участков. В подобных случаях в акте исполнителем работ производится запись об отказе должностного лица от проставления соответствующей записи (отметки) и дальнейшие работы по установлению фиксированной границы земельного участка завершаются в установленном порядке;
 - 6) зафиксирована последовательность применения геодезических приборов с электронной памятью. С 5 января 2025 года при проведении измерений с использованием электронного тахеометра, геодезической спутниковой аппаратуры и (или) лазерной рулетки с электронной памятью допускается замена ведения журнала и абриса полевых измерений на бумажном носителе ведением журналов полевых измерений в электронном виде с кодированием объектов;
 - 7) уточнено оформление плана границ земельных участков, испрашиваемых для строительства и обслуживания линейных инженерных сооружений, и в случаях, не требующих получения паспорта застройщика или градостроительного

паспорта. При оформлении планов границ земельных участков, испрашиваемых для строительства и обслуживания линейных инженерных сооружений, в частности их наземных элементов и объектов, связанных с их строительством и (или) обслуживанием, допускается указание на плане каталога координат точек поворота границ земельных участков. Если не требуются разработка градостроительного паспорта или получение паспорта застройщика, то на плане границ земельного участка, предоставляемого для строительства и обслуживания многоквартирного жилого дома, дополнительно указываются границы зон, в пределах которых допускается строительство многоквартирного жилого дома либо нежилых капитальных построек пятого класса сложности;

- 8) расширен перечень сведений, включаемых в землеустроительное дело по изменению границы земельного участка. Дополнительно включаются сведения об ограничениях (обременениях) прав на земельный участок. При этом в сведениях об ограничениях (обременениях) прав на земельный участок, изменяемый в результате изъятия земель, указываются площади земель с ограничениями (обременениями), определённые с учётом данных земельно-информационной системы Республики Беларусь на дату их составления. При отсутствии сведений в земельно-информационной системе (отображения границ территорий) площади земель с ограничениями (обременениями) указываются согласно данным регистра недвижимости.

Государственная регистрация создания земельного участка и возникновения права на него, выдача свидетельства (удостоверения) о государственной регистрации осуществляются организацией по государственной регистрации в срок до 7 рабочих дней со дня обращения лица, которому предоставлен земельный участок, самостоятельно либо организации по землеустройству, а в случае выполнения большого объёма работы, необходимой для совершения регистрационного действия, – в срок до 14 рабочих дней [9; 18; 23].

После осуществления государственной регистрации создания земельного участка и возникновения права на него организация по государственной регистрации в течение 3 рабочих дней передаёт в управление (отдел) по землеустройству по месту нахождения этого участка землеустроительное дело о предоставлении земельного участка и установлении его границ на местности на хранение, а также свидетельство (удостоверение) о государственной регистрации для последующей передачи его лицу, которому предоставлен земельный участок [9; 13; 18; 23].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Аврунев, Е. И.* Геодезическое обеспечение государственного кадастра недвижимости : монография / Е. И. Аврунев. – Новосибирск : СГГА, 2010. – 144 с.
2. *Аврунев, Е. И.* К вопросу об оценке качества межевания земельных участков / Е. И. Аврунев, И. А. Гиниятов, М. В. Метелева // Интерэкспо ГЕО-Сибирь-2013. IX Междунар. науч. конгр. : Междунар. науч. конф. «Экономическое развитие Сибири и Дальнего Востока. Экономика природопользования, землеустройство, лесоустройство, управление недвижимостью» : сб. материалов в 4 т. (Новосибирск, 15–26 апр. 2013 г.). – Новосибирск : СГГА, 2013. – Т. 3. – С. 43–50.
3. *Аврунев, Е. И.* Координирование объектов недвижимости способом электронной тахеометрии / Е. И. Аврунев, А. А. Кудряшова // Интерэкспо ГЕО-Сибирь. XVII Междунар. науч. конгр., 19–21 мая 2021 г., Новосибирск : сб. материалов в 8 т. Т. 7 : Междунар. науч.-технологическая конф. студентов

и молодых ученых «Молодежь. Инновации. Технологии». – Новосибирск : СГУГиТ, 2021. – № 1. – С. 95–103.

4. *Аврунев, Е. И.* Некоторые аспекты создания геодезического обеспечения трехмерного кадастра недвижимости / Е. И. Аврунев, А. И. Гиниятов // Интерэкспо ГЕО-Сибирь. XVI Междунар. науч. конгр., 18 июня – 8 июля 2020 г., Новосибирск : сб. материалов в 8 т. Т. 3 : Междунар. науч. конф. «Экономическое развитие Сибири и Дальнего Востока. Экономика природопользования, землеустройство, лесоустройство, управление недвижимостью». – Новосибирск : СГУГиТ, 2020. – № 2. – С. 30–35.

5. *Аврунев, Е. И.* О совершенствовании системы координатного обеспечения государственного кадастра недвижимости / Е. И. Аврунев, М. В. Метелева // Вестник СГГА. – 2014. – Вып. 1 (25). – С. 60–66.

6. *Аврунев, Е. И.* Современное состояние и проблемы геодезического обеспечения создания и ведения трехмерного кадастра недвижимости / Е. И. Аврунев, А. И. Гиниятов // Регулирование земельно-имущественных отношений в России: правовое и геопространственное обеспечение, оценка недвижимости, экология, технологические решения : сб. материалов III Национальной науч.-практ. конф. в 2 т., 27–29 нояб. 2019 г., Новосибирск, СГУГиТ, 2020. – Т. 1. – С. 136–140.

7. Вопросы Государственного комитета по имуществу Республики Беларусь [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 29 июля 2006 г., № 958: с изм. и доп. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.

8. Земельные отношения в Республике Беларусь : сб. нормативно-правовых актов в области регулирования земельных отношений, использования и охраны земель, государственной регистрации недвижимого имущества, прав на него и сделок с ним, геодезии и картографии / сост. А. А. Гаев [и др.]. – Минск : Беларус. навука, 2003. – 583 с.

9. Инструкция о порядке проведения работ по установлению (восстановлению), изменению границ земельных участков [Электронный ресурс]: постановление Государственного комитета по имуществу Респ. Беларусь от 20 дек. 2024 г. № 38. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/>. – Дата доступа: 10.02.2025.

10. Кодекс Республики Беларусь о земле [Электронный ресурс] : 23 июля 2008 г., № 425-3: принят Палатой представителей 17 июня 2008 г.: одобрен Советом Респ. 28 июня 2008 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 18 июля 2022 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.

11. Конституция Республики Беларусь 1994 года [Электронный ресурс]: с изм. и доп., принятыми на республиканских референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2025.

12. *Назаров, А. С.* Координатное обеспечение топографо-геодезических и земельно-кадастровых работ / А. С. Назаров. – Минск : Учеб. центр подгот., повышения квалификации и переподгот. кадров землеустроительной и картографо-геодезической службы, 2008. – 24 с.

13. О государственной регистрации недвижимого имущества, прав на него и сделок с ним [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь от 22 июля 2002 г. № 133-3: с изм. и доп. от 6 янв. 2021 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.

14. О мерах по реализации Закона Республики Беларусь от 18 июля 2022 г. № 195-3 «Об изменении кодексов» [Электронный ресурс]: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 13 янв. 2023 г., № 32. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/>. – Дата доступа: 10.12.2024.

15. О некоторых мерах по защите имущественных прав при изъятии земельных участков для государственных нужд: Указ Президента Республики Беларусь от 2 февр. 2009 г. № 58: с изм. и доп. // Советская Белоруссия. – 2009. – 4 февр. – № 20.

16. О предоставлении земельных участков: распоряж. Президента Республики Беларусь, 11 нояб. 2019 г., № 211рп: исход. 25.09.2019, № 2-32/2420 МРИК / Гос. ком. по имуществу Респ. Беларусь, Проект. ин-т Могилевгипрозем, Проект. ин-т Белгипрозем. – Могилев, 2019.

17. О распоряжении государственным имуществом: Указ Президента Республики Беларусь от 19 сент. 2022 г. № 330 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

18. О совершенствовании земельных отношений и рассмотрения обращений граждан и юридических лиц [Электронный ресурс]: Указ Президента Республики Беларусь от 26 дек. 2019 г. № 485 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.

19. О совершенствовании порядка изъятия и предоставления земельных участков: Указ Президента Республики Беларусь от 26 дек. 2017 г. № 463-3 (изменения и дополнения : Указ Президента Республики Беларусь от 30 дек. 2022 г. № 466 «Об изменении указов Президента Республики Беларусь») // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

20. Об объектах, находящихся только в собственности государства, и видах деятельности, на осуществление которых распространяется исключительное право государства: Закон Республики Беларусь от 15 июля 2010 г. № 169-З (изменения и дополнения от 4 янв. 2014 г. № 106-З) // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 11.01.2014, 2/2104.

21. Об утверждении Инструкции о порядке проведения работ по установлению (восстановлению), изменению границ земельных участков : постановление Государственного комитета по имуществу Респ. Беларусь от 23 дек. 2022 г. № 44 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.

22. Об утверждении Положения о порядке изменения целевого назначения земельных участков [Электронный ресурс]: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 30 дек. 2011 г., № 1780 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.

23. Официальный сайт Государственного комитета по имуществу, раздел «Земельные отношения», нормативно-правовая база [Электронный ресурс]. – 2025. – Режим доступа: http://gki.gov.by/ru/activity_branches-land-lnorm/. – Дата доступа: 15.02.2025.

Р. Г. Хузиахметов**УДК 504.064**

Кафедра биологии и биоинформатики, факультет биологии, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия

БАЗОВАЯ СТАТИСТИЧЕСКАЯ ОБРАБОТКА ДАННЫХ ГИДРОХИМИЧЕСКОГО АНАЛИЗА И БИОТЕСТИРОВАНИЯ ПРОБ ВОДНЫХ ОБЪЕКТОВ НОВГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ

В статье представлена комплексная оценка общего состояния качества, включая общую оценку по токсичности, водных объектов Новгородской области в период с 2021 по март 2025 г. В качестве данных использованы результаты биотестирования по сперме крупного рогатого скота и гидрохимического анализа рек. Для оценки гидрохимических параметров учитывались концентрации тяжёлых металлов (медь, марганец). Статистическая обработка включала в себя расчёт медианы, стандартного отклонения, t-критерий Стьюдента.

Ключевые слова: экологический мониторинг; токсичность воды; гидрохимия; статистическая обработка; сперма крупного рогатого скота.

Образец цитирования: Хузиахметов, Р. Г. Базовая статистическая обработка данных гидрохимического анализа и биотестирования проб водных объектов Новгородской области / Р. Г. Хузиахметов // София: электрон. науч.-просветит. журн. – 2025. – № 2. – С. 109–114.

R. Khuziakhmetov

Department of Biology and Bioinformatics, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Novgorod, Russia

BASIC STATISTICAL PROCESSING OF DATA FROM HYDROCHEMICAL ANALYSIS AND BIOTESTING OF SAMPLES OF WATER BODIES IN THE NOVGOROD REGION

This article presents a comprehensive assessment of the overall water quality, including a general toxicity assessment of water bodies in the Novgorod Region from 2021 to March 2025. The data used included the results of cattle semen bioassays and hydrochemical analysis of rivers. Heavy metal concentrations (copper and manganese) were taken into account to assess hydrochemical parameters. Statistical analysis included calculation of the median, standard deviation, and Student's t-test.

Keywords: environmental monitoring; water toxicity; hydrochemistry; statistical analysis; cattle semen.

For citation: Khuziakhmetov, R. Basic Statistical Processing of Data from Hydrochemical Analysis and Biotesting of Samples of Water Bodies in the Novgorod Region. Sophia. 2025;2:109–114. Russian.

Автор:**Ришат Григорьевич**

Хузиахметов – студент кафедры биологии и биоинформатики факультета биологии Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого.

<https://orcid.org/0009-0003-3565-6747>

rishat.khuziakhmetov@mail.ru

Author:

Rishat Khuziakhmetov – student of the Department of Biology and Bioinformatics, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University.

Мониторинг экологического состояния водных объектов является одним из приоритетных направлений исследований. Основными источниками загрязнений служат промышленные стоки, животноводческие комплексы [2]. Наряду с основными гидрохимическими наблюдениями [3] перспективным может оказаться биотестирование с использованием спермы крупного рогатого скота, отражающее синергическое биологическое действие загрязняющих веществ. В настоящей работе вследствие того, что данные индекса токсичности предоставлены государственной организацией [4], у большей части проб география отбора неизвестна. Пробы гидрохимии и токсичности с наибольшей вероятностью взяты из разных мест.

В целях статистической интерпретации данных биотестирования проб воды и гидрохимических наблюдений, проведённых в Новгородской области, нами проанализированы данные индекса токсичности по 64 пробам поверхностных вод, полученные с 2021 по март 2025 года в разных районах области, для 16 из которых известны районы отбора [5]. Метод оценки токсичности основан на измерении подвижности сперматозоидов быка с использованием анализатора АТ-05 [1]. Величина индекса токсичности рассчитывалась как отношение активности клеток в испытуемой пробе к контролю [5]. Нормативный диапазон индекса токсичности для воды находится в пределах 70–130 %. Совместно с данными индекса токсичности анализировались данные сайта Новгородского центра по гидрометеорологии по предельно допустимым концентрациям меди и марганца [3; 5]. При статистическом анализе использовались графики нормальных распределений, box-plot, гистограммы в программном обеспечении Microsoft Excel. При сравнении районов (Новгородский и Валдайский) применялись тест Левена и t-критерий Стьюдента, а также вычислялась статистическая мощность критерия в программной среде PyCharm с использованием библиотек `scipy.stats` [7] и `statsmodels.stat.powers` [6] для языка Python.

Индекс токсичности в водных пробах варьировал от 9,3 % до 219,1 %. Мы провели общую оценку токсичности проб почв и воды в Новгородской области и пришли к следующим результатам: среднее значение индекса токсичности для почвы 97,7 %, для воды 107,05 %. Крайними значениями для воды являются $q_1=76,1$ %; $q_2=108,2$ %. Значения среднего арифметического и медианы не совпадают, поэтому за математическое ожидание достовернее выбрать значение медианы.

По данным графика box-plot (рис. 1), большинство значений проб воды попадают в интервальную норму токсичности, а значит предоставленные пробы не токсичны. При этом 12 проб из 64 выходят за рамки нормы, следовательно они токсичны и требуют большего внимания.

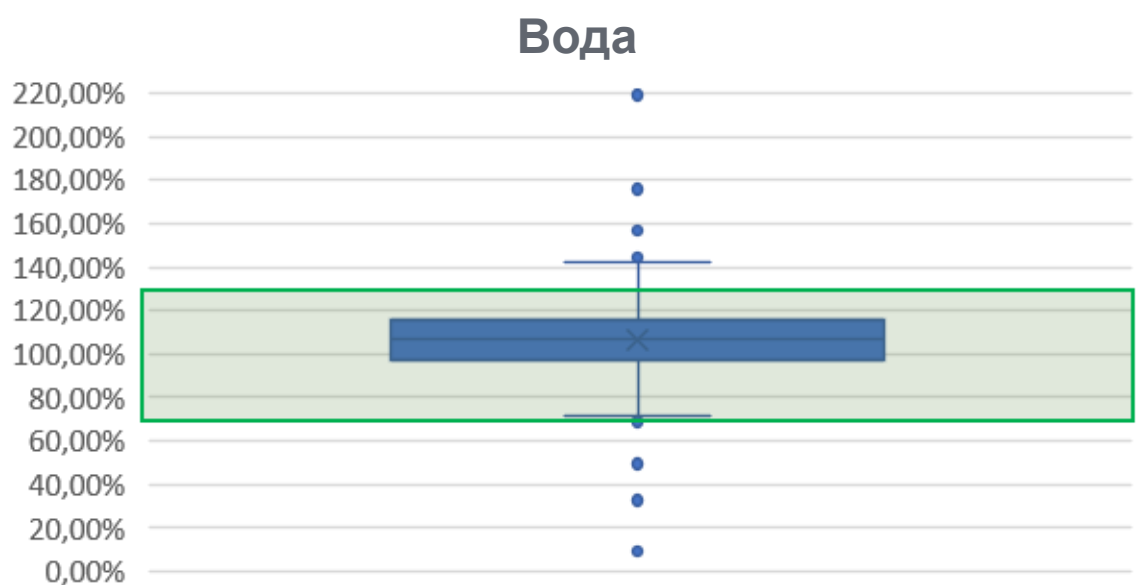

Рис. 1. Данные по разбросу значений проб воды в Новгородской области.

По графику нормального распределения (рис. 2) определено, что встретить безопасную пробу по воде можно в диапазоне с плотностью вероятности от 0,3844 до 2,1588.

Нормальное распределение по воде

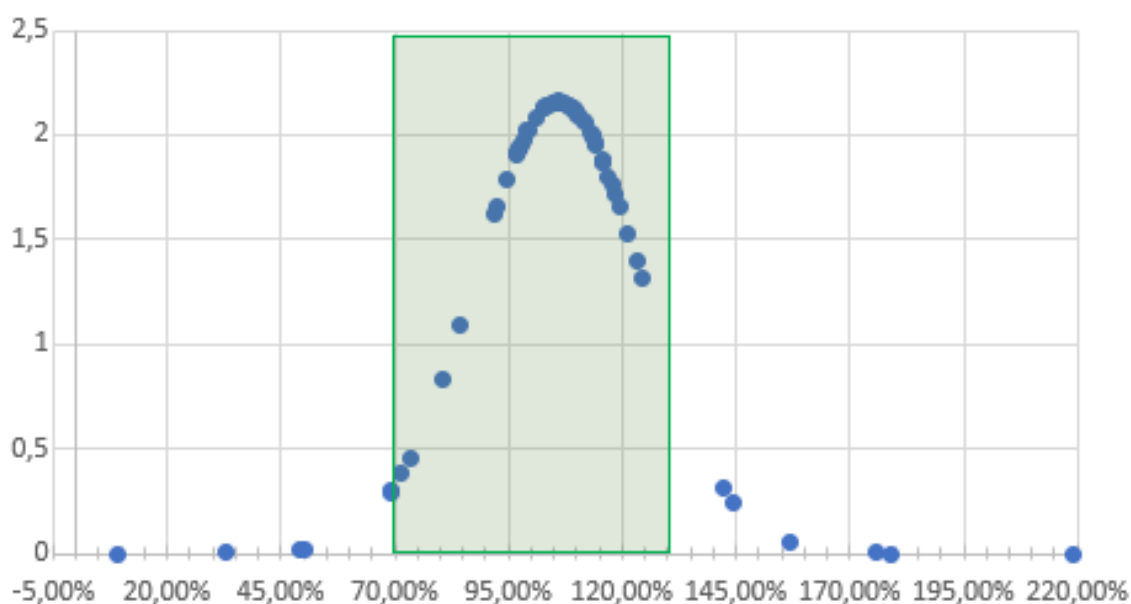

Рис. 2. График нормального распределения данных индекса токсичности.

Построив графики box-plot (рис. 3) в программе Microsoft Excel, мы получили данные, представленные в табл. 1.

Сравнение районов

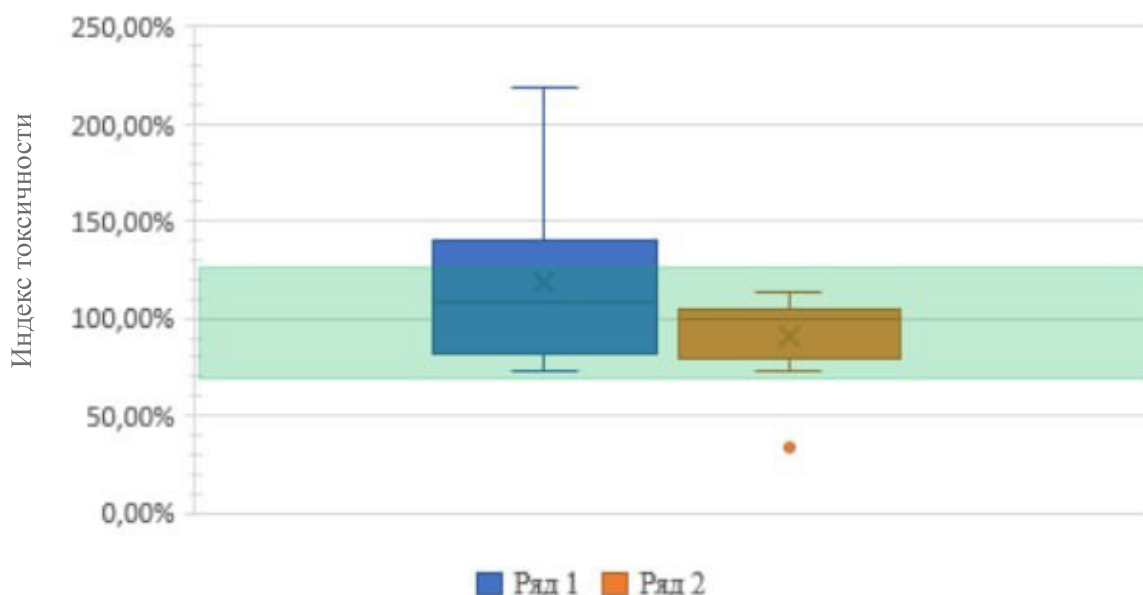

Рис. 3. Сравнение данных индекса токсичности Новгородского и Валдайского районов.

Примечание: Ряд 1 – Новгородский район; ряд 2 – Валдайский район.

Таблица 1

Расчётные данные по пробам воды в Новгородском и Валдайском районах

Функция	Новгородский район	Валдайский район
q1	90,2%	84,63%
q2	113,08%	103,13%
Медиана	109,1%	100,15%
Среднее значение	118,15%	91,14%
Стандартное отклонение	0,520233697	0,202454802

При сравнении районов следует обращать внимание на объём данных и в соответствии с этим проводить оценку. Ввиду того, что уровень стандартных отклонений сильно различается (стандартное отклонение: 0,520233697; 0,202454802), для проверки однородности разброса значений проб воды требуется тест Левена. Поскольку согласно тесту Левена ($p > 0,05$) различия в дисперсиях статистически незначимы, можем считать, что разброс значений индекса токсичности сопоставим.

По t-критерию Стьюдента статистически значимых различий по индексу токсичности не выявлено ($p > 0,1$). Отсутствие статистически значимых различий между Новгородским и Валдайским районами демонстрирует относительную схожесть

состояния водных объектов в тех регионах, где были отобраны пробы. В целях проверки достоверности результата мы рассчитали мощность t-критерия 36 %, вероятность ошибки второго рода 64 %. Отсюда следует, что хоть t-критерий значимых различий и не выявил, это ещё не значит, что таких различий нет. Объёма предоставленных данных недостаточно для точной оценки.

Согласно гидрохимическим данным, наибольшие превышения предельно допустимых концентраций (ПДК) по меди и марганцу наблюдались в феврале и марте, а снижение концентрации металлов прослеживалось ближе ко второму кварталу. Вероятно, это связано со сменой сезонов в году. С 2023 по начало 2025 года медиана для марганца выросла с 9,8 до 12,8. Данные свидетельствуют о большой изменчивости, однако в первый квартал 2025 года мы хотя и наблюдаем снижение, но значения концентраций более стабильны (табл. 2).

Таблица 2

**Статистическая обработка результатов превышений ПДК меди
по гидрохимическим показателям**

<i>Год</i>	<i>Среднее значение</i>	<i>Медиана</i>	<i>Стандартное отклонение</i>
2023	10,25	9,8	5,830406192
2024	11,775	12,7	4,444838682
Январь – март 2025	12,46667	12,8	1,137248141

Периоды повышения концентрации марганца совпали с периодами превышенного показателя индекса токсичности. Для получения более точных результатов требуется увеличить количество данных за зимний период. Установление корреляции между показателями ПДК и индексом токсичности требует расширенной выборки и глубокого анализа.

В ходе статистического анализа оценки токсичности 64 проб воды и 23 проб почв в Новгородской области удалось определить, что средние значения индекса токсичности водных проб находятся в пределах нормативного диапазона, однако зафиксированы отдельные случаи с токсичными образцами. Статистической разницы между пробами из известных районов не обнаружено ($p > 0,1$). Полученные результаты позволили провести количественную оценку вероятности обнаружения нетоксичных проб на основе индекса токсичности спермы крупного рогатого скота в Новгородской области. В качестве тест-функции использована подвижность сперматозоидов. Определено, что вероятность выявления нетоксичных проб превышает вероятность обнаружения токсичных образцов в пробах почвы и воды.

Применение теста Левена позволило подтвердить корректность применения t-критерия Стьюдента. Тест показал, что статистической разницы между пробами, отобранными в Новгородском и Валдайском районах, обнаружено не было. Однако сохраняется вероятность наличия разницы между районами, указывающая на необходимость увеличения количества данных.

Интерпретация данных позволила получить результаты о состоянии водных объектов за период с 2021 по март 2025 года по индексу токсичности и за 2023 – первый квартал 2025 года по гидрохимическим данным в Новгородской области и его оценить. Анализ гидрохимических данных дал возможность увидеть, как меняются показатели превышения ПДК химического состояния водоёмов в зависимости от сезона. Также были выявлены общие тенденции при интерпретации данных между значениями ПДК и индекса токсичности. Исходя из полученных данных предполагается, что периоды повышения ПДК связаны с переходом зимнего сезона на весенний.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Анализатор изображений АТ-05 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pe-lab.ru/catalog/analiticheskoe-oborudovanie/oborudovaniedlyatoksikologii/bmk-invest-at-05-analizator-izobrazheniy-toksichnosti/>. – Дата доступа: 05.12.2024.
2. Министерство природных ресурсов и экологии Новгородской области. Обзор состояния и охраны окружающей среды Новгородской области в 2022 году [Электронный ресурс]. – Великий Новгород : Минприроды Новгородской области, 2023. – Режим доступа: https://minpriroda.novreg.ru/upload/media-library/d39/r9rwx1kcvswl25tilnge4q7029qmr8s7/Обзор_2022.pdf. – Дата доступа: 25.11.2024.
3. Новгородский центр по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды. Качество рек за 2023 – март 2025 года, ежемесячная информация [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.pogodavn.ru/pollution-monitoring>. – Дата доступа: 25.12.2024.
4. ФБУЗ «Центр гигиены и эпидемиологии в Новгородской области». Санитарно-гигиеническая лаборатория [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.cgevnov.ru/uslugi/sanitarno-gigienicheskaja-laboratorija>. – Дата доступа: 05.12.2024.
5. Экспресс-метод оценки токсичности воздуха водорастворимыми компонентами с использованием в качестве тест-объекта спермы крупного рогатого скота. МР 29 ФЦ/2688-2003 – 2003.
6. *Seabold, S.* Statsmodels: Econometric and statistical modeling with Python / S. Seabold, J. Perktold // Proceedings of the 9th Python in Science Conference. 2010 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.statsmodels.org/>. – Дата доступа: 17.02.2025.
7. *Virtanen, P.* SciPy 1.0: fundamental algorithms for scientific computing in Python / P. Virtanen, R. Gommers, T. E. Oliphant [et al.] // Nature Methods. 2020. – Vol. 17 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.scipy.org/doc/scipy/>. – Дата доступа: 17.02.2025.

С. Н. Рогожин¹, А. В. Острецова²

УДК 314.7:331.556(470)

¹⁻²Кафедра экономики и внешнеэкономической деятельности, экономический факультет, Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина, Краснодар, Россия

ВЛИЯНИЕ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ НА ДЕМОГРАФИЧЕСКУЮ СИТУАЦИЮ В АГРАРНЫХ РЕГИОНАХ РОССИИ

Статья посвящена исследованию влияния трудовой миграции на демографическую ситуацию в аграрных регионах России. Рассматриваются статистические показатели естественного движения населения, а также параметры миграционного прироста. Значительное внимание уделено степени включённости мигрантов в экономику сельских территорий.

Ключевые слова: трудовая миграция; демография; аграрные регионы; сельское население; миграционный прирост; миграционная политика России.

Образец цитирования: Рогожин, С. Н. Влияние трудовой миграции на демографическую ситуацию в аграрных регионах России / С. Н. Рогожин, А. В. Острецова // София: электрон. науч.-просветит. журн. – 2025. – № 2. – С. 115–120.

S. Rogozhin¹, A. Ostretsova²

¹⁻²Department of Economics and Foreign Economic Activity, Faculty of Economics, KubSAU named after I. T. Trubilin, Krasnodar, Russia

INFLUENCE OF LABOR MIGRATION ON THE DEMOGRAPHIC SITUATION IN THE AGRARIAN REGIONS OF RUSSIA

This scientific article is devoted to the study of the influence of labor migration on the demographic situation in the agricultural regions of Russia. Statistical indicators of natural population movement, the structure of the rural population, as well as the parameters of migration growth are considered. Considerable attention is paid to the degree of inclusion of migrants in the economy of rural areas.

Keywords: labor migration; demography; agricultural regions; rural population; migration growth; migration policy of Russia.

For citation: Rogozhin S. & Ostretsova A. Influence of Labor Migration on the Demographic Situation in the Agrarian Regions of Russia. Sophia. 2025;2:115–120. Russian.

Авторы:

¹**Сергей Николаевич Рогожин** – студент кафедры экономики и внешнеэкономической деятельности экономического факультета Кубанского государственного аграрного университета им. И. Т. Трубилина.
rogozhin.s@yandex.ru

Authors:

Sergey Rogozhin – Student of the Department of Economics and Foreign Economic Activity, Faculty of Economics, KubSAU named after I. T. Trubilin.

²Анна Владимировна Острецова – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и внешне-экономической деятельности экономического факультета Кубанского государственного аграрного университета им. И. Т. Трубилина.

ostrecova5@mail.ru

Anna Ostretsova – PhD in Economics, Associate Professor of the Department of Economics and Foreign Economic Activity, Faculty of Economics, KubSAU named after I. T. Trubilin.

Демографическая ситуация в аграрных регионах России характеризуется значительной нестабильностью, обусловленной длительным снижением численности населения, ухудшением возрастной структуры, а также уменьшением показателей рождаемости. В условиях общего демографического спада возрастает роль трудовой миграции как существенного механизма пополнения численности населения и обеспечения воспроизводства в сельских территориях. Эффективность этого механизма определяется рядом факторов, среди которых длительность пребывания мигрантов, их профессиональная адаптация, а также уровень социальной интеграции – ключевые показатели, влияющие на способность миграционных потоков компенсировать естественную убыль населения. Важным аспектом является исследование вопроса, в какой степени миграционные процессы способны снизить отрицательные демографические тенденции и обеспечить долгосрочную стабильность развития сельских регионов [3].

В рамках анализа настоящей статьи рассмотрены демографические показатели по 10 аграрным субъектам Российской Федерации. В таблице 1 представлены данные по общей численности населения, доле сельского населения, уровню естественной убыли, миграционной динамике: миграционному приросту и ежегодному притоку трудовых мигрантов. Аналитика динамики демографических тенденций охватывает период с 2020 по 2024 гг. и такие регионы, как Белгородская, Курская, Оренбургская, Орловская, Тамбовская и Тюменская области, а также Алтайский и Ставропольский край, Башкортостан и Республика Калмыкия. Анализ данных позволяет выявить основные тенденции демографического развития названных территорий, оценить динамику миграционных процессов и их влияние на воспроизводство населения, что имеет большое значение для разработки стратегий устойчивого развития сельских районов России в современных условиях.

Таблица 1

Демографические показатели аграрных регионов России, 2020 г.

Регион	Население, тыс. чел., 2020 г.	Сельское население, %	Убыль населения, чел.	Миграционный прирост, чел.	Приток трудовых мигрантов, чел./год
Алтайский край	2 345	45,0	–18 400	2 000	10 500

Башкортостан	4 051	39,9	–24 500	1 200	8 700
Белгородская область	1 543	37,8	–13 400	2 100	5 200
Курская область	1 104	41,2	–9 800	1 200	4 300
Оренбургская область	1 889	41,7	–13 900	1 700	6 800
Орловская область	724	43,5	–7 200	-300	2 100
Республика Калмыкия	274	46,3	–3 200	150	1 300
Ставропольский край	2 807	43,1	–21 200	4 500	11 800
Тамбовская область	1 022	38,4	–11 600	800	3 900
Тюменская область	3 896	28,1	–17 300	3 400	9 200

Источник: [4].

Из анализа показателей таблицы 1 видно, что несмотря на приток мигрантов демографический спад сохраняется во всех аграрных регионах. К примеру, в Алтайском крае убыль населения составила – 18 400 человек, а миграционный прирост – лишь 2 000, что указывает на недостаточность миграции для компенсации потерь.

Внутренняя миграция из сельской местности в более развитые города является одной из главных причин демографического истощения деревень и малых поселений. Молодёжь и трудоспособное население покидают свои родные регионы в поисках более высокой заработной платы, благоприятных жизненных условий и значимого социального статуса. Оставшееся население постепенно стареет, сокращается численность трудоспособных граждан, и в связи с этим уменьшается количество семей, готовых к рождению детей. Всё это усугубляет депопуляционные процессы, проявляющиеся в Центральной России, на юге Сибири и в Поволжье.

В то же время в аграрные регионы регулярно прибывают мигранты из ближнего зарубежья, а именно из стран Центральной Азии. Их труд воспринимается как дешёвая и менее требовательная рабочая сила, тем самым привлекая сельскохозяйственные предприятия, переживающие дефицит кадров. Однако этот процесс имеет двойственную природу [1]: с одной стороны, мигранты восполняют нехватку рабочих рук, способствуя поддержанию производственных процессов и оживлению экономической деятельности региона, с другой – их присутствие не компенсирует убыль трудоспособного местного населения, поскольку мигранты в большинстве случаев не интегрируются в сельские сообщества и не участвуют в воспроизводстве населения региона, рассматривая пребывание в России как временное обстоятельство.

Для целей настоящей статьи сопоставим основные статистические показатели для определения миграционных и демографических тенденций в тех же аграрных регионах. В таблицу 2 включены данные, отражающие долю сельского населения, миграционный прирост, приток мигрантов в год, убыль населения, а также естественный прирост, которые актуальны для 2024 года и предоставляют возможность выявить регионы Российской Федерации с наиболее явными демографическими проблемами.

Таблица 2

Миграционные и демографические показатели аграрных регионов России, 2024 г.

<i>Регион</i>	<i>Сельское население, %</i>	<i>Миграционный прирост, чел.</i>	<i>Приток мигрантов, чел./год</i>	<i>Убыль населения, чел.</i>	<i>Естественный прирост, чел.</i>
Республика Калмыкия	46,3	150	1 300	–3 200	–2,8
Алтайский край	45,0	2 000	10 500	–18 400	–6,2
Орловская область	43,5	–300	2 100	–7 200	–7,2
Ставропольский край	43,1	4 500	11 800	–21 200	–4,4
Оренбургская область	41,7	1 700	6 800	–13 900	–5,0
Курская область	41,2	1 200	4 300	–9 800	–5,9
Башкортостан	39,9	1 200	8 700	–24 500	–4,6
Тамбовская область	38,4	800	3 900	–11 600	–6,7
Белгородская область	37,8	2 100	5 200	–13 400	–5,9
Тюменская область	28,1	3 400	9 200	–17 300	–0,7

Источник: [4].

В Тюменской области приток мигрантов почти полностью покрывает естественную убыль населения (–0,7), наряду с тем как в Орловской области наблюдается существенная разница (–7,2). Наиболее контрастные ситуации в регионах, где одновременно увеличивается число приезжих работников и растёт отток местных жителей. Отличительной чертой Тюменской области является практически нулевая естественная убыль населения, успешно компенсируемая миграцией, что выделяет её на фоне других регионов.

В таблице 3 представлен анализ интеграции трудовых мигрантов в аграрный сектор экономики рассматриваемых регионов. В частности, отмечены доля мигрантов, занятых в сельском хозяйстве, доля мигрантов, проживающих в регионе на постоянной основе, уровень их социальной интеграции и наличие программ, направленных на адаптацию. Анализ охватывает 2024 год и позволяет определить регионы с разными уровнями интеграции мигрантов.

Таблица 3

Интеграция иностранных мигрантов в сельскую экономику, 2024 г.

<i>Регион</i>	<i>Доля мигрантов в с/х, %</i>	<i>Доля постоянных мигрантов, %</i>	<i>Уровень социальной интеграции</i>	<i>Наличие программ адаптации</i>
Алтайский край	17,6	38	Средний	Есть
Башкортостан	14,5	36	Средний	Есть
Белгородская область	12,5	34	Средний	Есть
Курская область	10,3	28	Низкий	Нет
Оренбургская область	11,7	30	Средний	Есть
Орловская область	7,9	22	Низкий	Нет
Республика Калмыкия	13,8	33	Средний	Нет
Ставропольский край	18,2	41	Высокий	Есть
Тамбовская область	9,7	25	Средний	Есть
Тюменская область	15,3	40	Высокий	Есть

Источник: [2].

На основании анализа показателей таблицы 3 следует, что в таких регионах, как Ставропольский край и Тюменская область, наблюдается высокая степень интеграции, что выражается в наличии программ адаптации и расширении культурного участия. В то же время в Курской и Орловской областях уровень включённости остаётся низким, тем самым сдерживая социально-экономический эффект миграции. Интеграция мигрантов остаётся слабой в регионах Российской Федерации без адаптационных программ (Курская, Орловская области), при этом в Ставропольском крае и Тюменской области высокий уровень интеграции (41 % и 40 % соответственно) коррелирует с наличием таких программ.

Массовая трудовая миграция в аграрные регионы России формирует неоднозначное влияние на демографическую динамику. Приведённая статистика свидетельствует о способности сглаживать последствия естественной убыли населения с помощью миграционного прироста, но не решает проблем структурного старения и сокращения численности сельских территорий, обостряемых слабой интеграцией мигрантов в локальные сообщества, отсутствием механизмов удержания новых жителей и низкой привлекательностью аграрной среды.

Формирование устойчивой демографической политики требует комплексного подхода, включающего поддержку молодых семей, стимулирование аграрной занятости, а также укрепление образовательной и социальной среды в сельских районах. Без системного подхода роль трудовой миграции останется компенсаторной и ограниченной.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Адаменко, А. А. Современное состояние и проблемы кадрового обеспечения в агропромышленном комплексе России / А. А. Адаменко, Н. В. Фалина, А. В. Острецова // Бухучет в сельском хозяйстве. – 2024. – № 6. – С. 444–455.
2. Миграционная политика Российской Федерации на период до 2025 года: утверждена Указом Президента Российской Федерации от 13.10.2021 № 595.
3. Острецова, А. В. Влияние миграционных процессов на экономическую безопасность Российской Федерации / А. В. Острецова // Экономическая безопасность России: современное состояние и перспективы обеспечения : материалы национальной науч.-практ. конф., Краснодар, 18 апр. 2019 г. – Краснодар : ФГБУ «Российское энергетическое агентство» Минэнерго России, Краснодарский ЦНТИ – филиал ФГБУ «РЭА» Минэнерго России, 2019. – С. 340–345.
4. Росстат. Демографический ежегодник России. 2024 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781>. – Дата доступа: 07.06.2025.

И. В. Олюнина¹, Н. С. Плющай²

УДК338.48-6(476.2)

¹⁻²Исторический факультет, Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь

СОВРЕМЕННЫЙ ЭТАП РАЗВИТИЯ СОБЫТИЙНОГО ТУРИЗМА В ГОМЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В статье анализируются актуальные проблемы и изменения в развитии событийного туризма в Гомельской области Республики Беларусь. Охарактеризованы количественный аспект, масштаб и тематическое разнообразие этнокультурных событий Гомельской области и их роль в популяризации этнокультурного наследия Беларуси.

Ключевые слова: событийный туризм; фестивали; этнографический туризм; Гомельская область; Республика Беларусь.

Образец цитирования: Олюнина, И. В. Современный этап развития событийного туризма в Гомельской области Республики Беларусь / И.В. Олюнина, Н.С. Плющай // София: электрон. на-уч.-просветит. журн. – 2025. – № 2. – С. 121–128.

Irina Olunina¹, Mikita Pliushchai²

¹⁻²Department of Theoretical and Belarusian Literary Studies, Faculty of Philology, Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

THE CURRENT STAGE OF EVENT TOURISM DEVELOPMENT IN GOMEL REGION OF THE REPUBLIC OF BELARUS

The authors analyze current problems and changes in the development of event tourism in the Gomel region of the Republic of Belarus. The article characterizes the quantitative aspect, scale and thematic diversity of ethnocultural events in the Gomel region and their role in popularizing the ethnocultural heritage of Belarus.

Keywords: event tourism; festivals; ethnographic tourism; Gomel region; Republic of Belarus.

For citation: Olunina I. & Pliushchai M. The Current Stage of Event Tourism Development in Gomel Region of the Republic of Belarus. Sophia. 2025;2:121–128. Russian.

Авторы:

¹Ирина Владимировна Олюнина – кандидат исторических наук, доцент исторического факультета БГУ. irinaolunina@yandex.ru

Authors:

Irina Olunina – PhD in History, Associate Professor of the History Faculty of BSU.

² **Никита Сергеевич Плющай** – студент 4 курса исторического факультета БГУ.

plusajnikita@gmail.com

Mikita Pliushchai – 4-year student of the History Faculty of BSU.

Событийный туризм принято считать особой формой познавательного туризма, которая связана с посещением туристами мероприятий исторического, культурного, развлекательного, природно-экологического, спортивного, экономического, общественно-политического характера в качестве зрителей или активных участников [11, с. 108].

На современном этапе именно этот вид туризма становится наиболее быстроразвивающимся и перспективным, набирая всё большие и большие обороты. Такая тенденция объяснима тем, что современные туристы хотят быть активными участниками событий, получая новые эмоции, несравнимые с эффектом от посещения достопримечательностей, стандартных экскурсий или историко-культурных туров.

Следует отметить, что в Республике Беларусь, следующей современным мировым трендам, событийный туризм занимает важное место в туристическом секторе развития экономики. Так, в 2023 году Министерством спорта и туризма Республики Беларусь была законодательно определена единая классификация видов туризма в стране, где событийный туризм занимает важное место и определяется как «туристическое путешествие с целью удовлетворения потребности в посещении различных событийных мероприятий, приуроченных к событиям в сфере культуры, спорта, туризма, бизнеса и иным событиям, а также деятельность по организации этого туристического путешествия» [9].

Для Гомельской области, обладающей не столь большим количеством памятников историко-культурной и религиозной ценности, а также значительно пострадавшей в результате атомной катастрофы на Чернобыльской АЭС, событийный туризм, пожалуй, может стать одним из самых эффективных и быстроразвивающихся направлений туристической сферы. Это объяснимо тем, что развитие данного направления туризма положительно влияет на экономику и состояние региона. Организация мероприятий позволяет поддерживать местную экономику путём развития гостиничной и ресторанной сферы, системы транспорта и торговли, включая частных предпринимателей и т. д.

Событийный туризм выполняет такие функции, как создание дополнительных рабочих мест, эффективное использование свободного времени человека, формирование позитивного и привлекательного имиджа территории, повышение конкурентоспособности региона, сглаживание региональных диспропорций и обеспечение занятости населения [3, с. 143].

Благодаря специфическим особенностям этот вид туристической деятельности обладает значительными преимуществами перед другими видами туризма, так как:

- привлекает в регион большее число туристов благодаря масштабным повторяющимся мероприятиям;
- продлевает туристический сезон за счёт увеличения времени пребывания туристов в регионе;
- сглаживает сезонность;
- привлекает разные целевые аудитории;
- является эффективным способом развития дестинации, не обладающей культурными или природными ресурсами, а также в условиях экономического кризиса [6].

Следует отметить ещё один бесспорный плюс событийного туризма – его этнокультурную направленность, что становится особенно актуальным в эпоху глобализации. Организация и проведение этнокультурных событий, фестивалей национальных культур, обрядов и других мероприятий не только приносят хороший доход, но и предоставляют возможность жителям Беларуси узнать больше о собственной национальной культуре, а гостям страны – познакомиться с особенностями белорусского этноса. Этнокультурные события развивают уважение к разным культурам и народам, а их проведение служит настоящим ключом к международному сотрудничеству. Таким образом, организация этнокультурных мероприятий очень важна, поскольку позволяет туристам стать полноправными участниками события. Благодаря этому у туристов появляется возможность познакомиться с основными элементами этнокультурного наследия сразу в одном месте в одно время.

Для понимания состояния современной картины этнокультурных событий и разработки эффективных стратегий управления туристскими ресурсами в Гомельской области целесообразно использовать классификацию по масштабу событий. Данная классификация позволяет систематизировать и категоризировать различные события Гомельщины, а также определить их уникальные характеристики и влияние на туристскую индустрию и социокультурное окружение [1, с. 6]. Классификация событий Гомельской области по масштабу проведения включает в себя четыре уровня:

- **международный** – фестивали хореографического искусства «Сожскі карагод» и театрального искусства «Славянские театральные встречи» в г. Гомеле, фестиваль этнокультурных традиций «Кліч Палесся» в Национальном парке «Припятский», «Ежегодный крестный ход в Юровичский монастырь» в аг. Юровичи Калинковичского района; конкурсы «Мой сябра – баян», «Ренессанс гитары» и детский конкурс «Музыка надежды», организуемые в г. Гомеле;
- **республиканский** – фестивали народного юмора «Аўцюкі» в д. Большие Автюки Калинковичского района и фольклорного искусства «Берагіня» в г. п. Октябрьский Октябрьского района, соревнования «Джип-спринт по-Светлогорски» в г. Светлогорск, а также мероприятия Национального парка «Припятский»: «В гостях у Полесского Зюзи в Новогоднем сафари-парке», «Масленица в Припятском» и фестиваль «Ночь барсуков в Припятском»;
- **областной** – спортивно-массовое мероприятие «Гомельский полумарафон» в г. Гомель, культурно-спортивный фестиваль «Вытокі», мероприятия в резиденциях Деда Мороза в охотничьей усадьбе «Фольварк Бельчо» в д. Бельчо Жлобинского района и в заказнике «Выдрица» в Светлогорском районе, фестиваль «Днепровская уха» в г. п. Лоев, торжества в день памяти святого праведного

Иоанна Кормянского в аг. Корма Добрушского района, праздник-ярмарка декоративно-прикладного творчества «Дрэва майстэрства», праздник духовых оркестров «Фанфары Гомельщины», смотр-конкурс образцовых театральных и кукольных коллективов «Театральная радуга», фестиваль искусств «ArtFest»; конкурсы детских рисунков «Дети рисуют мир», ансамблей народной музыки, песни и танца «Музыкальная карусель», вокальных ансамблей со званием «народный (образцовый) любительский коллектив» «Поющая Гомельщина», оркестров, ансамблей струнных народных инструментов с наименованием «народный» («образцовый») «Мелодыі роднага краю» имени Г. И. Жихарева, детского и юношеского песенного эстрадного творчества «Я – пою», деревянной скульптуры «Ажыўшая даўніна» и конкурс ведущих игровых программ «Зажыгай-ка» [2];

- **локальный** – городской форум хореографов и балетмейстеров «Сожскі бум» в г. Гомель, конкурс «Шашлык по-майски» в аг. Глыбов Речицкого района, праздники «Мядовы фальварак» в аг. Симоницы Лельчицкого района и семейного творчества «Семь-Я» в г. Речица; обряды: «Юраўскі карагод» в д. Погост Житковичского района, «Перанос свячы» в д. Красница Чечерского района, «Стрэчанне» или «Грамніцы» в д. Новое Полесье Лельчицкого района, «Ваджэнне і пахаванне стралы» в аг. Неглюбка, Столбун, Яново и д. Казацкие Болсуны Ветковского района, «Провады русалкі» в аг. Великий Бор Хойникского района, «Ваджэнне Сулы» в д. Гадичево и Марковичи Гомельского района, «Чырачка» в аг. Тонеж Лельчицкого района [7, с. 26–29, 31, 33, 47; 8, с. 14–15, 41–42].

Мероприятия международного уровня позволяют существенно повысить имидж дестинации, увеличить долю туристического сектора в экономике, а также создать хорошую репутацию для последующей организации событий. Такие мероприятия ориентированы на туристов из стран СНГ, гостей из ближнего и дальнего зарубежья и проходят исключительно в областном центре региона – г. Гомеле, обладающем необходимой инфраструктурой. Исключением стали только этнокультурный фестиваль «Кліч Палесся» и религиозное шествие «Ежегодный крестный ход в Юровичский монастырь», перенос которых в городскую среду невозможен.

В событиях республиканского уровня фокус смещается с иностранного туриста на отечественного гостя. События этого уровня призваны объединить белорусский народ, сделать акцент на культуре и истории через организацию и проведение этнокультурных мероприятий.

Под областным уровнем понимается такой уровень событий, который будет пользоваться активным спросом у жителей области. Это объясняется тем, что такие мероприятия не имеют «изюминки» и рассчитаны исключительно на внутреннего туриста. Ввиду того, что событийные туры являются довольно дорогим удовольствием, не каждый сможет позволить себе посетить событие, которое ему интересно [4, с. 2–3]. Именно поэтому можно наблюдать высокий спрос на областные мероприятия – они не требуют больших затрат как для организаторов, так и для туристов.

Под локальным уровнем понимается масштаб малых событий, направленных исключительно на местное население региона (района, города или сельсовета). Такие мероприятия не ставят своей целью привлечь новых туристов, а их основная задача заключается в создании развлечений для местных жителей. События локального масштаба отличаются относительно небольшим бюджетом, простотой в организации и программе.

Как можно заметить, этнографический аспект событийного туризма в Гомельской области представлен довольно широко и разнообразно. Это объяснимо тем, что мероприятия международного и республиканского уровней включают в себя все элементы традиционной культуры. Такие фестивали, как, например, международный фестиваль этнокультурных традиций «Кліч Палесся» и республиканский фестиваль фольклорного искусства «Берагіня», несут в себе целый комплекс этнокультурных элементов: национальный костюм, хореографию, музыку, обряды, игру на музыкальных инструментах и национальную кухню. «Берагіня» являет собой замечательную площадку, где туристы за несколько дней проведения феста могут познакомиться практически со всеми белорусскими традиционными элементами культуры. Во время работы фестиваля участники смогли послушать концерты заслуженного коллектива Республики Беларусь, народного ансамбля народной музыки «Бяседа» и заслуженного фольклорно-этнографического ансамбля «Неруш». На «Берагіне» были организованы выставки народно-декоративного творчества, ярмарки и мастер-классы. Кроме того, во время проведения фестиваля была произведена презентация национальных костюмов Беларуси. Особое внимание организаторы фестиваля уделили набирающему обороты в республике гастрономическому туризму, что проявилось в проведении праздников национальной кухни белорусов «Смачна есці» и «Чарніцы-фэст».

Совершенно иная картина наблюдается на областном и локальном уровнях. Этнокультурные события областного и локального уровней в Гомельской области имеют тенденцию к уменьшению количества элементов культуры в программах фестивалей. Мероприятия этих уровней отличаются не только количеством времени события (фестивали, как правило, проходят в один день), но и стремлением организаторов сделать тематику более единообразной – исключительно гастрономической («Днепровская уха» в г. п. Лоев, «Шашлык по-майски» в аг. Глыбов Речицкого района, «Мядовы фальварак» в аг. Симоничи Лельчицкого района), хореографической («Сожскі бум» в г. Гомеле) и т. д.

Следует отметить, что в регионе наметился положительный рост количества организуемых мероприятий: в 2023 году на территории Гомельской области было проведено 9 крупномасштабных мероприятий, а уже в 2024 году этот показатель возрос до 17 событий. Тем не менее необходимо помнить, что элементы традиционной культуры могут быть представлены и на общереспубликанских и международных акциях, таких как Дни письменности, Ночь музеев, «Дажынкі» и др. Таким образом, количество этнокультурных событий в регионе уверенно растёт. За время проведения и организации фестивалей возникли настоящие бренды, славящие регион, кроме того, появилась узнаваемость Гомельщины как региона за рубежом. Однако, несмотря на положительную статистику роста событийного туризма в Гомельской области, следует обозначить сложившиеся проблемы, которые «тормозят» и мешают развитию событийного туризма региона на современном этапе.

Как отмечает белорусский исследователь О. Н. Корхова, серьёзной преградой в развитии туризма остаётся низкий уровень сервиса: очереди на объектах питания, проблемы с размещением туристов, со стоянками автотранспорта и туалетами, что особенно характерно для регионального туризма. Такие сложности отбивают интерес у зарубежных туристов даже от тех мероприятий, которые по-настоящему зрелищны и оригинальны. Туристы, готовые потратить значительные средства на приобретение сувениров на белорусских фестивалях, ярмарках и подобных мероприятиях, зачастую

испытывают разочарование. На многих праздничных мероприятиях местное население является в большинстве своём пассивным наблюдателем. В то время, когда многие зарубежные маскарады, карнавалы, «фэсты» и ярмарки обрели свою популярность и неповторимость благодаря инициативе и активному участию населения городов и регионов, которое при проведении подобных мероприятий, наряду с удовольствием от праздника, получает экономический эффект [5, с. 76].

Следует отметить, что событийный туризм, в отличие от других направлений, является одним из самых изменчивых и непостоянных видов туризма. Специфика событийного туризма в регионе довольно изменчива, что вызывает определённые трудности в развитии данного направления. Так, например, ключевой сложностью для туристов становится то, что мероприятия изменяют свой формат и программу либо переносятся или не привязаны к чётким датам (каждый год проводятся в разное время).

Безусловной проблемой становится то, что сами события, проводимые в регионе, быстро появляются и также быстро «затухают», так и не успев обрести долгой историей и запомниться гостям. Такая ситуация объясняется однотипностью мероприятий, их схожестью с другими, низкой сценарной проработкой и отсутствием характерной «изюминки» – именно того, что так тщательно пытаются получить участники от событийного туризма. Вследствие этого организаторы событий не могут проводить целенаправленную работу по укреплению и развитию значимости мероприятий, а в последующем и созданию из них настоящих брендов региона.

При организации и проведении этнокультурных мероприятий наблюдаются свои трудности: высокий уровень коммерциализации, что приводит к потере аутентичности, сведение культуры к стереотипам, а также использование чужеродных элементов в традиционной культуре. Чтобы избежать проблем, организаторам мероприятий не следует гнаться за новшествами, усиливающими зрелищность и приток туристов, а также необходимо стремиться избегать коммерциализации в процессе организации события, так как это влечёт за собой риск утраты традиционных элементов и их замены современными интерпретациями. Очень важно понимать смысл элемента (или обряда) традиционной культуры, чтобы должным образом организовать его репрезентацию, соблюдая уважение к местным жителям. Для этого организаторам следует обращаться к экспертам местного научного этнографического или краеведческого сообщества [10, с. 226].

Кроме того, в условиях коммерциализации акцент часто смещается на развлекательные аспекты, что приводит к поверхностному восприятию культурных событий. Так, в программе мероприятий появляются батуты и попкорн, не имеющие отношения к элементам белорусской традиционной культуры. Туристы могут получать ограниченное или искажённое представление о культуре, сводя её к экзотическому шоу, лишённому глубины и исторического контекста. Здесь чрезвычайно важна роль гида или экскурсовода, который сможет подготовить туристов к происходящему и обеспечить необходимое знание культурного контекста региона [10, с. 226].

На наш взгляд, для развития туризма и улучшения существующего положения в Гомельской области необходимо предпринять следующие меры:

- 1) своевременно подавать информацию в Национальное агентство по туризму о планируемых мероприятиях для составления календаря событий на год, а также для последующего создания рекламы и пиара мероприятий;

- 2) увеличить доступность информации и рекламы запланированных событий в регионе путём публикации сведений на местных официальных государственных веб-ресурсах (сайты облисполкома, горисполкома, райисполкомов, отдела спорта и туризма Гомельского облисполкома и т.д.);
- 3) работать над развитием современной транспортной инфраструктуры, развитием гостиничной и ресторанной сфер, а также оснащением событий современным оборудованием;
- 4) разрабатывать собственную уникальную брендируемую и сувенирную продукцию, реализуемую на мероприятиях.

Как было сказано, для этнокультурных событий ключевым остаётся сохранение аутентичности, правильного толкования и использования традиционных элементов культуры, а также сохранение баланса между коммерческой и культурной составляющими ивента. Лишь только в таком случае этнокультурные события не будут транслировать стереотипы, а смогут повысить уровень культуры их участников, создать положительный образ региона внутри страны и за её пределами.

Таким образом, на сегодняшний день в Гомельской области активно развивается и набирает обороты этнокультурный событийный туризм, представленный как большим количеством событий по виду, так и большим разнообразием по их форме. Кроме того, в регионе уже сложились собственные мероприятия, открывающие историю и культуру края за рубежом, став настоящими брендами Гомельщины. Этого удаётся достичь благодаря крайне важному этнокультурному аспекту, позволяющему сохранить культурное наследие, формировать и укреплять национальную идентичность, а также развивать межнациональные связи. Следует отметить, что, помимо прочего, организация фестивалей приносит неплохой доход, стимулирует местную экономику, способствует созданию новых рабочих мест, продвигая узнаваемость региона.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Ахундова, А. Г. Исследование типов событийного туризма и их классификация / А. Г. Ахундова // Экономика Профессия Бизнес. – 2013. – № 3. – С. 5–11.
2. Гомельский областной исполнительный комитет [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gomel-region.gov.by/ru/festivali-ru/>. – Дата доступа: 22.08.2025.
3. Грушин, М. Ю. Анализ развития событийного туризма в России, его функции, пути повышения эффективности событийных мероприятий / М. Ю. Грушин // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). – 2016. – № 2, Т. 7. – С. 139–145.
4. Иванин, Ю. А. Особенности организации событийного туризма / Ю. А. Иванин // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2018. – № 3 (март) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://e-koncept.ru/2018/184014.htm>. – Дата доступа: 22.08.2025.
5. Корхова, О. Н. Проблемы и перспективы развития событийного туризма в Республике Беларусь / О. Н. Корхова // Туризм и гостеприимство : науч.-практ. журнал. – 2016. – № 1. – С. 72–77.
6. Леонидова, Е. Г. Событийный туризм как новое направление российского туристского рынка [Электронный ресурс] / Е. Г. Леонидова // Universum: Экономика и юриспруденция. – 2015. – № 7 (18). – Режим доступа: <http://7universum.-com/ru/economy/archive/item/2307>. – Дата доступа: 21.08.2025.
7. Мельникова, Л. Г. Гомельщина туристическая / Л. Г. Мельникова, И. В. Глушеч. – Ч. 1. – Гомель : Учреждение «Гомельский ОЦНТ», 2019. – 60 с.
8. Мельникова, Л. Г. Гомельщина туристическая / Л. Г. Мельникова, И. В. Глушеч. – Ч. 2. – Гомель : Учреждение «Гомельский ОЦНТ», 2019. – 56 с.

-
9. О ведении Единой классификации видов туризма в Республике Беларусь : постановление Министерства спорта и туризма Республики Беларусь от 7 авг. 2023 г. № 36 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=-12551&p0=W22340307>. – Дата доступа: 18.08.2025.
10. *Олюнина, И. В.* Событийный сегмент этнографического туризма в Беларуси на современном этапе / И. В. Олюнина // *Пытанні мастацтвазнаўства, этналогіі і фалькларыстыкі*. Вып. 37 / Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі ; навук. рэд. А. І. Лакотка. – Мінск : Беларус. навука, 2025. – С. 216–226.
11. *Решетников, Д. Г.* География туризма Беларуси : пособие для студентов фак. междунар. отношений, обучающихся по спец. 1-26 02 02 «Менеджмент (по направлениям)», направление специальности 1-26 02 02-06 «Менеджмент (в сфере международного туризма)» / Д. Г. Решетников. – Минск : БГУ, 2012. – 303 с.

А. В. Шевель

УДК 796-053.81:004+338.48-2-053.81:004

Кафедра физического воспитания и спорта, Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь

РОЛЬ ИННОВАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В РАЗВИТИИ МОЛОДЁЖНОГО СПОРТА И ТУРИЗМА

В статье рассматривается роль инновационных технологий в формировании устойчивых здоровых привычек и пропаганде здорового образа жизни среди молодёжи. Объясняются механизмы использования технологий, анализируется их роль в жизни людей, занятых в сфере интеллектуального труда.

Ключевые слова: активный образ жизни; цифровые технологии; молодёжный спорт и туризм; студенты; Белорусский государственный университет.

Образец цитирования: Шевель, А. В. Роль инновационных технологий в развитии молодёжного спорта и туризма / А. В. Шевель // София: электрон. науч.-просветит. журн. – 2025. – № 2. – С. 129–135.

A. Shevel

Department of Physical Education and Sports, Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

THE ROLE OF INNOVATIVE TECHNOLOGIES IN THE DEVELOPMENT OF YOUTH SPORTS AND TOURISM

The article examines the role of innovative technologies in the formation of sustainable healthy habits and the promotion of a healthy lifestyle among young people. It explains the mechanisms of using technologies and analyzes their role in the lives of people engaged in intellectual work.

Keywords: active lifestyle; digital technologies; youth sports and tourism; students; Belarusian State University.

For citation: Shevel, A. The Role of Innovative Technologies in the Development of Youth Sports and Tourism. Sophia. 2025;2:129–135. Russian.

Автор:

Алексей Владимирович Шевель – старший преподаватель кафедры физического воспитания и спорта БГУ.
shevel668@gmail.com

Author:

Aleksei Shevel – Senior lecturer of the Department of Physical Education and Sports of BSU.

Прогресс в современном обществе всё больше способствует тому, что люди переходят к малоподвижному образу жизни, приводящему к гиподинамии. Во многом этому благоприятствуют умные гаджеты, система лёгкой и удобной доставки чего угодно на дом, а также развитая инфраструктура и доступность транспортных средств. Такой жизненный уклад, без преуменьшения, бросает вызов нынешней системе здравоохранения. Об этом свидетельствует отчёт Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), в котором сообщается, что уже более 80 % подростков в развитых странах в возрасте от 11 до 17 лет не выполняют рекомендуемый уровень ежедневной физической активности. При этом подростки предпочитают проводить более 8 часов в день за экранами смартфонов, планшетов и персональных компьютеров [1, с. 1458].

Проблемы, обусловленные гиподинамией, носят комплексный характер. У людей с низкой физической активностью наблюдаются трудности, связанные с физическим и психологическим здоровьем. По данным ВОЗ, у людей со сниженной физической активностью существенно повышается риск сердечно-сосудистых заболеваний, возрастает риск появления диабета 2-го типа и даже рака. При длительном снижении физической активности у людей наблюдается ухудшение психологического состояния, сопряжённое с нарушением выработки серотонина и дофамина. Такое нарушение приводит к развитию повышенной утомляемости, депрессии, бессоннице и тревожному расстройству. Эта проблема особенно актуальна для работников офисов, которые могут проводить в сидячем положении более 12 часов в сутки, что весьма негативно сказывается на их продуктивности и общих когнитивных функциях.

Кроме того, снижение физической активности населения становится серьёзной проблемой как для здравоохранения, так и для экономики в целом. По предварительным прогнозам ВОЗ, к 2030 году расходы на систему здравоохранения, возникшие в связи с ростом гиподинамии, будут составлять примерно 300 млрд. долларов [7], что не только ухудшит общее экономическое состояние ряда государств, но и поставит под угрозу достижение целей устойчивого развития.

Отдельное внимание в проблеме гиподинамии заслуживает гендерная и возрастная диспропорция. Во всём мире наблюдается тенденция снижения физической активности у женщин и мужчин в соотношении 34 % против 29 % соответственно. Однако существуют страны, в которых этот разрыв достигает более 20 %. Особо выделяется резкое снижение физической активности у лиц в возрасте старше 60 лет [4]. Подобная диспропорция указывает на необходимость своевременного реагирования на возникающую проблему гиподинамии в обществе, что потенциально может помочь в борьбе с учащёнными случаями хронических заболеваний.

Хотя технологии, как правило, рассматриваются как первопричина тенденции малоподвижного образа жизни, однако у них есть и обратная сторона. Широко распространённые фитнес-трекеры, умные часы и мобильные приложения уже не первый год доказывают свою эффективность в пропаганде здорового образа жизни среди студентов и молодёжи в целом. С появлением новых технологий растут и их сферы применения, так *AR/VR* (дополненная/виртуальная реальность) приложения, которые активно используются в игровой индустрии, всё чаще применяются в сфере туризма и активного отдыха. А такие инновационные подходы в обучении, как геймификация и социальные сети, создают новую среду, способствующую развитию коллективной

мотивации. Однако, несмотря на явные преимущества, необходимо грамотно подходить к применению новых технологий, не забывая про их негативное влияние.

Целью настоящего исследования является выявление основных возможностей и преимуществ инновационных технологий в виде носимых устройств, VR/AR гарнитур и мобильных приложений, а также барьеров, препятствующих их эффективно-му внедрению и применению.

В ходе исследования была разработана форма для проведения анкетирования среди студентов в возрасте от 18 до 21 года с целью выяснить тенденции к гиподинамии среди молодёжи, определить уровень заинтересованности к технологиям для поддержания активного образа жизни и выявить барьеры, препятствующие использованию таких технологий. В опросе участвовали студенты биологического факультета Белорусского государственного университета. Сбор данных осуществлялся при помощи онлайн-опроса через google-форму. В анкете содержались тестовые вопросы как с одним, так и с несколькими вариантами ответа. В опросе приняли участие 53 студента: 13 юношей и 40 девушек. Полученные в ходе анкетирования данные были статистически обработаны при помощи приложения «Google Таблицы» и визуализированы с использованием библиотеки *matplotlib* на *Python*.

Практически каждый хотя бы раз в своей жизни видел или сам использовал умное носимое устройство. Сегодня никого не удивить таким гаджетом, как *Apple Watch*, или его бюджетным аналогом – фитнес-трекером *Xiaomi Mi Band*. Эти устройства содержат в себе множество датчиков и сенсоров, позволяющих в реальном времени отслеживать количество шагов, сердечный ритм, фазы сна, уровень кислорода в крови и многое другое. При этом все эти гаджеты неразрывно связаны с приложениями на смартфоне, которые позволяют подробно визуализировать прогресс в виде графиков и могут давать рекомендации по физическим тренировкам, тем самым стимулируя осознанный подход к собственному физическому здоровью среди пользователей.

Одним из достижений является система *Apple Watch* – «Кольца активности». Отмечено, что среди пользователей в возрасте от 18 до 24 лет, использовавших эту систему, средняя ежедневная физическая активность была выше на 34 % [5, с. 9]. Это достигается за счёт применяемой в системе механики микровознаграждений в виде закрываемых колец и уведомлений, которые приходят пользователю на смартфон и часы с напоминанием о необходимости в физической активности. Аналогичный эффект наблюдается и при использовании других умных браслетов и часов, как, например, браслета *Xiaomi Mi Band*. Фитнес-браслет входит в сегмент бюджетных носимых устройств, а его цена не превышает 50 долларов. Низкая цена и широкий функционал делают этот браслет отличным выбором для молодёжи. Отдельно стоит отметить интеграцию носимых устройств с социальными сетями и платформами, где пользователи сравнивают друг с другом свои результаты и публикуют свои достижения, что, несомненно, способствует формированию коллективной мотивации к активности.

Интересным является подход на основе мобильного приложения с элементами геймификации в сочетании с уникальным нарративом. Ярким примером является приложение «*Zombies, Run!*», которое погружает пользователей в сценарий выживания в зомби-апокалипсисе. При этом беговые задания воспринимаются пользователями как «спасение» от зомби. Подобный подход не просто сделал приложение одним из самых популярных в своей категории, а способствовал увеличению физической активности среди пользователей [3, с. 423].

Иной подход с геймификацией применяется платформой *Strava*, где делается акцент на коллективной мотивации, используются таблицы лидеров и виртуальные награды. Благодаря возможности создания групповых заданий и соревнований групп между собой пользователи мотивируются за счёт коллективной ответственности, что положительно влияет на ежедневную физическую активность [9, с. 17].

Сложно представить сегодняшние технологии без упоминания искусственного интеллекта (ИИ). Популярные приложения, такие как в *Freeletics* и *Nike Training Club*, используют алгоритмы на основе машинного обучения для помощи пользователям в их физических тренировках. Они анализируют историю тренировок, частоту сердечных сокращений и субъективную оценку усталости пользователя, корректируя нагрузки и комплекс упражнений, помогая достигать лучших результатов, чем если бы программу корректировал и составлял реальный человек [6, с. 43]. Однако ИИ уступает живым тренерам в коррекции техники и обратной связи, что критически необходимо при выполнении физических упражнений.

Современные VR-устройства, такие как *Oculus Quest* и *HTC Vive*, используют технологии, позволяющие пользователю окунуться в виртуальную реальность. Устройства предоставляют экраны с высоким разрешением и углом обзора 110–180°, позволяют отслеживать движения глаз и тела пользователя, а также предоставляют объёмный звук, создавая иллюзию присутствия в условиях дикой природы или на любой другой локации.

VR-платформы, такие как *Wander* и *BRINK Traveler*, способны имитировать походы в горах и лесах, совмещая отдых с физической нагрузкой. В ходе 30-минутных сеансов у пользователей отмечается повышенный пульс, что помогает сжигать калории, как при реальной прогулке в умеренном темпе. Однако подобные VR-платформы не способны самостоятельно решить проблему с гиподинамией, так как при их использовании пользователи не задействуют большинство мышц, которые у них работали бы при реальной прогулке. Поэтому применение таких платформ следует рассматривать лишь в контексте комбинации с другими подходами и (или) инструментами: например, в сочетании с беговой дорожкой.

AR-приложения, такие как карманные туристические путеводители *HistoricAR* и *Street Museum*, вдохновлённые популярной игрой *Pokémon Go*, применяют алгоритмы компьютерного зрения для наложения цифровых объектов на видео в реальном времени. Это превращает городские прогулки в увлекательные задания, стимулируя пользователей больше времени проводить вне дома. Эффективность данного подхода заключается в механизме дофаминовой петли, где за каждое достижение цели пользователь получает игровые очки. Отдельно стоит выделить преимущество AR-приложений по сравнению с технологиями виртуальной реальности (VR). Для AR отсутствует необходимость в дополнительной громоздкой и дорогой аппаратуре, которая нужна для погружения в виртуальную реальность, так как для большинства AR-приложений достаточно обычного смартфона [2].

Платформы *AllTrails* и *Komoot* также используют ИИ для прокладывания маршрутов [10, с. 110]. Исходя из анализа общедоступных данных, их алгоритмы учитывают уклоны, типы поверхностей, погоду и другие факторы, способствующие оптимизации реального маршрута и помогающие пользователям ориентироваться на местности. Подобные платформы упрощают доступ к природным маршрутам, делая их привлекательными для большего числа пользователей. Однако существуют и проблемы:

из-за наличия рейтинговой системы и отображения пользователям только добавленных разработчиками троп происходит перегрузка маршрутов, создавая эффект «медовой ловушки», концентрируя практически всех пользователей на нескольких маршрутах.

Неотъемлемой частью современного общества являются такие социальные сети и медиа, как *Instagram* и *TikTok*. «Испытания», которые популяризируются известными людьми на этих площадках, получают «вирусный» эффект в обществе, что способствует повторению людьми со всего мира этих «испытаний». Подобные «испытания» часто провоцируют эффект гипертуризма, который приводит к разрушению туристического объекта и (или) экологическому загрязнению прилегающих территорий [8, с. 234]. Необходимо понимать, что социальные сети могут быть отличным инструментом для мотивации и пропаганды здорового образа жизни, однако следует соблюдать осторожность и стараться фокусироваться на развитии сознательности у пользователей.

Большую часть опрошенных в ходе анкетирования составляли девушки, соотношение полов было практически 3 к 1. На вопрос «Сколько часов в день вы проводите сидя (учёба, работа, отдых)?» 16,98 % респондентов ответили больше 8 часов, 43,4 % – 6–8 часов, 28,3 % – 4–6 часов и 11,32 % указали менее 4 часов. На вопрос «Какие технологии вы используете для поддержания физической активности?» 43,4 % выбрали фитнес-браслеты, 18,87 % – умные часы, 30,19 % используют мобильные приложения, 5,66 % – VR/AR-платформы, а остальные ничего не используют. На вопрос «Что мешает вам использовать технологии для ЗОЖ?» 49,06 % отметили высокую стоимость, 9,43 % – недостаток информации, 5,66 % – сложность в использовании, 24,53 % – отсутствие интереса, 11,32 % – отсутствие пользы. На вопрос «Что мотивирует вас к физической активности?» 52,83 % выбрали стремление к улучшению здоровья, 11,32 % – рекомендации врача, 30,19 % определили мотивирующим фактором друзей, 11,32 % – игровые элементы в приложениях и остальные – социальные сети. На вопрос «Сколько времени в неделю вы уделяете физической активности (тренировки, прогулки, спорт)?» 11,32 % ответили менее 1 часа, 18,87 % – 1–3 часа, 43,3 % – 3–5 часов, 26,42 % – более 5 часов.

Особо следует акцентировать внимание на ответах по вопросам «Сколько часов в день вы проводите за экранами гаджетов?», «Как часто вы используете технологии для поддержания физической активности?», «Как часто вы испытываете симптомы усталости, стресса или тревожности?». По результатам анкетирования было выяснено, что 70 % респондентов проводят более 6 часов ежедневно за экранами гаджетов. Это означает, что зависимость молодёжи от гаджетов является весомым аргументом снижения общего времени на физическую активность. Необходимо отметить, что, несмотря на высокий процент используемой техники для поддержания физической активности, только 15 % респондентов ежедневно пользуются ею по назначению, что может объясняться низкой мотивацией студентов и их высокой учебной нагрузкой.

Для поддержания физической активности самыми полезными функциями в гаджетах были отмечены трекеры активности (51 %), а также виртуальные ассистенты (36 %). Средняя оценка полезности гаджетов составила 3,5 балла из 5.

Посредством анализа результатов анкетирования в этой работе проведена попытка разобраться со сложной взаимосвязью между инновационными технологиями и физической активностью молодёжи. Так, результатами анкетирования подтверждена проблема гиподинамии, отмеченная в отчётах ВОЗ. Полученные данные свидетельствуют о более 60% респондентов, которые проводят больше 6 часов в сутки в сидячем

положении. Точные причины такой тенденции ещё предстоит выяснить, однако сложившаяся ситуация уже является масштабной. Проблему подкрепляет факт, что 70 % опрошенных проводят за экранами более 6 часов в сутки. Низкий интерес к ежедневному использованию технологий (15 %) также требует анализа причин. Основным барьером, отмеченным 49,06 % респондентов, является высокая стоимость гаджетов. Даже бюджетные фитнес-браслеты, такие как Xiaomi Mi Band, недоступны для части студентов, что ограничивает их распространение.

Основным мотивом для занятий физической активностью отмечено «улучшение здоровья» (52,83 % респондентов). Однако отсутствие интереса в использовании современных технологий у 24,53 % указывает на недостаток внешних стимулов. Учебная нагрузка, сочетающаяся с экранной зависимостью, сокращает временные возможности для занятия физической активностью. Лишь 26,42 % респондентов уделяют ей более 5 часов в неделю, поэтому интеграция технологий в повседневную учебную практику могла бы существенно повлиять на проблему гиподинамии.

Обозначенные причины и барьеры, препятствующие грамотному использованию инновационных технологий, могут быть устранены посредством системного подхода. Создание льготных программ и субсидирование технологий способны снизить финансовую нагрузку на обучающихся, интеграция элементов геймификации в учебную программу вместе с созданием «виртуальных ассистентов» может положительно сказаться на заинтересованности студентов в ежедневной физической активности, а проведение специальных занятий по обучению работе с гаджетами может помочь в преодолении проблемы с отсутствием у них знаний и навыков.

Как уже отмечалось, инновационные технологии демонстрируют двойственную роль: с одной стороны, они усугубляют развитие гиподинамии через зависимость от экрана, с другой стороны, они становятся инструментами для её преодоления. Поэтому эффективным решением до сих пор остаётся грамотная комбинация доступных технологий и социальной мотивации, адаптированных к образу жизни современного студента. Однако успех таких инициатив зависит от преодоления барьеров, связанных с финансами и образованием.

Таким образом, в рамках статьи проанализирована роль цифровых технологий в повышении физической активности молодёжи. Цель исследования, заключавшаяся в определении возможностей технологий и выявлении ограничений и барьеров, препятствующих их эффективному внедрению и применению, достигнута. Главным барьером отмечена высокая стоимость устройств, что ограничивает их доступность.

Результаты анкетирования студентов подтвердили тенденцию к гиподинамии. Основными мотивами физической активности являются желание улучшить здоровье и социальные факторы. Анализ использования инновационных технологий выявил, что они, с одной стороны, способствуют повышению активности через геймификацию, персонализацию и социальную мотивацию, а с другой – усугубляют экранную зависимость. Среди технологий наиболее популярны фитнес-браслеты и мобильные приложения.

Для преодоления барьеров предложены субсидирование технологий, интеграция геймификации в учебные программы, обучение работе с гаджетами. Исследование подтвердило, что грамотное сочетание технологий, социальной мотивации и образовательных инициатив может стать основой для борьбы с гиподинамией среди молодёжи.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Bull, F. C.* World Health Organization 2020 guidelines on physical activity and sedentary behaviour / F. C. Bull, S. S. Al-Ansari, S. Biddle [et al.] // *British Journal of Sports Medicine*. – 2020. – Vol. 54, № 24. – P. 1451–1462.
2. *Calisto, M. D. L.* A systematic review of virtual reality in tourism and hospitality: The known and the paths to follow / M. D. L. Calisto, S. Sarkar // *International Journal of Hospitality. Management*. – 2024. – Vol. 116 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.econbiz.de/Record/a-systematic-review-of-virtual-reality-in-tourism-and-hospitality-the-known-and-the-paths-to-follow-calisto-maria-lurdes/10014457822>. – Дата доступа: 12.03.2025.
3. *Farič, N.* Running App «Zombies, Run!» Users' Engagement with Physical Activity: A Qualitative Study / N. Farič, H. W. W. Potts, S. Rowe [et al.] // *Games for Health Journal*. – 2021. – Vol. 10, № 6. – P. 420–429.
4. *Garwood, P.* ВОЗ // Согласно новому исследованию ВОЗ, большинство подростков в мире ведут малоподвижный образ жизни, что ставит под угрозу их сегодняшнее и будущее здоровье / P. Garwood, C. Lindmeier. – 22.11.2019 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.who.int/ru/news/item/22-11-2019-new-who-led-study-says-majority-of-adolescents-worldwide-are-not-sufficiently-physically-active-putting-their-current-and-future-health-at-risk>. – Дата доступа: 12.03.2025.
5. *Lister, C.* Just a Fad? Gamification in Health and Fitness Apps / C. Lister, J. H. West, B. Cannon [et al.] // *JMIR Serious Games*. – 2014. – Vol. 2, № 2. – P. 9.
6. *Masagca, R. C.* The AI coach: A 5-week AI-generated calisthenics training program on health-related physical fitness components of untrained collegiate students / R. C. Masagca // *Journal Human Sport and Exercise*. – 2024. – Т. 20, № 1. – С. 39–56.
7. *OECD.* Step Up! Tackling the Burden of Insufficient Physical Activity in Europe / OECD, World Health Organization. – OECD, 2023 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.oecd.org/en/publications/step-up-tackling-the-burden-of-insufficient-physical-activity-in-europe_500a9601-en.html. – Дата доступа: 12.03.2025.
8. *Pamularsih, T. R.* The Effectiveness of Instagram and TikTok in Increasing Interest Tourism for Gen-Z / T. R. Pamularsih, N. W. S. Dewi, N. W. W. Astuti // *Proceedings of the International Conference on Sustainable Green Tourism Applied Science – Social Applied Science 2024 (ICoSTAS-SAS 2024)* // *Advances in Economics, Business and Management Research* / T. R. Pamularsih, N. W. S. Dewi, N. W. W. Astuti ; ed. by A. A. N. G. Sapteka [et al.]. – Dordrecht : Atlantis Press International BV, 2024. – Vol. 308. – P. 228–238.
9. *Russell, H. C.* «If It's not on Strava it Didn't Happen»: Perceived Psychosocial Implications of Strava use in Collegiate Club Runners / H. C. Russell, C. Potts, E. Nelson // *Recreational Sports Journal*. – 2023. – Vol. 47, № 1. – P. 15–25.
10. *Schwietering, A.* Digitalization of planning and navigating recreational outdoor activities / A. Schwietering, M. Steinbauer, M. Mangold [et al.] // *German Journal of Exercise and Sport Research*. – 2024. – Vol. 54, № 1. – P. 107–114.

СОДЕРЖАНИЕ

Фольклористика и этнография

Казакова И. В.

Фольклор Хотимщины..... 3

Морозова Т. А.

Обряд «Проводы русалки» на Лоевщине
как самобытное явление белорусской русальной обрядности..... 10

Приемко О. В.

Локально-региональная парадигма белорусского фольклора:
свадебные песни Пинщины 16

Sun Mengyuan, Zhang Hongshan

Research on the Protection and Inheritance Path of Li Ethnic Folk Culture..... 23

Zhang Hongshan, Guo Wei

Analysis of Hainan Li Nationality Folk Songs 30

Zhang Yi, Guo Wei

Research on The Protection of Intangible Cultural Heritage of Hainan Li Brocade... 35

Литературоведение

Алейнік Л. В., Гао Жуй

Вобраз лісы-пярэваратня ў творчасці Пу Сун-ліна..... 41

Гао Юйкунь, Шматкова І. І.

Переклад прозы Васіля Быкава на кітайскую мову:
праблема захавання аўтарскага стылю 48

Актуальные вопросы образования

Дзянісенка В. С., Марозава Т. А.

Адукацыйны патэнцыял фальклорнай практыкі
ў кантэксце прафесійнай падрыхтоўкі філолагаў:
вопыт вучэбна-навуковай лабараторыі беларускага фальклору
Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта 55

Huang Zheng, Tang Lijia

Innovation and Effectiveness in the Cultivation Model of Skilled Talents –
a Case Study of Shanghai Sipo Polytechnic 60

Wang Hui

Research on the Construction of Digital Competence Model
for College Teachers in the New Era71

Психология

Фофанова Г. А., Вань Цзысюй

Особенности межкультурной чувствительности китайских студентов,
обучающихся в белорусских университетах 82

Цюхай Е. И., Царик Н. А.

Взаимосвязь эмоционального выгорания, перфекционизма
и социальной поддержки у специалистов финансовой сферы 92

Естественные науки

Ласточкина С. И.

Обзор нормативных правовых документов Республики Беларусь,
регламентирующих работы по установлению и восстановлению
границ земельных участков на местности.....99

Хузиахметов Р. Г.

Базовая статистическая обработка данных гидрохимического анализа
и биотестирования проб водных объектов Новгородской области 109

Рогожин С. Н., Острецова А. В.

Влияние трудовой миграции на демографическую ситуацию
в аграрных регионах России 115

Спорт и туризм

Олюнина И. В., Плющай Н. С.

Современный этап развития событийного туризма
в Гомельской области Республики Беларусь 121

Шевель А. В.

Роль инновационных технологий в развитии молодёжного спорта и туризма129